

НИКИТА ЧИРКОВ

ВНОВЬ

Ошибка координат

Никита Владимирович Чирков

Вновь: ошибка координат

Серия «Вновь», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70197175

SelfPub; 2023

Аннотация

На колонию Монолит совершена атака чудовищ. Создания необузданной силы и ярости выбрались из глубин планеты Кома и превратили город в поле боя. Идя на большие жертвы, силами армии людей и роботов получается создать шаткую линию обороны, чтобы начать эвакуацию с планеты. Остаткам Техгруппы надо найти предателя Бэккера и его неожиданных сторонников, напрямую причастных к появлению жестокого врага. Путь их пролегает в глубины Топи – на территорию опасной для человека дикой природы. В это время в отдаленной тюрьме Тишь под руководством специалиста Техгруппы Катарины начинается разработка биологического оружия против несокрушимых чудовищ. Однако у руководства тюрьмы на него другие планы... Счет идет на часы. Второй день начался.

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	26
5	31
6	40
ПИСЬМО 1	47
7	50
8	59
9	65
10	72
11	78
ПИСЬМО 2	82
12	85
13	93
14	98
15	105
16	117
17	123
ПИСЬМО 3	132
18	135
19	144
20	154

21	158
22	170
23	178
24	187
ПИСЬМО 4	193
25	200
26	206
27	210
28	216
29	222
30	226
ПИСЬМО 5	233

Никита Чирков

Вновь: ошибка координат

1

Соединение разрозненных воспоминаний дается с трудом не столь из-за бурлящих эмоций, сколь в сомнениях перед надобностью иметь эту цельную картину. Раз уж жизнь пока в ее руках, да и знакомый голос неустанно убеждает в безопасности, следовательно, ценность объяснения пугающего окружающих состояния куда важнее другим, чем ей. Так что сомнения постепенно угасают в бушующем водовороте обрывков воспоминаний с сопутствующими неоднородными чувствами.

Существует тьма, привыкнуть к которой не так и трудно за счет отсутствия звезд на небе. Солнечная система ИМБ слишком далека во Вселенной от других скоплений святил, и лишь телескоп или его аналог открыли людям нечто большее, чем ночное полотно. Но то было на поверхности, а вот сокрытое под землей имеет иное влияние. Тамошняя тьма представляет воплощение чудовища, жестокого и властного, готового убить любого посягнувшего на его владения.

– Ты слышишь меня? – Если бы голос не был знакомым

и оттого успокаивающим, то Рода вряд ли бы была столь податлива. – Мы тебя не торопим, Рода, не спеши, ты в безопасности. Сколько нужно времени, столько и дадим, но ты должна вспомнить, что случилось с твоей группой.

Кое-как получилось процидить сквозь зубы:

– Всех убила та тварь... Я и Мориц... мы остались в живых. – Она подвела их, свою команду, должную спокойно изучать планету Кома. Постепенно, дабы территорию вокруг города Монолит можно было наконец-то считать свободной от страхов встретить нечто чуждое. Вот они и встретили. Потакая инстинктам, не заметив капельницу и доктора, Рода ринулась к выходу, чувствуя лишь одно – стыд. Но не перед Катариной, чей знакомый голос был последним инструментом взаимосвязи с еле живой, пережившей нечеловеческие испытания Родой, нет. Стыд перед ее командой, которую она не защитила. Когда охрана схватила Роду у выхода из палаты, недавно только выглядевшая полуживым существом девушка раскрыла второе дыхание. Не без труда она вновь была помещена на койку и теперь уже прицеплена по рукам и ногам, словно дикое животное, не приемлющее иного, чем праведное убийство.

– Рода! – Катарина умела быть строгой, считаться с ней приходилось не только из-за должности, но и по велению ее непростого характера, не приемлющего излишнее волнение рядом с собой. – Возьми себя в руки! Не позорь себя, не позорь Техгруппу, не позорь своего отца!

Упоминание ее папы возымело отрезвляющий эффект, как минимум зрительный контакт был налажен. Сама Картина всегда считала, что Роде было оказано недостаточное воспитание, причем преимущественно в дисциплинарном направлении. Но мгновенная фокусировка оказалась обманчива: упоминание ее папы спровоцировало болезненную реакцию на важнейшее воспоминание, которое предшествовало данному моменту. Когда неистовое чудовище убило почти всю ее команду и вот-вот должно было забрать и ее с Морицем жизнь, у Роды открылось странное второе дыхание. Нечто совершенно новое толкало ее вперед, заряжая и Морица продолжать путь... Прямо в пещеры, без карты местности или понимания конечного выхода, они лезли и лезли, пробираясь все глубже в бегстве от самой смерти. Словно червям в земле, пришлось скрести через почву, не жалея ни сил, ни здоровья, иногда еще используя последнее снаряжение для пробития кусков породы, чтобы хоть на чуть-чуть увеличить расстояние между ними и монстром. Теснота, мрак и холод были столь сильны, что впору верить в отсутствие мира за пределом тех природных лабиринтов. А потом случилось землетрясение. То ли что-то взорвалось, то ли обвал... Неизвестного происхождения сила вынудила их разделиться. Туннель был завален, обратный путь окончательно отрезан. Безысходность так и подталкивала готовиться к смерти – чудовище уверенно сокращало расстояние. Этому воплощению природного зла были неведомы страх,

усталость и даже каменистая порода – сила столь жестокая, сколь необуздываемая. Благодаря тому громкому смещению пород, получилось высвободиться из каменного капкана, что позволило воспользоваться моментом и свершить акт возмездия.

Воспоминания Роды сопровождались фразами, собрать из которых общую картину не составило труда. Она не могла позволить себе умереть там, как и не могла бросить Морица. Но главное – нельзя было просто выжить, нужна улика. Вырванная из лап смерти жизнь и стала результатом влияния авторитета отца, опозорить которого своей неудачей было неприемлемо даже на пороге смерти. А упоминание его сейчас вскрыло воспоминание о том, что Рода принесла сюда с Морицем кусок этой твари.

– Да, Рода, лапа этого существа у нас, мы сейчас изучаем ее. Но как ты смогла заполучить ее? Она метровая, тяжелая и...

– Посмотри на меня! – И тут Катарина связала очевидное с неожиданным – ведь все тело Роды было в жутких ссадинах, от головы до пят, царапины на руках и спине, множество ободранных кусков кожи до мяса. – Я протискивалась с Морицем через такие ущелья, где нет места людям, чуть ли не зубами грызя камни и землю! Но тварь делала это лучше. И тогда, в небольшом пространстве, я стала приманкой. Мориц выждал момент и свалил валун на лапу твари. Видишь эти царапины на лице? – Черные волосы до плеч бы-

ли зачесаны назад, что позволило отчетливо видеть четыре тонкие линии на всей щеке от правого уха до кончика подбородка, которые уже были зашиты. – Мы принесли ценное доказательство убийцы Копателя Шесть – людей под моим началом! Спроси у Морица, если не веришь!

– Он сейчас в операционной, – проронила Катарина в глубоких мыслях, но быстро добавила: – Состояние тяжелое, шансов мало, но...

– Катарина, он спас мне жизнь.

– Врачи сделают что смогут.

– Уверены, вы можете больше.

– И как это понимать?! Хотя нет, молчи, твои комментарии насчет моей работы и работы Тиши я слушать не собираюсь. Тебе ввели успокоительное, чувствуешь себя лучше? Отлично, если нет, то я еще могу дозу увеличить.

– Оставь свою надменность при себе в кои-то веки! Пусть я и гожусь тебе чуть ли не в дочери, но я заслуживаю быть услышанной. Раз уж ты одна ведешь этот допрос, то полагаю, все это мало касается директора Тиши. Не трудно догадаться, что лучшего генетика на всей Коме сослали поработать в тюрьму на отшибе не ради заключенных, с которыми и студент-медик справится. Я понимаю, у вас свои тайны. Но я все равно доверяю тебе, Катарина. Ты не подведешь ни свою репутацию, ни уж тем более моего отца – твоего начальника!

Катарина смотрела на нее и лишний раз вспоминала слова своей матери о тяжбах заботы неблагодарных детей. Раз уж

Андрей Дикисян – отец Роды и начальник группы ученых с планеты Опус – не смог обуздать дерзость и наглость дочери, то Катарина точно бы не отличилась компетентностью в этом вопросе.

– Расскажи, – начала Катарина более сдержанно, – откуда появилось то создание? – Рода уже смотрела куда-то в сторону, поддаваясь новому наплыву преследующего образа монстра. Катарина воззвала к профессиональной стороне девушки: – Мне нужен отчет для генерала Козырева. Если ты не способна его дать...

– Мы искали... и мы нашли. – Роде с трудом давалось избавляться от болезненных пут скорби и страха. – Обнаружили трещины в плите, ближе к Топи. Начали сканировать, нашли уходящую вглубь по диагонали расщелину. Пошли вдоль нее и нашли полость, большую. Решили напрямую сверху дыру сделать, место позволяло. Спустились на двадцать четыре метра, прямо посреди пустыни. Но потом меня срочно вызвали...

И тут лицо Роды окаменело в страхе, Катарина и вовсе решила проверить ее показатели под влиянием нешуточного удивления. Но причина возрождения страшной боли крылась в самом трагичном известии, предшествующем столкновению с чудовищем. Известии, которое Рода заглушила интуитивно, потакая инстинкту самосохранения. Вчера вечером ей сообщили о смерти Андрея Дикисяна. Единственного родителя, который привез ее с собой с Опуса и приоб-

шил к общему делу Техгруппы. Катарина увидела испытываемую Родой страшную боль от утраты родителя столь ярко, что некие крупницы материнского инстинкта почти подтолкнули ее проявить заботу. Но характер Роды позволил сквозь слезы и чуть ли не физическую боль проронить искреннюю просьбу:

– Вколи мне еще... пожалуйста...

Катарина впервые видела такую слабость в этой девушке, вполне заражающую болью любого, кто хоть сколько-то обладает эмпатией. Тут уже было видно, что вряд ли Рода сможет выдать какие-то либо ценные сведения, как минимум в ближайшее время. При этом, разумеется, Катарина всерьез уж подумала применить серьезные блокираторы, дабы подстегнуть память в расчищенном от чувств уме Роды, но что-то не позволило ей провести эту рутинную операцию.

– Эй, я уже достаточно сделала. У вас есть улики, я больше тебе не нужна... можешь пока оставить привязанной... но с меня хватит. Мне нужно прийти в себя. Слышишь, я готова... уступить. Я верю, что ты поступишь правильно, потому что ты профессионал. Но мне нужно скорее вернуться на Монолит. Я должна найти среди семисот тысяч человек сраного муравейника того, кто виновен в смерти моего папы! Ты по себе знаешь, как люди этого примитивного места относятся к нам – приедем. Его заместитель не справится, мы с тобой это знаем, она... не тот у нее характер. Катарина, пожалуйста! Я здесь уже ничем не помогу. Тварь больше

никому не угрожает, Мориц подтвердит мои слова. Все кончено.

– Не кончено, – слова эти прозвучали тяжелым, несколько скорбным тоном.

– Что ты имеешь в виду? Труп этой твари где-то под землей, я сомневаюсь...

– Она было не одна. – Мурашки пробежали по коже обеих, ужас заполнил палату. – Тебе нельзя сейчас в Монолит. Никому нельзя.

2

Стоя на крыше государственного блока, откуда его взору открыты не только три остальных – северный, западный и восточный, но и то, во что вырос Монолит за сотню лет с момента основания. Если блоки выступали двухсотэтажными, как это ни странно звучит, монолитами человеческого пребывания на чуждой им планете Кома, то остальное – полуразрушенная ныне больница в центре города, закрытая из-за неудавшегося бунта церковь на востоке, занимающий чуть ли не четверть площади заповедник с фермами на западе и индустриальный район на юго-востоке... все это и другие здания сейчас перед ним, как на ладони, олицетворяли пусть неспешное, но уверенное развитие человечества. Только вчера Монолит пережил ужасный бунт человеческой природы, оголив накопившиеся проблемы достаточно сильно, дабы выковать новый путь в будущее, не искажая основы настоящего. Осматривая свой город, главнокомандующий впервые за эти два дня по-настоящему отдается забытой тишине. Сторонние звуки скорее напоминают отклик природы, а вместе с застилающими небо густыми тучами и окутывающим его ветром изоляция Игоря Козырева от мира ощущается на физическом уровне. Предшествующие нынешнему дню скоротечно меняющиеся события возымели исклю-

чительное влияние не только на жизнь и устои Монолита, но и лично на Козырева, то ввергая его в ярость, то опустошая естественным смятением. Этот выкроенный момент должен был способствовать жизненно важному отдыху ради второго дыхания, ибо он не спит уже больше суток, но по итогу с болью на сердце познает саму суть выражения «затишье перед бурей».

Скованный страхом город ожидает повторного нападения противника. Все двери закрыты, многофункциональные блоки на изоляции, улицы пусты. Первое в истории Монолита военное положение возымело развертывание за счет возникновения естественного противника цивилизации, прибывшего с востока по зову собственных биологических инстинктов. На данный момент было насчитано двадцать три особи в два метра высотой каждая при положении на четыре огромные лапы, но стоит любой выпрямиться, и рост достигает всех пяти. Огромные, мясистые, покрытые толстой волосяной шкурой сгустки ярости напали на Монолит в абсолютно непоколебимой идеологической вере своего властвования. Казалось, им этот город – лишь игрушка для оттачивания когтей перед более значимой битвой. Построенные большим квадратом вокруг города высокие стены были преодолены быстро и просто за счет когтей и мышц. А оглушительный рев хищников был достаточно величественным и волевым, чтобы покрывать все страхом необузданной силы самой планеты, принижая любую иную форму жизни.

Но внезапно, без видимых причин, доминирующие существа отступили, развеяв последнюю уверенность в понимании происходящего.

Это случилось минут пятнадцать назад. Как можно быстрее он поднялся на крышу и приказал пилоту подготовить вертолет для отлета на Аврору. Расположенный на юге старый город выступал историческим памятником с момента основания Монолита, считаясь чуть ли не святым местом для религии Наставления. В обычное время то место не привлекало внимание Козырева больше чем точка на карте для раскопок артефактов прошлого. Последние двадцать четыре часа изменили все.

Пролетая не ниже пятнадцати метров от земли – иначе зверь может допрыгнуть, как показала практика, – Козырев цепляется за оставшиеся минуты в одиночестве. С одной стороны, ему нужно это ради совершенно неожиданного своей необходимостью осмысления этого врага. За десятилетия твердого правления его ум сталкивался с крайне разными и неоднозначными вопросами, редкая часть которых до сих пор не решена, находясь в подвешенном состоянии, куда как раз и входит нужда строительства и стены, и новой армии. Но в целом то было по силам за счет понимания цели и мотивов. Здесь же непонятно ничего. Как недавно ему сказали, в природе у всего есть естественный противник. Возможно, в этом состоит нынешний страх Козырева? Он встретил то, что не способен понять не с точки зрения материи, а по при-

чине природы поведения. Всю жизнь он работал с людьми и на личном опыте знает всю поведенческую карту проявления свободы воли. С кем-то или чем-то иного, достаточно смышленного вида он еще не сталкивался. То были не просто монстры – нечто неопишваемое своим существованием, что и провоцировало в нем новые реакции. Будь то свои страхи или сомнения, главнокомандующий не должен проявлять их при людях. Непростой путь к признанию по итогу привел его к призванию. Так что никто не увидит и не узнает о его слабостях или страхах. Ни характер, ни уж тем более закрепившийся авторитет не позволит ему такого.

С другой стороны, причина отсутствия какой-либо охраны или сопровождения – кроме пилота вертолета – напрямую связана с нуждой прибыть на Аврору. Этой ночью Техгруппа запросила помощь в эвакуации сотрудников из пустыни. Доверившись сведениям, он предоставил сопровождение и внимательно следил за операцией. По итогу часть людей погибла, а выжившие стали первыми, кто сообщил о пробуждении нового вида противника. Вместо возвращения на Монолит своевольно, нарушая прямой приказ, Техгруппа улетела на Аврору.

Называть Аврору городом не совсем корректно – но уж так завелось, несмотря на то что то было лишь большим кольцевым зданием в десять этажей, сохранившаяся до наших дней часть как раз была в стороне Монолита. Платформа и прямая железная дорога для состава из трех вагонов

прямо к Монолиту были построены уже после природной воли разрушить половину здания землетрясением, заодно обвалившим небольшую гору поверх дальней части Авроры. С тех пор прошло сто лет, Монолит переселенцы возвели куда более ответственно, превратив Аврору в памятник первым людям, прибывшим с Опуса на Кому. Место это было не только священным из-за истории, но и возымело центральную роль во всех трагедиях последних дней, что отдельно раздражало Козырева.

Козырев сошел с вертолета и двинулся в сторону Авроры за секунду до того, как транспорт лишь коснулся земли, не дожидаясь не то чтобы полного остановочного цикла, но и проигнорировав указания пилота. Уверенно, энергично грозная фигура следовала единственной цели – узнать правду от тех людей, кто не просто ослушался приказа вернуться на Монолит, но и напрямую причастен к лишь усугубляющемуся, словно сложный ком, в последние сутки кризису. На входе его встретил Томас – крепкий здоровяк с невыразительным, но при этом добрым лицом. Авторитет этого непробиваемого на эмоции или выражения оперативника, служившего в личной охране Техгруппы, ныне можно считать историей. Сейчас это был мрачный и напряженный человек, который уже долго борется с внутренними, крайне личными, сомнениями. Он встретил Козырева сильным вызывающим взглядом, долго молчал и, лишь когда главнокомандующий открыл рот, заговорил твердо:

– Поговорите с сыном. Он многое пережил. Больше моего и любого из нас.

Требование! Козырев не просто не ожидал такого: данный подход всегда был ему четким сигналом вступать в сопротивление, нежели прислушаться к доводам. Но Томас знал реакцию, продолжил удивлять не только трезвостью, но и подачей аргументов:

– Вы сами распорядились назначить его в охрану Техгруппы. Раньше я и Дима приглядывали за ним. Дима погиб, а я ему не отец. Поговорите с ним, прежде чем продолжить то, ради чего вы прилетели.

– Подождет, – медленно и грозно произнес истинный лидер, признав ошибку защитного механизма уже через секунду, ведь Томас выразил неожиданное разочарование, дополнив словами, которые дались тому непросто:

– Это нужно не только ему. Сэр, я понимаю, ваша должность и ответственность вынуждают действовать непоколебимо, стойко и решительно. Но у нас уже есть такой человек, и я вижу, как это уничтожает ее изнутри. Если вы не поговорите с сыном как отец, как родитель, перед тем как встретитесь с Настей... «Движимый гневом да лишь гнев и порождает». Сейчас, чтобы выжить и не уподобиться врагу, нам нужен лидер для спасения человечества, а не для мести. Для мести уже есть такой человек. И это очень прискорбно. Второго не надо.

– Не знал, что ты можешь цитировать Наставление, – ска-

зано это было уже с признанием правоты Томаса.

– Каждый переживает смерть близкого по-разному. Здесь была копия, немного почитал.

– Я видел трансляцию с вертолета. Слэйд погиб героем, принял удар на себя и замуровал одно из этих созданий. Взрыв был страшным, но смерть – быстрой. Гордись братом. Бери с него пример. Но не ищи в этом смысла больше, чем сейчас у тебя есть. Ты не хуже меня знаешь, к чему привела излишняя увлеченность этим писанием нашего народа! – Последнее было продиктовано нешуточным гневом.

3

Рода не могла лежать или сидеть – боль вновь окутала все тело, возобновляя то самое состояние жертвы. Она хотела было уже попросить новые обезболивающие, но что-то не позволило выбрать легкий путь избавления, словно это будет доказывать ее слабость, чего она, разумеется, не могла себе позволить и в мыслях. Раз уж добралась сюда живой, то сможет и потерпеть восстановление, ибо, как стало известно, «не кончено» – а значит, надо, что называется, быть готовой к новому удару, иначе не было и смысла всего ее пути к Тиши. Но была еще одна причина – боль хорошо помогала содержать ум на пике возможностей, дабы контроль мыслей и чувств не спал ни на секунду. Бродя, словно заведенная игрушка, по палате, порой из последних сил сохраняя физическую активность, Рода ожидала ответа от нынешнего руководителя Техгруппы и по совместительству некогда ее лучшей подруги Насти. Катарина поспособствовала настройке связи, оставив ее одну в палате. У каждого был свой личный номер, так что Настя не могла не увидеть определение имени, что возымело изначальное недоверие.

– Кто это?

– Рода Дикисян, кто же еще. – Она хотела произнести что-то вроде «выжившая» или «я жива», но неизвестная прегра-

да не дала этого сделать, лишь тихо представиться, доказывая самой себе правоту этих слов.

– Рода! Ты... ты жива!

– И не только я. Мориц пострадал больше моего, провели операцию, но Катарина пока к нему не пускает, тут, как оказалось, свои говенные порядки.

Обеим было тяжелее, чем они хотели. Слишком много надо сказать, и слишком мало было сказано ранее, отчего неловкое молчание с густым смятением так и преследует их каждую секунду.

– У меня все просто: мы с Морицем выжили, сбежали в пещеры, там... – Воспоминания вызвали в ней такой скачок стресса, что она уже хотела позвать врачей из-за потери дыхания и координации, но некая сила позволила уцепиться за жизнь и выстоять перед приступом паники. – Мы добыли кусок этой твари. Слышишь, мы с Морицем смогли вынудить эту мразь откусить себе лапу, которую придавило нехилым валуном. Правда, потом ее саму завалило, так что подохла она сразу же после веры в спасение. Хорошая месть, такого они и заслуживают!

В этот момент Рода заметила, что уже не чувствует физическую боль.

– Оставайся в Тиши. Там безопасно.

Нейтральный тон шокировал Роду, и если в обычное время такое возымело бы пояснительную нужду, то сейчас ее удивляла сама Настя.

– Ты... как ты там сама держишься? Катарина мне рассказала, что этих существ еще много и они напали на Монолит.

– Мы работаем. Ищем... мы... мы ищем...

Настя сама для себя не могла точно сформулировать конечную цель, ведь мучают ее совсем не чуждые создания, а тот, кто их выпустил, и то, как тесно она причастна к этому. Цепляясь за хоть какую-то необходимую предметную тему, Настя сказала то, о чем вскоре пожалела:

– Я так и не узнала кто виновен в смерти Андрея. У меня не было времени... Прости. Твой отец был... его сейчас не...

Рода ощущала боль Насти не хуже своей собственной. Для нее Андрей был не просто лидером Техгруппы и наставником, взявшим ее себе в протезе на грядущую замену, но и добрым другом, ставшим вторым отцом. Тут-то Рода и поняла то, доказательств чего не имела на руках, но ощущала достаточно ярко, чтобы не ошибиться.

– Не только ты потеряла папу вчера, – произнесла Настя сквозь слезы.

Когда-то они были лучшими подругами, сочетающимися в своем союзе совершенно противоположные черты характера, где Настя порой даже раздражала добротой и наивностью, но блистала умом и порядочностью, ну а Рода имела непробиваемый и дерзкий характер, умея ходить на острие, бросая вызов всему и вся. Пару лет назад все изменилось – Настя стала заместителем Андрея, Рода же ушла в работу, прекратив не только единственную дружбу, но и разорвав отно-

шения с отцом. На то были причины, Рода слишком хорошо их понимает и ненавидит. Сейчас, в этот эмоциональный момент, возможно, с единственным близким человеком в ее жизни она так хочет все рассказать, объясниться и признать свою ошибку... но пробить ключевую, ценнейшую правду сквозь нагромождение ошибок обернулось не получилось. Странно, но Настя чувствовала этот порыв внутри давней подруги, только вот ныне ей это лишь мешало.

– Рода, – Настя искала выход из трясины мешающих эмоций, – что у вас там случилось? Как вы...

– Как мы пробудили эту сволочь? Я не знаю. Ты меня вызвала, помнишь? Настояла, чтобы я поднялась из пещеры и узнала про отца. Наверное, стоит сказать спасибо: если бы не твой звонок, то я была бы с остальными. Пока я болтала с тобой, они начали бурить в другую сторону и добурились до... В общем, я лишь слышала их крики, потом оно вылезло за добавкой. Дальше ты знаешь.

– Остальные вышли оттуда же.

– Так ты была там? Что... А ну, давай рассказывай уже, сопли подождут!

Настя помнила все, каждое движение, слово... каждый взгляд тех людей, кто виноват... кто предал ее.

– Настя, – Рода все еще пыталась привыкнуть быть голосом разума, что ранее было ролью самой Насти, – ты сейчас руководишь Техгруппой. Это трудно, я понимаю, да и время выдалось не лучшее для таких скачков ответственности. Я

сама еле держусь, поверь, мне... мы с Морицем выжили вопреки, и нам нужна твоя помощь, твой ум и твое лидерство. Раз уж я справилась, то ты точно сможешь! Как только Катарина перестанет меня опекать, я сразу же приду помогать тебе, слышишь! Ты не одна, мы вместе.

Рода осознавала эгоистичную природу желания видеть в Насте ту самую подругу, чье проявление в данных условиях помогло бы доказать самой себе хоть какие-то остатки прекрасного времени и, следовательно, образов более светлых, нежели мрак последних трагедий. Понимание это опережало определение, но никак не позволяло признать наличие этих желаний. Почему-то она преисполнилась стыда за это на деле невинное желание ощутить прошлое.

– Не верь Катарине. – Рода не узнала голос подруги. – Ее преданность нашему делу под вопросом. Думаю, она причастна. Ее муж уже наследил.

– Клот? Он же невинный щенок! О чем ты вообще?!

– Что ты можешь мне сказать про Осколок? – Целая претензия, нежели вопрос, прозвучала оскорблением.

– Не знала тогда, не знаю и сейчас! Настя, давай-ка, не говори так со мной! Я позвонила как подруга, как человек, который тебя знает и разделяет твое горе. Я даже скажу «пожалуйста», чтобы ты...

– Если у тебя будут новые сведения – тогда звони. Мне нужно работать. – Вновь Рода услышала совсем другого человека и не успела хоть как-то даже среагировать, как Настя

перед отключением добавила пугающим тоном:

– Хочешь узнать про смерть отца – спроси Катарину.

Одного взгляда оказалось достаточно для шокирующего осознания скоротечности времени. Всего несколько дней назад Игорь виделся с сыном: молодой, с горячей кровью и нравом, который даже армия не смогла обуздать, что вылилось в назначение в охрану Техгруппы. Несправедливое для сына вмешательство отца в его карьеру еще больше оттолкнуло обоих друг от друга, при этом у матери не было права вмешаться, о чем уже впоследствии жалел каждый. Но порядки в семье – есть порядки. Сейчас перед ним уже не его сын – кто-то другой, отдаленно напоминающий его единственного мальчика, который встретил ужасы жизни и успел сформироваться без отцовской поддержки. Куда меньший эффект оказывало окрашенное в синяки и ссадины лицо, как после суровой драки, в отличие от одного лишь взгляда с присущей сильной энергией. Отец смотрел в глаза сына и ощутил ту оголенную боль, которую ни один родитель не захочет испытать. Одно крепкое, несвойственное Козыреву как лидеру и отцу объятие сказало больше, чем все слова мира.

Несколько минут они молча смотрели друг на друга, не просто ища слова, но и вспоминая это забытое чувство откровенности между ними. Вокруг никого не было, лишь оборудование Техгруппы в старой столовой Авроры, давно уже

используемой как площадка для изучения найденных артефактов.

– Как мама? – Оскар заговорил умеренно.

– Все хорошо. Но ты ее знаешь – гордость не позволяет проявлять чувства.

– При мне она их проявляла. – Это было сказано и услышано слишком размыто.

– Я могу отправить за ней.

При матери Оскар был куда податливее и дружелюбнее, что компенсировало отцовскую строгость и снимало с него ряд ответственностей перед сыном. Но теперь в глазах сына отец читал больше чем простое нежелание предстать перед ней в таком виде, нечто чужеродное, властное и оттого пугающее.

– Это был их выбор. – По-отцовски, защищая ребенка от чувства вины и несправедливой морали, произнес отец. – Иногда приходится убивать вопреки. Ты будешь искать причину, будешь искать оправдание вновь и вновь, но порой это происходит. Убить ради того, чтобы остаться в живых... Справедливость тут неприменима. Важно лишь то, выжил ли ты. Раз выжил, значит, не дай этому забрать то хорошее, ради чего ты и выжил.

Оскар не стал рассказывать об этом, да и не нужно было – отец уже все понимал. Еще день назад, во время бунта, ему пришлось спасти Настю от разъяренной толпы, чьи крики и стоны от нанесенного ущерба до сих пор доносятся эхом.

Тогда было не до переговоров или мыслительных процессов – инстинкт выживания во всей красе, пробудивший в нем кого-то еще.

– Папа, – тихо сказал Оскар, вытирая влажные глаза, – я бы хотел... я должен предстать перед судом. Я не хочу привилегий... Если честный суд признает меня виновным, то я хочу честно понести наказание.

Отец был шокирован этим заявлением столь сильно, сколь и горд за сына. Сам бы он никогда не согласился на такую жертву в угоду мнимой справедливости. Раньше он и вовсе воспринял бы такое заявление за слабость и трусость, но сейчас неожиданно для себя видит в этом пугающую силу.

– Хорошо.

Сказано это было с трудом. Только исполнять это обещание он не собирался. Сыну сейчас нужно время, чтобы не просто узнать себя лучше, но и усвоить содеянное, так что пусть пока все идет своим чередом, решил отец, который сам ищет способ узнать этого человека. Пререкания или споры лишь разрушат и без того с трудом налаженный контакт.

– Спасибо. Я знаю, правда, знаю, ты не...

– Я горжусь тобой, сын. Не забывай этого. Я рад, что ты жив, рад, что ты ценишь эту жизнь. Помни, что я всегда на твоей стороне.

Слова и мотивы усиливались еще и тем, что главнокомандующий прибыл сюда лично и поставил в приоритет разговор с ним, нежели требование формального отчета о работе.

– Я не справился. Из-за меня эти... эти твари появились из-за меня, отец. Я мог это предотвратить, мог! Но мне не хватило сил. И я прошу, честно и ответственно, дать мне шанс исправить свою ошибку.

Минуту они молча смотрели друг на друга: отчаявшийся, пропитанный горем сын ожидал от недвижимого, словно статуя, отца реакции. Причем любой – Оскару было слишком тяжело держать в себе судьбоносный просчет.

– Когда Настя и Томас нашли тебя на месте раскопок, ты был без сознания. Пришел в себя уже после землетрясения, а потом из-под земли вылезли...

– Ты прав. Я был без сознания. А хочешь знать почему?

– Стоп. – Отец произнес это заботливо, успокаивая преисполненного злости и сожаления сына, удивив его следующими словами: – Мы сейчас говорим не о работе. Настя придет, и тогда я буду выслушивать ваш отчет. Пока этого не случилось.

– Но люди гибнут!

– Вообще-то, нет. Я не знаю почему, но это зверье покинуло Монолит и разбрелось по округе. К счастью, все люди были в блоках. Повезло, что ранняя попытка революции к тому моменту была нейтрализована.

Оскар не знал, что сказать.

– Сын, то, что я сейчас произнесу, имеет очень большую важность для меня как отца, нежели главнокомандующего. Оставь это дело Техгруппе и...

– Мне не нужна твоя жалость, и защищать меня не надо!

– В защите нуждаюсь я.

– Но Менард и Юрий выжили, они же из твоей...

– Вот пусть они и помогут Техгруппе. Мотивация и опыт имеются с лихвой. А мне нужен тот, кому я могу доверять не меньше, чем себе. И я скажу честно, хватит с тебя этого. Ты сам это знаешь. Продолжишь – так рано или поздно желание отомстить Бэккеру возьмает слишком большую плату. Ты мой сын, плоть и кровь, преемник, которого заменить больше некем на всей планете. Этот кризис мы переживем, Монолит переживет, но дальше будет самое трудное – удержать порядок. Лучшего времени научиться не придумаешь. Я знаю, ты подумал, что так я пытаюсь тебя сберечь, считая недостаточно сильным. Это не так. Здесь все куда проще. Там, рядом со мной, место лишь для лучших. Твой опыт придаст силу внушения и мудрость решения.

Оскар будто бы впервые видел и слышал своего папу, удивляясь тому, где же был этот мудрый и заботливый человек раньше. Но вот следующее отсеяло любые сомнения в искренности родителя:

– Я не хочу потерять тебя, сын. Но заставлять не буду. Ты сам принимай решение. Я поддержу тебя в любом случае.

Параллельно искреннему общению между отцом и сыном совсем рядом был другой, крайне сложный и оттого не менее оказывающий свое влияние разговор между Родой и Настей. К моменту завершения одного и другого Менард и Юрий уже вернулись к Насте и, перед тем как вновь оставить ее одну и пойти к Козыреву, сообщили краткое: «Мы обыскали все этажи – ничего нет», – а Юрий добавил: «Не похоже, чтобы останки закопали рядом с Авророй, никаких следов тела не нашел». Настя ничего не ответила, стеклянные глаза скрывали любую активность мысли или чувства. «Идем, – сказал Менард своим низким голосом, – Козырев прибыл». Если Менард был высоким и крепким блондином с очень осмысленным взглядом, то Юрий же на голову ниже и пяток сантиметров уже, с темными волосами и добрыми под любым углом глазами. Настя посмотрела на обоих и кивнула, то ли отдавая разрешение идти, то ли обещая сейчас присоединиться.

Придя в Столовую, где была слишком часто за последние сутки, Настя не узнавала это место. Со стороны выглядела дезориентированной, все оглядывалась, будто бы на невидимый зов то с одной, то с другой стороны. Не успел Оскар встать, чтобы заботливо ей помочь, как она встретила его

оценочным взглядом и, сделав чуждые всем выводы, осмотрела каждого вокруг себя. По окончании лицо ее обрело осознанность, и лишь когда она посмотрела на грязное от крови пятно в центре Столовой, произнесла:

– Вы поймали предателей?

Черствость Насти придавала этому месту и встрече гнетущую атмосферу.

– Спутники ничего не показали, – Козырев говорил размеренно. – Аванпост на границе Топи держит с нами связь.

– Они что, спрятались где-то по пути? – вопрос Томаса слетел мгновенно.

– Бэккер прилетел сюда несколько дней назад, – Настя отвела на тайну, словно знала правду лучше других, – у него был список кандидатов в команду на Целестин для раскопок. Среди них был Юст – умелый хакер, который помогал ему с самого начала. Нам надо не в компьютер смотреть, а лететь за ними напрямик.

– Если они пробрались в Топи, – Оскар говорил заботливо, переживая за ее состояние больше, чем товарищ или коллега, – то мы их уже вряд ли найдем. И даже если у нас будут скафандры, там целые джунгли, магнитное поле другое, даже спутники помехи ловят, так что я бы на это не рассчитывал. А с учетом того, что мы понятия не имеем, что они там хотят найти...

– Бэккер при тебе позвал Юста и Петю? – Настя пронзала Оскара взглядом недоверия.

– Нет! Настя, я тебе уже говорил, после того как ты передала сведения о Роде, я собрался уже перезвонить и позвать помощь, но Бэккер знает, как по башке бить. Можешь у Томаса спросить.

– Просто интересно, как это Юст и Петя успели туда прибыть еще до меня! Ты был с ним, ты должен был пресечь его своеволие и выступал моим...

– Ты не виновата! – Громкий, непоколебимый в своей правоте тон осадил все эмоции. Козырев подошел чуть ближе, внимательно глядя на побитую и измотанную не меньше, чем Томас и Оскар, Настю. – Бэккер прибыл сюда ради своих целей. Каждый для него – лишь инструмент. Он обманывал и манипулировал всеми. Отставить вину. Это приказ.

Именно таким Оскар и остальные привыкли видеть Козырева – сильного и волевого, краткого и строгого.

– Вы сообщили Опусу? – Настя вступала в конфликт, но не по личным соображениям, скорее от кипящей злобы на собственную некомпетентность.

– Сообщать нечего. Проблемы с животными Комы – наши проблемы. Бегство Бэккера, предположительно, известно столице. Они отправили его сюда, он знал про Осколок, который тут нашла Техгруппа, в свою очередь, получившая приказ начать раскопки год назад. Если столица не замешана, то у нас есть преимущество. Отчего я согласен – надо лететь и искать.

– Почему раньше так не сделали?

– Двадцать три особи осадили Монолит! Сейчас они отступили. Причина неизвестна.

– А может, все чуть-чуть проще? – предвзято кинула Настя как бы невзначай. Козырев украдкой заметил особый взгляд Томаса, подтверждающий ему о верности раннего предупреждения и необходимости сначала пообщаться с сыном, дабы не разжигать еще больше огонь конфликта. В обычное время Козырев бы пресек такую наглость на корню.

– Осколок – полезный камешек, новый источник энергии, способный разжечь войну между столицей и колонистами за уникальный ресурс. Бэккер говорил, как важно, чтобы он не достался никому, но потом почему-то, обманув всех, решил забрать его себе. Но перед этим они что-то взорвали, и все эти звери выбрались наружу. По словам вашего сына, там была какая-то искусственная комната без дверей и предметов, которая, как мне кажется, вполне подходила под описание места для Осколка. А знаете, почему я приказала лететь сюда?! Потому что раз Осколок был найден здесь, в этих развалинах, то, может, тут еще что-то есть?! – Настя пылала неестественной для себя яростью, Козырев терпеливо понимал ее состояние. – И какое же совпадение! Менард и Юра, вам наверняка уже сказали, что, копнув чуть глубже, мы наткнулись на тоннель, который ведет, насколько мы смогли разглядеть, в такую же комнату. Я думаю, она недалеко от Авроры, почти на восточной границе глубоко под землей. Ничего не хотите рассказать?

– Это правда? – Козырев повернул голову к Оскару, ожидая ответа уже не от сына, а от подчиненного.

– Да. Там было что-то... не думаю, что это сделали люди. Как минимум не на нашем веку. Она была глубока. Там буквально не было ничего.

– Как вы туда попали?

– Не хватало одной стены. Природа постаралась.

Козырев задержал на сыне тот взгляд, который лишь отпрыск и знает за счет частоты наблюдения незаметного остальным разочарования.

– Может быть, спросим у вашей Любы?

– Прошу не забываться! – Таковую наглость спускать было нельзя, Козырев вцепился в Настю, скрывая удивление от того, как сильно изменилась эта некогда порядочная девушка. – Если кто-то вздумал нарушать субординацию или приказы, то тюремная камера послужит хорошей воспитательной мерой!

– Они просили простить их. – Томас заговорил по-привычному спокойно, разряжая обстановку. – Бэккер сказал, чтобы Монолит был эвакуирован, Юст извинился, а Петя через слезы желал прощения. Все повторял и повторял, что не хочет этого.... Просил извиниться перед Ингрид – его женой и не запоминать его как плохого человека. Потом он применил Осколок.

– Почему ты не убил его там? – Менард задал вопрос из угла, проверяя Томаса суровым взглядом на характер. При

этом вопрос этот был актуален, чего он не мог не прочесть во взгляде Козырева.

– Я не знаю, – тихо произнес Томас и, словно закончив свое участие, решил сесть на диван в углу и спрятаться в горьком разочаровании от принятого решения.

– Зачем они оставили вас в живых? – Козырев задал самый простой, оттого и шокирующий вопрос. – Точно не ради сообщения об эвакуации. Не та угроза. Хакер мог напрямую мне сообщить. Тут что-то другое.

Этот вопрос стал для Насти ключевым. Все время с того момента она была переполнена болью от своей слабости и ненавистью в адрес предателей. «Все должно было быть не так!» – повторяла она себе бесчисленное количество раз. После гибели Андрея она заняла должность руководителя Техгруппы... и всех подвела. Ею воспользовался Бэккер, человек, который успел стать чуть больше чем другом за время обсуждения изначально благородной задачи по изучению спутника Комы Целестин. Но потом, стоило ему выйти после карантина, как все пошло по наклонной. Даже катастрофичный для Монолита бунт связан с деятельностью Бэккера. Столь смертей... Ею воспользовались, ее предали и теперь оставили страдать, одну. Это убивает в ней что-то хорошее еще и потому, что все теперь будет иначе, – слишком много крови, слишком много страданий и абсолютное недоверие ко всему. Чуть больше суток назад она была счастливой дочерью и влюбленной девушкой на прекрасной должности

с мудрым начальником... Какие-то сутки назад у нее была другая жизнь, как и сама она была другой. Была слабой.

– Делаем следующее – все возвращаемся на Монолит. Сюда придут специалисты и проверят раскопки. Железную армию переоборудуют летальным вооружением. Ожидаем возвращения противника.

– Надо лететь за Бэккером, – Оскар заговорил уверенней, настойчиво желая исполнить это решение. – Он с остальными где-то там, раз Сток-1 молчит, значит, они либо спрятались, либо нашли способ обойти вышки.

– У одного был нехилый железный костюм, – Юрий выразил солидарность с Оскаром, чему нехотя последовал и Менард кивками согласия.

– Да, Петя успел собрать громадину под два с половиной метра и туда интегрировал Осколок, что делает его самым опасным созданием на планете.

– Я сам видел, – вернулся к разговору Томас, – как он использовал энергию Осколка и направил ее в землю. Так и проснулись твари, полагаю.

– Его просто так не использовать. – Настя взяла Оскара под руку, держась из последних сил на ногах, тот аккуратно и заботливо обнял ее. – Думаю, с помощью этой брони они смогли фокусировать излучение и направлять.

– Я вас услышал. Возвращаемся на Монолит. Там вас осмотрят врачи и дадут все необходимое, чтобы вы пришли в форму. Это приказ.

Кое-что Настя так и не сказала, причем Томас и Оскар сами скрыли ценнейшую информацию про Осколок и то, каким образом Бэккер использовал его ради своей выгоды. Хотя, возможно, думает она, они просто забыли, как у Бэккера получилось устроить настоящую манипуляцию временем и пространством с помощью этого надоевшего и ненавистного артефакта. Но почему же умолчала она? Ведь она знает великую опасность применения этой штуки... Может быть, потому, что в глубине отчаяния теплится основательное и непоколебимое перед трудностями желание все исправить. А может быть, потому, что она не знает, кому верить. Стоит хоть как-то нащупать очертания общей картины, так вводятся новые переменные, изобличая ложь и ставя на ее место что-то другое, доверие к чему не имеет основания... Настя как никогда ощущает себя одинокой, ведь даже Оскар, самый близкий оставшийся человек в ее жизни, кажется ей чужим, не в последнюю очередь из-за приверженности отцу.

Но все эти непростые, даже разрушительные, возвращенные на страхе и злости рассуждения были откинута в сторону в тот самый момент, когда уже на выходе из Авроры, ведомые твердой решительностью Козырева, каждый ощутил неожиданное землетрясение. Скелет Авроры застонал, земля вокруг поддалась силе неизвестного происхождения, а злое щий рев вновь заполонил воздух вокруг. Новые, подобные уже виденным, существа первым делом прыгнули на вертолет, который привез Настю и остальных с востока. Оба пи-

лота – те, что привезли Козырева и Настю, – были как раз там, делясь впечатлениями и проводя дружеское время, пока остальные занимались серьезными вопросами. Внезапная атака существ убила обоих в мгновение, разорвав огромный транспорт на части не только под своим весом, но и за счет необузданной агрессии. Сразу же за этим их внимание привлекли люди, открывшие огонь из всех немногочисленных орудий, позволив кое-как замедлить атаку лишь благодаря неопытности этих новых особей, ранее, видимо, не знавших огнестрельное оружие. Защита главнокомандующего всегда была в приоритете, жертвой чего на последнем мгновении стал Юрий, съеденный буквально у всех на глазах сразу двумя, возвышающимися надо всеми, хищниками. Крики умирающего друга, злобный, чуть ли не издевательский вой заходящих со всех сторон существ, да еще и доносившаяся сирена тревоги с самого Монолита – все это пробирает до костей и отпечатывается в памяти. Казалось, атака была скоординирована, что обескураживало не меньше, чем единственный путь с Авроры на поезде, уже откуда, мчась на предельной скорости, все увидели подтверждение самого страшного – из новых разломов появлялись еще десятки и десятки этих существ. Они все были очень похожи, быстро сбивались в стаи и словно помогали друг другу в ориентации, напоминая организованную толпу. Попытки догнать поезд оказались тщетны не меньше, чем возможность отправить за предателями погоню.

Развернувшийся совершенно иным образом разговор с Настей оказал на Роду столь сильный эффект смятения, сколь жуткое разочарование скоротечно менялось на абсолютную злость, продолжая подпитывать раскрывшийся во время ее борьбы с особью инстинкт выживания. То самое состояние абсолютного предела организма, способного перебороть любую боль и адаптировать страх в повышение атакующих навыков, открывая новые способы интерпретировать окружение. Рода с трудом цеплялась за что-то человеческое, желая вновь коснуться того приятного своей обычностью мира, который ныне кажется чем-то далеким и инородным. Но Настя лишь подкинула дров в разгорающийся нрав, отсекая последнюю возможность к возврату прежнего, что имело сокрушительный эффект после смерти папы Роды. «Спроси у Катарини» – эти слова врезались в ее мозг и пульсировали вновь и вновь, подталкивая раздраженный инстинктами самосохранения ум перебирать все новые варианты связи. Рода уже не ощущала боль от ранений так, как это делают люди, – она питалась ей, заряжалась трезвостью для потакания спасительной паранойе.

Выйти за пределы палаты было невозможно – дверь заблокировали, изолировав ее от всего и всех, что, разумеется,

лишь играло на руку ее упрямству. Пытаясь вскрыть дверь, Рода от злости начала бить по ней кулаками, а потом и предметами, поглядывая в камеры наблюдения и требуя внимания. Напульсник почему-то перестал ловить сигнал, и то ли его блокируют, то ли что-то произошло со спутниками или орбитальной станцией Эфир. Либо ее заперли специально, следовательно, врагом выступает человек, либо один из монстров добрался до Тиши. Рода уже даже собралась приготовить средства защиты, устроив небольшой вандализм плохо скрепленными элементами мебели из углепластика, как дверь открылась и вошла Катарина.

– Пойдем, нужна твоя помощь. – Невозмутимый вид этой взрослой умом и сильной характером женщины возымел умиротворяющий эффект. Катарина даже не осмотрела палату, глаза ее были прикованы к Роде. Не сказав и слова, повинуясь с одной стороны и подыгрывая с другой, напряженная в каждой мышце Рода последовала за Катариной. По пустому коридору с дверьми в аналогичные палаты, прямо до лифта на самый верх. Катарина нарушила напряженное молчание довольно резким тоном, словно убеждая саму себя в правоте слов, при этом смотрела все время прямо.

– Говорю один раз – я не имею никакого отношения к смерти твоего отца. Клот устроил атаку на больницу по своим личным, не касающимся меня, соображениям, понимать или интересоваться которыми я не намерена. Твой отец пал жертвой человеческой злобы. Клот же предал нас всех и на-

ши идеалы, пойдя против народа Монолита. Можешь осуждать его, но не смей пытаться понять меня и то, как я себя чувствую. Надеюсь, этот вопрос закрыт.

– Почему Настя упомянула тебя?

– Ты правильно заключила: «не тот характер». Она хорошая девочка, но не способна руководить, особенно в кризис. Думаю, ее задача держать тебя на расстоянии, для чего следует выдать тебе задачку – отвлечь.

Сомнения в дееспособности Насти обрели новую силу, и не успела Рода подобраться к новому пласту предположений, как лифт остановился на последнем этаже. Рода следовала за уверенной Катариной прямо до дальних дверей кабинета директора тюрьмы. Справа были мониторы с выводом изображения пролетов у камер содержания и внешняя сторона всех трех стен. Сама-то тюрьма имела форму треугольника с плоской крышей, в центре которого был двор для прогулок под открытым небом. Одна сторона шла на служебные помещения и жилье для персонала – именно в ней сейчас и были Рода с остальными, две другие отходили осужденным. Единственный транспорт в виде поезда из Монолита примыкал на вокзал именно этого корпуса. Оттого и вид за спиной Директора впечатлил Роду своим масштабом – большое окно во всю стену раскрывало не только уходящую вперед железную дорогу, но и скалистые возвышения по сторонам, причем сейчас они была в центре крыла между двумя остриями треугольника. Директор встал из-за своего стола,

обошел его и поздоровался с Родой, сразу же предложив еду и воду, указав рукой на внушительный буфет слева, прямо напротив мониторов. Видимо, отсюда в единственном кресле он наблюдал за тюрьмой, решила Рода и отказала этому тучноватому невысокому мужчине с густой шевелюрой и чистым, немного круглым лицом. Понять смысл его бегающих маленьких глазок было сложно, Рода и вовсе не ощущала ни угрозы, ни презрения в его адрес – этаким неопределенный характер, на фоне которого Катарина представлялась куда большим лидером, чем он.

– Я сразу к делу, – Директор вел себя и говорил дружелюбно. – У вас, Рода, был опыт встречи с неизвестным ранее биологическим видом, и сейчас, в свете последнего, любая ваша помощь в понимании их происхождения или мотивов будет полезна как никогда.

– Неужели Козырев не может справиться с парой десятков животных?

– К сожалению, их теперь куда больше. Пока что насчитывается около сотни.

Неверие Роды было опровергнуто кратким кивком Катарина, после чего она взглянула в окно за спиной Директора.

– До нас пока не добрались, не бойтесь.

Рода посмотрела на Директора, толком не зная даже его имени и не желая знать, потом осмотрела Катарину, но, так и не найдя ответа на напрашивающийся вопрос, решила задать его напрямую:

– Что вам нужно от меня на самом деле? – Оба молчали, выражая напускное непонимание. – Вряд ли от меня здесь есть польза, иначе я бы еще раньше тебе, Катарина, сказала все, что может быть полезным.

– Откуда у вас были сведения о той пещере, где обнаружили первого из известных хищников? – Директор не спешил, аккуратно, даже с заботой, подводя какую-то непонятную Рода мысль.

– Ниоткуда. Территория фрагментирована, один квадрат за другим, работа медленная, кропотливая. Что за намеки?! Будто бы это я виновата, хотя мне еще повезло...

– Вот именно. Вам повезло. Но не быть выжившей, а быть выжившей дочерью Андрея Дикисяна. – Не успела Рода вспылить, как Директор продолжил: – Что вы знаете о ней?

На экране появилось изображение взрослой женщины с очень нетипичной красотой, будто бы из другого мира. Один взгляд ее пронзал своей силой, властью и странной добротой, словно перед ними существо с необъятными знаниями и волей. Немного морщин, золотистые длинные пышные волосы, очень мягкие черты лица манили своей идеальностью. Эта женщина была словно богиня.

– Она, – заговорил Директор, пока Рода пыталась определиться с отношением к ранее невиданному созданию, – возглавила народ Монолита против воли Козырева. Она не имеет документов, как и не имеет ни строчки в нашей системе. Все, что мы знаем, это имя – Любовь, или Люба. Так она

представилась. Ранее зачинщиками были Клот и Наставник. Последнего арестовали и вот-вот пришлют к нам без особого суда и следствия.

– Рода, – Катарина взяла слово, желая донести мысль на личном уровне, – мы считаем, твой отец участвует в заговоре против Козырева.

– Мой отец мертв!

– Ты видела тело?

Атмосфера становилась столь напряженной, что Рода ощущала себя загнанным зверем, чьи недавно поутихшие инстинкты выживания возбуждались с новой силой.

– Что-то может подтвердить слова Насти? – Взгляд Катарина пронзал в самое сердце, провоцируя самый настоящий шок в исполнение. – Рода, я не знаю, что стало с Андреем, как и никто не знает, лишь слова, даже без заключения доктора.

– Допустим! Допустим, он не умер! Что с того? Он как-то управляет этими тварями? Или, может быть... да я даже не знаю, что предположить! Все это какая-то чушь, и ты, Катарина, лучше бы не теорией заговора занималась, а заткнулась бы, потому что это твой муж, долбаный Клот, который помешался на Наставлении, виноват во всем!

– Не во всем. – Директор посматривал на каменное в защитном состоянии лицо Катарина, потом обернулся к Рода. – В монстрах виноваты вы, Рода. Вы решили провести раскопки именно там и именно вчера. Кто дал вам те коор-

динаты?

– Я уже отвечала на этот вопрос!

– Может ли быть так, что Андрей знал, куда вас направить, и, вполне допускаю, подгадал время?

– Зачем?! – Рода не верила ни слову, даже не понимая толком мотивов этих людей, будто бы других проблем нет. Да и любые нападки на ее отца не могли пройти безнаказанно. – Зачем моему отцу, который умудрился даже Петю защитить от тюрьмы, между прочим, как и тебя, Катарина, не забыла, что вы учинили год назад?! Так вот, как этот человек мог решить уничтожить Монолит?! А? – Они смотрели на нее и молчали, явно скрывая что-то, тут уж Рода видела каждую мышцу и каждый взгляд этих людей. – Что вы молчите?! Если не верите мне, то запросите наши отчеты, там все слово в слово как было, а еще лучше – спросите у Морица!

Последнее столь сильно удивило Директора, сколь быстро Катарина парировала его взгляд.

– Да, я ей так и не сказала.

– Что вы не сказали?! Где Мориц! Только не говори, что пока мы тут воздух сотрясали зря, он умер!

– Мориц не добрался. – Лицо Роды замерло в ужасе. – Я лгала тебе про него, чтобы не травмировать еще больше. Ты пришла одна.

ПИСЬМО 1

Пришлось начать новый отсчет. Так надо. Может быть, старые письма потеряются, может быть, их стоит уничтожить. Будет на повестке дня. Сейчас важно зафиксировать увиденное: в лабиринте из камня и железа обитает человек, живой, обычный. Нет. Не совсем обычный. Он копает могилы, одну за другой, вновь и вновь. Все уничтожено. Осталось лишь погребение. Человек упрямо работает лопатой. Превозмогает голод и боль. Выжил. Помнит других. Печальное зрелище. Но его упрямость совершать этот поступок повлияла на меня. За день до смерти. Иначе бы этого письма не было. Письмо о том, как начался новый маршрут. Не знаю, откуда у него силы. Пугает такая воля. Восхищает упрямство. Наблюдаю. Час за часом, вновь и вновь. Вопреки смерти, он работает. Отчаянный и одинокий. Зачем ему это? Хороший вопрос. Запомню его. Изучать этот феномен трудно. Влияние пугает. Солнце высоко, день еще длинный. Надо изучить лабиринт. Не может быть без причины. Вот и пишу, вновь. Некогда смерть почти достала меня. Двери открыты, бери и ликуй. Это заслуженно. Читатель, не смей жалеть меня. Не смей скорбеть. Моя смерть была бы точкой. Но лабиринт оказался не мертв. Жизнь еще теплится. Зачем? Еще один вопрос. Пишу заготовку. Думать в процессе. Наметить во-

просы. Оценить возможность. Смерть подождет. Ей не впервой. Может, это обман? Может быть, этого человека нет? Стоп. Трудно сформировать мысль. Потерпи. Мой путь был долгим. Эти привалы утомляют. Голод и усталость забрали многое. А ведь конец был близок. Путь сквозь лабиринт должен был стать последним. Эпилог моего пути. Эпилог, который спас историю бездействием. Думаю подойти и поговорить. Помочь в разделе одиночества. Узнать пролог. Но не могу. Любое влияние опасно. Мне влиять опасно. Каждый мотив способен менять. Ответственность. Здесь я для смерти. Не для жизни. Но зачем тогда? Разделяем судьбу? Невозможно. Путь обратно запрещен клятвой. Несправедливо нарушить ее. Лабиринт – его рук дело? Тут был город из камня и железа. Большой. Теперь лишь остатки. Развалины доказывают время. Есть причина его одиночества. Точно есть. Если встреча, то будет плохо. Ему или мне? Всем. Проблема не во мне. Проблема в нем. Человек такой воли на месте не останется. Новая цепь, новый виток, новый кошмар. Таких стоит держать именно здесь. На могилах. Пусть чужих, но аналогичных его упрямству. Нельзя вмешиваться. Хватит уже. Учусь на ошибках. Наконец-то. Пора бы выслушать урок жизни. Пора запомнить свое место. Мы одинаковы с ним. Таков ответ. Провокаторы. Упрямцы. Разрушители. Бездействие спасет мир после. Спасет могилу цивилизации. Спасет след мертвой жизни. Слово и так нарушено. Поиск улик был под запретом. Изучать – влиять. Зна-

ние – оружие. Слишком хорошо это знаю. Знание провоцирует мнение, прорастает в решение, сеет последствие. Такое поймет лишь аналог. Я этот аналог. Наши пути сошлись, но не пересеклись. Пользуюсь преимуществом и ухожу. Хватит влиять на жизнь. Этот человек не пропадет. Упрямо копает, хоронит, выживает. Каждая могила напоминает счет. До смерти? Или это дань памяти? Извинение? Или же он сам не знает? Уже превзошел меня. Что-то дает ему силы. Надо понять. Если маленький человек может жить после смерти, то и я могу. Могу? Важно уточнить. Он убил человека. Свою любимую. Она пришла почти мертвая. Он дал ей обещание, но не сдержал. Это убило ее раньше смерти. Смерти от его руки. Избавление. Он стал палачом, спас ее жизнь, принесся смерть. Плакал. Долго. Жуткая сцена. Трагедия жизни. Заслуженно? Сложно сказать. Уже десятки могил. Он продолжил. Ее хоронил аккуратно. Любил. Понес наказание. Видимо, он виноват в смерти этого места. Так сказала Настя. Красивое имя, красивая девушка. Настя назвала его Бэккером. Ненавидела его. Это была личная злоба. Отчаянная. Он был готов умереть от ее руки. Но она не смогла. Смерть стала ей спасением. Жизнь стала ему наказанием. Но он не сдался. Упрямец. Это вдохновляет. Жизнь после смерти возможна. Зачем?

Новые особи пришли узаконить свою власть, и то, как легко им это удавалось, не оставляло сомнений в заявленных правах, доказывая ничтожность человеческого вида. Они накиннулись на Монолит со всех сторон, повывлезавав из глубоких, недавно образовавшихся расщелин. Этакая армия без полководца, хотя если бы у таких и был владелец или лидер, представить его во плоти будет непосильно из-за отсутствия хотя бы крупицы той силы, способной совладать с яростью и бесстрашием особей. Глядя на уничтожение всего живого, легко сделать вывод – те, которые напали утром, были не так уж и заинтересованы в воплощении своей роли. Потому что сейчас... да, сейчас была атака, чуть ли не скоординированная, жестокая и беспощадная, словно человечеству мстила сама планета.

Вторая партия преодолела стену еще быстрее первой, восприняв здания Монолита своей игрушкой, этакой декорацией для доказательства собственного величия, чуть ли не соревнуясь друг с другом в ловкости и скорости. Они прыгали с крыши на крышу, бегали по дорогам, пытались пробраться даже внутрь блоков, но те держали оборону за счет внушительной конструкции. Крики людей были почти неслышны под ором хищников, без скромности радующихся охо-

те за добычей. Все эти ужасные звуки сливались в единое полотно, словно извергающееся из их пасти объединяется в нечто новое, живое и столь же опасное, как и физическая угроза. Во время этого непредсказуемого бесчинства, где ни один случайно оказавшийся на улице гражданин Монолита не мог противопоставить силе врага хоть какое-то сопротивление, Козырев заметил проявление междоусобной вражды. Несколько раз можно было отчетливо увидеть краткую драку между двумя тварями за ближайшую жертву, где одна наносила другой урон своими когтями и зубами. Только он хотел выдать приказ на поиск возможных тел этих существ, погибших от своего собрата, дабы получить хоть какие-то сведения о противнике, как поступило шокирующее известие: центральная и единственная больница имени Перната – основателя Монолита – подверглась атаке. А ведь утром на нее толком и внимания не обратили. Видимо, и правда, особи лишь занимались разведкой, что усложняет стратегию против них, ведь и сами доказали наличие чего-то большего, нежели инстинкт безмозглого убийцы.

Разве можно приручить и направлять волю этих созданий... да и зачем, ибо раз допускается наличие хозяина, то смысл его нахождения в тени? Посредники в виде этих тварей вовсе не имеют значимости... Только если Козырев не ошибается и на самом деле нет никого выше них, лишь остатки древней природы, умудрившейся сохраниться до этих дней... Естественный противник. Именно такое определе-

ние напрашивается само собой, причем не просто так. Ведь еще вчера Наставник именно это и говорил в укор правлению Козырева – в природе всегда есть естественный враг, иначе сверхсущество лишается смысла существования без борьбы. Неужели то было пророчеством? Козырев не просто лидер Монолита – он главный над людьми всей планеты. Вот она, сила природы против силы вторженцев: человек, который прибыл на Кому с родной планеты Опус, что с другой стороны солнца, даже не знает об их проблемах. В такое нельзя верить! Козырев готов сам себя отчитать за эту глупость, это... верование в нечто большее, чем мысль, – баланс сил. Должен быть повод для пробуждения именно сейчас, именно их! Должен быть! Кто-то делает это, тут нельзя сомневаться, ибо без конкретного мотива все ограничится верованием в войну против самой природы и даже Вселенной. А раз именно люди здесь чужаки, то капитуляция напрашивается сама собой... Внутри Игоря Козырева так и бушует причинно-следственный процесс в угоду контролю на фоне абсолютного раздрая.

Кое-что спасает в этот жуткий момент, когда ответственность за все человечество на Коме лежит на одних плечах. И это напрямую проистекает из скорого наследия, которое Козырев не может не оставить при своем правлении, – его сын. Оскар и остальные были направлены к докторам парой этажей ниже командного центра на верхушке южного блока. Там их приводят в порядок и оказывают всякую помощь, в

частности психологическую, между составлениями отчетов о событиях последних суток. Будь Оскар рядом, Козырев на правах отца вряд ли бы смог мыслить... не трезво, нет, скорее так, как этого требует несправедливый по отношению ко всем людям кризис.

И вот наступила ясность, позволившая случиться тяжело-му решению отринуть воспитание преемника в данный час, жертвуя не только авторитетом родителя, но и потерей человеческих качеств. Еще вчера Клот уничтожил все родильное отделение, чьи развалины было невозможно разобрать за сутки, – и вот теперь, за счет нехватки целых стен, эти особи добрались до оставшихся сотрудников и больных, которых ранее было решено не эвакуировать из-за бунта. Больница была большой, состоящей из четырех корпусов с центральным блоком, что составляло равносторонний крест, причем ее строили в центре Монолита, а от каждого конца можно было провести прямую линию до каждого из четырех блоков: север, юг, запад и восток.

Для спасения невинных людей и детей есть два варианта: прислать вертолеты на крышу для эвакуации максимального количества и открыть доступ к подземным тоннелям, соединяющим больницу с четырьмя блоками. Будь рядом сын, отец со скрываемой гордостью выдал бы приказы, показав преемнику решимость. Но приказы отданы не были. Видео с камер наблюдения больницы транслировалось на десяток мониторов: хищники охотились за людьми, съедая всех без

разбора. Пытавшиеся дать отпор лишь отсрочивали несправедливую гибель испуганных до безумия людей, чье потрясение уступало только матерям, не способным спасти своих детей, некоторые из которых убивали их сами, дабы юные создания не познали зубы врага. Все в командном центре ждали приказа в молчаливом ужасе, покрываемые болью и страхом. Стоило лишь предположить недееспособность главнокомандующего, как тот обернулся и заговорил так, что почти смог перенять первенство у монстров в напускаемом на людей ужасе:

– Никакой эвакуации. Эти люди уже мертвы. Техника поможет спасти других. Откроем тоннели, и наш враг узнает о них, что приведет к новым жертвам в блоках. Тоннели нужно сохранить на период возможной эвакуации. Спасти этих людей сейчас – пожертвовать теми, кого мы можем спасти потом. Решение принято.

Чудовищная правда была ненавистна всем и каждому, но сейчас в их руках будущее Монолита и людей на этой планете... Это твердое понимание объединило всех вокруг Козырева, словно они не просто готовились, а были рождены для того, чтобы взять на себя самый трудный выбор, который нельзя переложить на других людей. Тут уже в жертву приносятся не только гражданские, но и та жизнь, которую главнокомандующий со всем штабом пытается сохранить для будущих поколений в ущерб самим себе.

– Никакого доклада Опусу. – Приказ был испытанием вер-

ности сейчас и закладыванием маневра в возможном будущем конфликте со столицей, ибо среди его людей вполне может быть предатель или простой осведомитель, обязательно информирующий Опус или же врага. – Лететь сюда с другой стороны солнца месяца три. Либо мы победим противника за это время, либо он победит нас. В любом случае – мы сами по себе. Помните, их природа нам пока не подтверждена. Ими могут руководить. Пока нет доказательства, во имя выживания мы обязаны предполагать самый худший вариант. Это приказ!

Козырев показательно отвернулся к мониторам, дабы за его спиной каждый мог поддаться истинному отношению к нему и его словам, что, в свою очередь, записывала система наблюдения: каждое лицо с каждым взглядом, сердцебиение и давление писал напульсник в подпрограмме, дабы потом спрятанные от глаз люди могли проанализировать объект наблюдения. Также он не стал говорить про Бэккера, который вынудил Петю пробудить врага... Стоп. Все это он знает лишь со слов Насти, внезапно оставленной в живых тем, кто обрек на смерть жителей Монолита. Может ли она лгать? Но зачем? Она с Томасом были единственными свидетелями необъяснимого поведения представителя Опуса и еще двух специалистов, один из которых, к слову, также выходец с Опуса в составе Техгруппы, причем на руках его уже и так много крови... Впечатление такое, что Бэккер оставил Настю и Томаса в живых лишь ради одного – отвлечь внима-

ние! Но от чего? Нет, нельзя поддаваться простому ответу – обвинить Петра и Бэккера проще некуда, особенно не имея и капли намека на выбор времени этой катастрофы: почему сейчас? Что-то неведомое происходит вне конфликта людей и монстров, тут сомнений нет. Настя и Томас сообщили, что предатели просили прощения, чуть ли не скорбя о будущих жертвах... зачем им это? Опять же, какие можно делать выводы со слов Насти и Томаса? Они единственные... свидетели. Неужели он будет верить слову свидетеля? Слово Свидетеля – важная строчка в Наставлении, которое было использовано во зло Клотом, разрушившим больницу. Он тогда говорил, что все будет уничтожено... Ублюдок оказался прав.

– Как скоро будут доставлены Безликие и Экзоскелеты на линию обороны?!

Еще до отлета на Аврору он отдал четкий приказ подготовить к немедленному прибытию новый тип экзоскелетов для солдат, дабы те обрели усиление своих возможностей на поле боя. Разрабатывались они под прикрытием обычного производства технологии для раскопок и добычи ресурсов в глубинах Комы. Раз уж по закону Монолит не имел права создавать новое оружие и сложную технику, то пришлось искать лазейки. Сейчас это было столь же спасительным, сколь созданная армия роботов количеством под сотню штук, которые еще вчера доказали свою пригодность, но лишь в наведении порядков внутри блоков, но не в борьбе с хищниками. К счастью, те, кого ныне называют Безликими, отлич-

но подойдут для сдерживания за счет инструментов раздражителя зрения, слуха и обоняния. И вот совсем недавно было решено просто начать зачистку от границы Монолита, хотя успех был мал из-за невозможности нынешнего оружия пробить шкуру, но хотя бы был шанс отвлечь внимание ради эвакуации или же просто напугать силой. Теперь же можно увидеть изменение в поведении: их явно привлекли искусственно выведенные лес и ферма – туда направилось большинство, при этом периодически некоторые все же выскакивают ради нового забега по Монолиту. Раз есть точка концентрации врага, значит, осталось сдержать его там до готовности проекта «Стрела».

– Сэр! Никакой активности или даже наличия следов противника в районе тюрьмы Тишь не обнаружено.

Сам того не замечая, Козырев приходит к вере в наличие естественного врага в виде достаточно умного человека, решившего реализовать столь сокрушительный для Монолита план именно сейчас. Вера в этого спрятанного противника заполняет пустоту системы координат, создавая объяснение многим событиям последних дней и выстраивая идеальную прямую до необходимого действия в условиях абсолютной победы – найти естественного врага и уничтожить! И вновь он не заметил, как сначала появилась вера, а уже потом стоящая за ней мысль, что воспринимается чем-то действительно верным именно из-за наличия такого шага в сторону некогда чуждого свойства мышления в данный, непред-

сказуемый, кризис. Он искренне хочет испытать эту веру на прочность, боясь ошибиться и поддаться пресловутым эмоциям, ощущая борьбу идеологий, но находит вполне укладывающуюся в логику причину отложить этот процесс – время уходит слишком быстро, решения нужны сейчас, лишнее промедление приближает к поражению. Раз в Тиши спокойно, то может ли быть так, что появление хищников сразу же после усмирения беспорядков – это новый этап революции, заранее спланированный и предусмотренный шаг добиться своего, несмотря ни на что?

Так, отставить излишние выводы – сейчас надо сосредоточиться на новом плане сдерживания ради скорого уничтожения основного количества противника, что требует настоящего микроконтроля. Козырев четко понимает: садами можно пожертвовать, главное, что как минимум вода у них будет, ведь Сток-1 в порядке, а запасов еды хватит на несколько месяцев, чем блоки укомплектованы до предела. Так что при успешности применения «Стрелы» останется спокойно устранить остатки и начать восстановление в ближайшие месяцы, это вполне приемлемые сроки.

– Сэр! Бэккер, Петр и Юст только что были в Стоке-1. Они уничтожили все насосы, фильтры и систему перегона воды. Забрали научные костюмы биозащиты и отправились вглубь Топи.

8

Природа разрушения не так трагична в разрезе времени, где жизнь и смерть являются гарантом друг друга, балансируя в масштабах Вселенной. Природа сотворения имеет свойство большей ценности в глазах смотрящего и руках берущего. Вроде бы все просто, думал Петр много лет своей жизни, пока сам не стал природой разрушения. Теперь-то он познал всю трагичность этой столь же необходимой, сколь и естественной в природе роли. Она состоит уже не в том, что ему приходится олицетворять разрушение с невозможностью объясниться перед важными в его жизни людьми, нет – в основе лежит совсем другое: не он выбрал эту роль – роль выбрала его. Природа разрушения лишена человеческих понятий добра и зла, она просто есть, как противоположность жизни во имя баланса. Он не должен злиться на то, что не имеет злого умысла в понимании. Но он злится. Понимает ценность этой роли, знает ставки и конечную цель, более того, ему хочется быть исполнителем, оплачивая свои долги перед жизнью. Да и роль эту он никому бы не передал, потому она – его, лишь он должен нести это бремя. Видит в этом не просто компенсацию – судьбу. Но он ненавидит ее. Ненавидит из-за того, для чего эта роль нужна, ибо не будь того самого свершения, возможно, а то и наверняка, распла-

титься за свои ошибки он бы смог еще многими способами. Хотелось бы другой сценарий... но Петя уже не свернет с пути, теперь это его и только его, иному отдать эту суть он не согласится – ведь у каждого своя ноша, свое бремя, своя расплата.

Все началось с даты, которую он, к счастью, не помнит. Это было год назад, но точный день выветрился из его головы с отсутствием присущей вины. Тогда погибла его маленькая дочь, спасение которой не было в планах Вселенной, – теперь он это понимает. Как и то, что привело к ее смерти. Большая научная работа с его женой – Ингрид, желавшей всеми силами понять природу малого зачатия женщин и устранить причину частых потерь ребенка во время сокращающихся с годами беременностей. Что-то мешало на этой планете зачатию, так что Техгруппа к тому моменту собрала достаточный анамнез, чтобы начать серьезный проект. Проект, который по ужасной Петвиной неосмотрительности забрал жизни десяти женщин и пяти нерождённых детей. Монолит взбунтовался, его дочь пала жертвой необузданной, полной горя и праведной ненависти толпы. Ингрид на правах коренной жительницы отрезала всю связь с Техгруппой и Петей в частности, уйдя в бесконечную работу, спрятав горе вдовы. Андрей Дикисян договорился с Козыревым – и гениального инженера и доктора наук по энергетике увезли на Аврору, где вместе с Клотом они по приказу Опуса начали раскопки первого города Комы, маленькой коло-

нии, в недрах которой нашелся Осколок. А Катарину шустро отправили на Тишь. Столько горя и разрушений на изначально добрых намерениях было пережито Петром с нестигаемой волей перед чем-то большим, должным быть за кулисами этих чудовищных спектаклей. Возмещение нанесенного им ущерба стало целью существования, смыслом жизни, большей, чем любое прощение. Его взгляд чистого техника видел все очень просто: раз его руки что-то забрали, то они же и должны вернуть. Так он и видел этот Осколок – новый источник энергии, поддающийся лишь его пониманию, который он подарит людям. Величественная цель питала его силой, придавала упругости и внушала веру в лучшее будущее, ибо именно он был тем, кто нашел Осколок – артефакт неизвестного происхождения и возраста.

Теперь он в броне разрушителя. Броне, которую создал, чтобы обуздать энергию Осколка и принести этот дар людям. Она прячет жизнь от смерти, разрушителя от разрушений. Но еще есть шлем, защищающий не только голову, но и образ. Шлем закрывает человечность. Маленькое зернышко сомнений, ведь раз прячется, то может ли он тогда быть ведомым силами природы, взявшими его судьбу в свои руки? Вопрос неправильный. Тот факт, что он думает об этом, ставит под сомнение и углубляется в осмысление своей роли сквозь чудовищную ненависть в свой же адрес и бесконечную скорбь от своих же действий, – все это и делает его большим чем человек и меньшим чем слепой исполнитель судь-

бы. Точки координат соединяет Бэккер, пришедший с Опуса проводник, складывающий разрозненные фрагменты Петинной жизни в общую картину прошлого, настоящего и будущего. Сейчас они идут в Топи, забрали необходимое, вновь оставили вынужденные жертвы. Но так надо. Спасение людям намечено, остальное укладывается в их волю к жизни. Вновь окропив свое существование страданием других, Петр все глубже осваивает иную роль – ту, что в глазах жителей Монолита... в глазах Техгруппы... в глазах его жены. Единственная женщина, которую он не просто любил – любит до сих пор. Ее ум, воспитание и доброта стали ему чем-то большим, на что хочется равняться. Нельзя думать о ней! Он не заслужил! Вновь ругает себя за слабость. Обрек ее на гибель, как и остальных... С заслуженной болью он говорит себе, что хочет именно ее смерти! Там. Она не заслуживает жить в страданиях... уже и так настрадалась из-за него. Там она среди друзей, среди своего народа, разделяет принесенный им ужас. Но есть кое-что эгоистичное. Петя знает: появись она сейчас перед ним, да еще и неся прощение и понимание, – ему захочется склониться к капитуляции, лишь бы познать ее любовь и предстать в ее глазах хорошим человеком.

Справиться с подобными мыслями помогает Юст. Этот паренек всегда был ему чужим. Но Бэккер, раскрыв цельную картину истории, раскрыл и истинную роль этого хакера в судьбоносной миссии. Петя и Юст почти не разговаривают – лишь взгляды, передающие больше любых слов за счет по-

нимания их незаменимых ролей на пути в один конец. Благодаря Юсту они смогли изменить сокрушительную броню Петра, созданную не так давно именно ради цели распределить энергию Осколка для концентрированного выброса излишков. Бэккер помог не только знаниями интегрирования, но и привел их с Юстом к месту, ставшему людям прародителем кошмара. Там была на первый взгляд пустая комната со странными стенами из неизвестного материала и равномерно расположенными столбами. Иной взгляд упустит ценность – всеведущий Бэккер указал на сокровище. Благодаря взаимодействию с Осколком адаптивность новой технологии возымела высокоточную успешность, придав броне новый слой качества. Юст был словно ребенок, дорвавшийся до самых лучших игрушек, превознося этот опыт выше любых жизней. Цинично? Возможно. Но вся их работа не может не сопровождаться жертвами – и это не их выбор, с этим надо либо смириться, либо передать бремя.

Они были откровенны с Настей... Тот момент преследует Петю из-за невозможности определить, могли ли они сделать все иначе... Рассказать правду, сделать ее, а может, и весь Монолит, частью замысла? Несправедливо вешать это бремя на них. Им дан шанс, мотивации жить теперь сполна. Бэккер принял решение, взял все на себя, как и подобает лидеру. Он мало говорит с тех пор, все время в раздумьях, создает стратегию, просчитывает маневры. По сравнению с Бэккером Петя еще легко отделался.

Вот-вот, как говорит Юст, доведя производительность чипа до ума, он сможет позволить Петру работать лишь одним желанием, забыв про мышцы. Необходимое время у них пока что имеется, путь сквозь Топи непрост – скорей всего, ожидаются привалы. Добыть второй Осколок не менее важно, чем подготовить броню. Сам же Петя видит для себя лишь один заслуженный конец – гибель в победе.

Менарду нужно сделать нечто совершенно естественное, но внезапно не поддающееся его воле, будто бы он стал другим человеком, растеряв силу и ценность этой необходимости. Оттого он все не может перестать смотреть в зеркало у раковины, где просто хотел привести себя в порядок перед важным действием. Перед глазами так и крутится страшная картина гибели Юры, чье тело зубами разрывают на части и сразу же съедают. Единственное радует – это воспоминание смогло чуть-чуть затмить ту резню в пустыне, несправедливо унесшую жизнь еще двоих, знаменуя окончание бойни самопожертвованием капитана Слэйда...

Оскар вошел спокойно, прекрасно отдавая отчет в необходимости соблюдать личное пространство, что, к сожалению, Менард оценить не смог.

– Сейчас приду, – быстро бросил Менард, украдкой глянув на Оскара, который, в свою очередь, с каким-то неприличным интересом встал чуть в стороне. – Если что-то еще случилось, то говори, если нет – уходи. – Менард не скрывал своего неуважения к этому человеку.

– Мне жаль...

– Не смей! Твоя жалость никому не нужна. Со своей совестью сам разберешься. И мне плевать на то, кто твой отец, –

важен человек и то, что этот человек делает. А ты со своей Техгруппой сделал уже достаточно! Тебя-то папка защитит, так что не делай вид, что мы с тобой на равных.

Ранее Оскар не стал бы такое терпеть, но сейчас сам удивляется принятию этих слов и пониманию причин такого порыва.

– Ты прав, – ответил он рассудительно и взвешенно, – мой отец меня защитит. Но я никогда не хотел этого. Я хотел честно идти своей дорогой, без привилегий...

– Хочешь честности? Откровения?! – вспыхнул Менард и подошел к Оскару, столкнувшись с ним лоб в лоб. – Вот тебе откровение – я хочу позвонить жене и дочери, сказать, что я жив и здоров, что и они будут живы и здоровы, потому что я иного не допущу. Сказать, что мы справимся и все будет хорошо! Но я не могу этого сделать! Не могу ни лгать им, ни быть живым перед ними, потому что все остальные умерли! Так что мне не нужны ни твоя забота, ни дружба. Иди к своим друзьям из Техгруппы, вас теперь объединяет еще одна пачка смертей, которую остальным разгрести.

– Нет больше никакой Техгруппы, – все еще неестественно спокойно говорил Оскар, пытаясь донести важную мысль, которую сам только что и осознал. – Большинство либо погибли, либо пропали, оставшиеся разбрелись, не считая предателей. Посмотри на Настю – она потеряла всех и начинает терять себя, все это видят, даже мой отец, кстати.

– Только вот проблемы от Техгруппы никуда не делись.

– И как это понимать?

– Забей. – Устав, Менард развернулся к зеркалу и вновь умыл лицо.

– Нет, ты уж поясни! – Преисполненный сожаления Оскар поддался злости, Менард же стойко игнорировал его, собирая обратно туалетные приборы в личный пенал. – Не только ты потерял кого-то, как и не тебе нас судить! Весь вчерашний день мы пытались предотвратить трагедию, одну за другой, но ничего не получилось, лишь смерти людей, в числе которых Андрей и Дима! Так что не строй из себя жертву, ты не сильно от нас отличаешься...

– Пацан! – Менард вновь обернулся к Оскару. – Если решил выговориться – не по адресу, ты мне никто. Хочешь дружбы? Иди к своим, там Томасу все равно делать нечего, он даже жене своего брата, Слэйда, того, кто погиб из-за вас в пустыне, так и не позвонил, словно она ему чужая. Хотя, по сути, так и есть. И не смей со мной больше таким тоном говорить, я тебе не подчиняюсь, да и возрастом ты не вышел, чтобы так себя ставить передо мной. Будет приказ главного командующего – выполню, в остальном даже не думай меня затянуть в тот бардак, которым славится Техгруппа. Лидер из тебя не получится, уж точно не для меня. Свободен!

Полный энергии Менард вышел из умывальни достаточно резко и энергично, чтобы, когда оказался в переговорной, куда их отправили после доктора для составления отчета, быть сразу же замеченным Томасом и Настей, которые, в

свою очередь, все это время рассматривали обрывки видео с Топи. Следом появился разозленный Оскар и вместе с Менардом разделил удивление от предоставленных видеоматериалов, раскрытых сейчас на мониторах. Какой-то совсем уж растерянный взгляд Насти отлично передал остальным то глубочайшее смятение перед необъяснимыми, но судьбоносными решениями некогда известных им людей.

Содержание не оставляло сомнений в преступлении, более того, никаких даже намеков на принуждение Бэккером или неведомым лицом – все было исполнено пугающе уверенно. Сток-1 был местом особым, цельное здание контролировало очистку выкачиваемой воды и направляло ее по закопанным на пару метров трубам прямо в Аврору, Монолит и Тишь, параллельно с этим и занимаясь любыми работами с обеспечением бесперебойности всего процесса. До ближайшего и основного озера, находившегося в Топи, было около десяти километров, причем сложность прокладки туда водопровода и дополнительной станции крылась не только в невозможности находиться там человеку без скафандра, но и из-за наличия всякой животной фауны, где даже комары представляли смертельную для организма угрозу. Все получилось сделать благодаря Пернату, прекрасно осознававшему важность обеспечения Монолита, так что сложнейшая задача была выполнена в течение месяца благодаря совершенным машинам Опуса. Сток-1 работал как часы, а сам факт какой-либо атаки на него не был никоим образом возможен

даже в самых безумных фантазиях. Но все же Козырев обеспечил большое строение лучшими стенами, чуть ли не превратив это место в глыбу, которую не возьмет ни одна ракета или взрывчатка... Как видят теперь все, усердие не помогло сдержать натиск силы Осколка. Само квадратное строение было высотой в пять этажей, рядом с которым находилась очистная станция в окружении дополнительных стен. Здание содержало в себе не только управление с жилым этажом для персонала из пяти человек, но и отдельный этаж для изучения странной, совершенно не поддающейся объяснению природы Топи. Вход в это здание был один – обычная по размеру, но сложная по доступу дверь. Путь для поезда был аккуратно проложен в метрах двадцати параллельно водопроводу, дабы в случае поломки иметь доступ к быстрому ремонту, ведь сам вагон всегда был у здания Сток-1, возвращаясь на Монолит в основном за провиантом или по окончании полугодовой смены персонала.

Первым делом был уничтожен вокзал. Осколок был закреплен на груди, в специальном прямоугольном отсеке, которым направлял энергию то ли через провода, то ли через трубки прямо к правой руке, где концентрированная сила выстреливала в необходимую сторону, разрушая взрывной волной то, во что врежется на пути. Вспышка света внутри поезда, потом взрыв, цепная реакция задевает реактор и детонирует, окончательно уничтожая транспорт с путями. Сделав лишь пару шагов назад, Петя выстоял за счет веса

брони, после чего медленными шагами направился к дверям Стока-1. Ему явно было трудно, модифицированная броня оставляла сомнения в надежности ровно до момента, как некая сила будто бы сделала костюм плотнее, придав уверенности в каждом движении. А дальше все было кратко и ясно. персонал вышел наружу в неподдельном страхе и вынес три костюма биозащиты с кислородными баллонами, пару ящиков с неизвестным оборудованием и даже сумку с едой быстрого приготовления.

Сотрудники сказали, что принесли все, что они просили, после чего пытались достучаться до чего-то человеческого в том, кто сидел в этой устрашающей броне. Настя и Томас этим утром делали то же самое, они даже переглянулись, разделяя вспыхнувший в памяти кошмар того момента. И, точно повторяя воспоминание, Петя показал лицо, подняв шлем, и стал просить прощения, выговаривая слова четко и ясно, дабы откровение никак нельзя было интерпретировать иначе. Но в этот раз он уже не плакал – в нем развился мрак, Настя с Томасом заметили это ускользящее от чужих глаз отличие. Дальше, то ли из-за страха, то ли искренне веруя в безопасность здания, сотрудники забежали в Сток-1. Несколько минут Петя стоял смиренно и недвижимо. А потом он закрыл лицо шлемом, принял более стойкую позу, упираясь левой ногой назад и выставив уже обе руки вперед, и произвел новый выплеск энергии Осколка. То было последнее, что запечатлела камера наблюдения, осталь-

ные же успели передать последние фрагменты прямо перед чудовищным разрушением целого здания с системой перекачки и фильтрации воды на границе Топи.

После просмотра видео нападения на Сток-1 на границе Топи где-то минут двадцать царила гнетущая тишина.

– Это случилось несколько часов назад, – Настя развеяла тишину аккуратно, – Козырев прислал.

– Какой был комментарий? – Оскар с трудом блокировал все чувства, доказывая себе умение быть трезвым. – Есть сведения об их целях? За ними пойдут? Настя?

– Он просто прислал эти видео!

Если для неподготовленного свидетеля содержимое записи будет пугающим опытом, то для тех, кто еще утром видел нечто подобное от того же исполнителя, повторный опыт оказывает удвоенный шок. Настя и Томас на мгновение словно вернулись назад, к тому моменту, когда Петя в этой самой броне устроил аналогичный взрыв энергии, но только в землю, откуда впоследствии вылезли эти твари. Никаких объяснений – лишь требование эвакуировать Монолит и жалостливая просьба простить их за эти свершения. Оскар не мог не увидеть ее удручающее состояние, так что незамедлительно выключил экран, прекрасно отдавая себе отчет еще и в том, что это нужно и ему: ведь если бы не его слабость, то сегодняшний день был бы совершенно другим.

– Скажите мне, что он просто пытается сбежать в Топи, –

проговорил Менард, поглядывая на каждого.

– Меня волнует другое, – Оскар собирался с мыслями, – где был Юст и Бэккер?

– Я думаю, тут один ответ на оба вопроса, – Настя неспешно начала рассуждение. – Все, что происходило вчера, крутилось вокруг этого сраного Осколка, который Петя откопал в Авроре по приказу Опуса. Бэккер прибыл за ним, потом стало известно, что таких было два... минимум два. Думаю, мы вправе допустить, что есть еще один. Как раз за ним они и ушли в Топи, пока мы тут выживаем, иначе бы успели им помешать.

– Если один смог сделать Петю самым опасным существом, то что же будет, когда они достанут второй? Вроде бы вчера Осколок был уничтожен. Или это они идут уже за третьим? Потому что в подземной комнате мы его не видели. Хотя он мог быть спрятан. – Оскар непроизвольно нагнетал атмосферу. – Как Петя на такое согласился? А Юст, его в чем выгода?

– Я не знаю.

Если бы не Томас, то эта безысходность так и повисла бы в тишине.

– Броня улучшена. Ты это мало заметила, но этим утром я хорошо ее разглядел, и сейчас она немного другая – больше деталей, веса, плотности. Как я понял, под Авророй обнаружили тоннель, который ведет к аналогичной комнате, которую Оскар и Бэккер нашли в пустыне.

– Что же это получается – они нашли еще одну? – Настя была шокирована таким простым выводом.

– Новая партия тварей появилась не сразу, – вмешался в разговор Менард.

– Почему сразу всех тогда не...

– Это уже не важно. – Менард явно был недоволен всем этим рассуждением. – Есть враг, его надо устранить. Вы же сейчас ничего не можете поделать со зверьем? А с этими уродами? Ну вот и конец болтовне.

– Тебя тут никто не держит, – нетерпеливо бросила Настя, приняв его слова на личное.

– Наконец-то что-то умное сказала.

– Тебе есть что мне сказать?!

– Не слушай его! – Томас вновь выступал стабилизатором ситуации.

– Да! Лучше слушай этого парнишку, которому плевать на своего брата и то, что теперь жена стала вдовой, а ребенок сиротой. – Менард и Томас столкнулись лбами, где первый всю проявлял презрение и злость, пока второй через силу держал все в себе. – Ты даже не позвонил ей, хотя вроде бы родственник. Но, судя по тому, что твой брат лично был против твоего назначения к нам, это говорит о многом.

– Пыл остуди! – Оскар плавно отодвинул Настю себе за спину. – Ты злишься, я понимаю, но если мы будем враждовать, то настоящий враг, считай, победил. Если ты выговорился, что позволительно при нашей ситуации, то мы все

продолжим, потому что у нас еще много работы.

Оскар удивил Настю и Томаса крайне зрелым и осмысленным подходом.

– Ваша работа уже принесла жертвы.

– И что?! – Настя, казалось, сейчас накинется на него. – Сидеть и ничего не делать?!

– Да. Потому что, как я могу судить, вчера вы все пытались и пытались предотвратить очередную трагедию. Пытались и пытались. Имейте совесть и ответственность дать более компетентным людям все исправить.

– Мы не обязаны тебя слушать, да и приказы здесь не ты отдаешь.

– В этом, пацан, ты прав. Но почему-то вы меня слушаете. Сами догадаетесь? Может, пора уже принять тот факт, что от вас проблем больше, чем решений? Да, здесь у нас самое высокое звание у Настенки, только каждый ее приказ с нашей встречи приносит лишь смерть. Сами не устали от этого?!

И тут Томас не сдержался и ударил по лицу Менарда, что вылилось во вполне суровую драку между двумя опытными бойцами, где агрессор проявил свою жестокость с пугающей яростью, вынудив оппонента защищаться приемами вольной борьбы. Оскар сразу же перекрыл собой Настю, и они отошли назад, освободив обоим, кажущимся ныне воинами, место. Настя уже хотела что-то возразить, но спокойствие Оскара усмирило ее пыл, позволив вновь ощутить заботу защитника.

– Из-за вас, уродов, погибли все мои друзья! – Менард, сохраняя чуть больше самообладания, смог обхватить сзади Томаса и, выдерживая вес этого здоровяка, лежать на спине, выполняя блокировку всего яростного тела. – Люди гибнут! Вы же продолжаете делать вид, что обладаете хоть каким-то контролем!

Томас пытался яростно вырваться, но злость туманила разум, высвобождая накопленное и спрятанное. Менард освободил хват, Томас отцепился и, лежа на полу, закричал во все горло, заражая всех болью, после чего встал и ушел в ванную, громко закрыв дверь. Менард поднялся и сказал то, что было нежеланной правдой:

– Мы нужны друг другу. Потому что лишь с вами я доберусь до этих уродов, которые все начали. А вам не придется жалеть себя, что не спустили курок, когда наступит нужный момент. Я это сделаю без колебаний, испачкаю за вас свои руки.

– С чего такие перемены?

– Как будто вас волнует мое мнение. С вами у меня хоть какой-то шанс расплаты. Хотя я уже не уверен. – Только Настя собралась возразить на очередную наглость, как Менард, перед тем как выйти за дверь, пугающе вразумительно произнес: – Знаешь, почему эти предатели просили прощения, плакали и несли прочий бред? Чтобы вывести вас на эмоции, и, пока они свершают задуманное, вы перемалываете сопли, слепо повинуюсь дружеским чувствам. Вас развели, как ло-

хов. Простая манипуляция всегда самая действенная.

Менард вышел за дверь, оставив Настю и Оскара одних.

Усталость вновь давала о себе знать, пусть лекарства и стимуляторы были приняты не так и давно. Настя внезапно поняла, как далек стал тот последний момент личной безопасности, случившейся всего лишь вчера, но из-за большого количества событий крайне серьезного характера время пугающе растягивалось. И этот последний момент напрямую связан с Оскаром, так же как и сейчас, охранявшим ее от агрессии страшного мира. Вчера, когда их преследовали бунтующие агрессоры, им пришлось сражаться за свою жизнь и по итогу спрятаться. Сейчас она смотрит на него и вновь ощущает безопасность, пусть с этим, как и вчера, неразрывно связана угроза их жизни, но только вместо людей их окружают монстры.

– Сегодня мой отец впервые говорил со мной как с сыном, даже, как мне показалось, с равным себе. – Оскар хотел поделиться этим именно с Настей, потакая желанию отвлечь ее. – Может, угроза смерти, может, в нем разыграли инстинкты, но я еще никогда не видел его таким... таким... человеческим. Забавно, правда? Монолит столкнулся с войной, а мой отец обрел что-то человеческое, хотя именно сейчас это, наверное, нужно меньше всего.

– От этого ты пытаешься быть лидером?

– Не ожидал, что настолько заметно.

– Я думаю, ты справляешься лучше, чем я. – Настя грустно улыбнулась, все более открываясь ему.

– Эй, посмотри на меня. – Их глаза встретились в самом честном взгляде. – Настя, это я поехал за Родой с Бэккером, и это я упустил его. Я мог убить Бэккера там, мог ранить или оставить в пещере. Одно решение, одно действие – и сегодня мы жили бы другой жизнью. И я не хочу и не позволю тебе гнобить себя за то, что сделал он.

– Я дала разрешение...

– Ты, как и все мы, стала жертвой лжи и манипуляции. К тому же не забывай, ты хотела отправить с ним Томаса, но это я вызвался и переиграл все, помнишь? Так что, как ни смотри, здесь я несу бремя, которое ты не заслужила.

Она поддалась его объятиям, которыми он спрятал ее от мира, позволив безопасно выпустить накопившуюся злость, отчаяние и боль сквозь слезы. В этот момент, проявляя самую большую заботу в своей жизни, Оскар всерьез ощутил не только свое взросление, но и важность быть лучше и сильнее ради совершенно особенного человека, которым Настя стала самыми естественными путями. Эти два дня сблизили их, выковав между ними какую-то особую, ранее невиданную ими связь.

– Я весь день вижу, как ты мучаешь себя и... хватит уже.

– Да дело не только в том, что случилось! – внезапно вспылила Настя и подняла голову, показав свои уставшие, бле-

стящие от слез глаза. – Я боюсь! Боюсь принимать решения, боюсь... боюсь быть обманутой. Вновь. Я словно потеряла всю систему координат, сама почва ушла из-под ног, и я... Если я не верю собственным мыслям и чувствам, как я могу принимать решения? Менард прав. Представляешь, я даже с ним уже согласна. Андрей был прагматиком, умел все держать в руках и ничему не давал своеволия. А я...

– С Бэккером он не справился.

– Отличное напоминание, спасибо.

– Так если он не смог, то почему ты ожидаешь от себя большего? Настя, будем честны, мы все проиграли вчера. Все стали жертвой его игр. Не удивлюсь, если Петя и Юст повелись на его очередную ложь.

– Знаешь, почему я все еще думаю о словах Бэккера и остальных? Желай он все уничтожить, то воспользовался бы Осколком... не так, как это делает Петя. Ты понял, о чем я. Не верю, что это была разовая случайность. Он смог переместиться во времени, мы видели это... видели весь вчерашний день.

– Может, они не могут или...

– Вот именно! «Может», а может, и нет. Я не знаю. Но за один день мы неплохо узнали Бэккера, и я... Я не верю, что все вот так просто. Осколок позволяет путешествовать во времени, но они просто все разрушают, хотя имею власть надо всем и вся. Странно. Мы что-то упускаем. Что-то есть еще, чего мы не знаем, уверена, ты сам это чувствуешь.

– Да, чувствую. Но я стараюсь мыслить проще, потому что пока мы тут, там гибнут люди. Наши люди. Чего бы не было, если бы не Бэккер. Ты сама видела все, лично.

– Еще я видела тело Пети. Помнишь, он вроде бы погиб, прямо у нас на глазах. А когда мы вернулись на Аврору, то тела уже не было, лишь следы крови.

– Ты взяла анализ крови?

– Нет. Я... хотела, но... голова уже не работала, а когда мы нашли этот тоннель, и там...

– Эй, хватит, успокойся, все хорошо, ты не виновата, мы все устали. – Настя вновь спряталась в его объятиях. – Я согласен с тобой. Желай Бэккер все уничтожить, он мог воспользоваться Осколком иначе. Отсюда я и стараюсь мыслить проще, по проблеме за раз, потому что всего не охватить. За излишнюю ответственность тебя не похвалят. Но я похваляю за то, что ты никого не бросила. И я верю тебе. Верю в тебя. Мы с тобой там, где должны быть. Дай уже себе шанс, потому что ты нужна мне, чтобы пережить этот день.

Настя удивилась столь простому выводу Оскара, что благоприятно влияет на пусть и скудное, но заметное восстановление самообладания, особенно с единственным оставшимся близким человеком. Вновь они молча стоят, крепко обнимая друг друга, сходясь на едином, уникальном для обоих чувстве, заманившем их в неловкий, но очень приятный, даже спасительный поцелуй.

ПИСЬМО 2

Иду сквозь ночь. Звезд, как всегда, не видно. Они есть. Далекий свет прошлого. Но здесь мы их не видим. Солнечная система далеко. Если ты чужак, то не пугайся. Лишь наука открыла нам их. Телескопы помогли. Тьма Вселенной нам родна. Прячет от света. ИМБ здесь не просто так. Солнечная система и люди имеют единый статус для Вселенной – чужаки в точке координат. Заняли позицию вопреки воле космоса. А иду я потому, что идти надо. Безумец Бэккер, копающий настоящее в прощенье прошлого, остался позади. Такие люди опасны своим свойством выживать. Мне же надо определиться с содержанием. Вот и иду. Прямо в сторону того, что здесь называют Тишью. Тюрьма. Ожидаю ее автономность. Тюрьмы делают для сдерживания. Но сдерживать могут не только то, что внутри. Но и то, что снаружи. Этаким сундук, прячет обе стороны мира друг от друга. Возможно, там есть люди. Возможно, разумные. Сейчас надо идти. Прямо по путям. То, что называется тут вокзалом, рядом с остатками лабиринта, открыло мне карту. Там и был указан путь, как и расстояние. За несколько дней преодолю. Нужно преодолеть. В этом смысл. Всегда помни – если ищешь, значит, ты жив. Нашлась кое-какая еда на вокзале. Хоть как-то живу. Но раз безумец Бэккер противится смерти, то и я смогу. Но

не для возвращения. Это не просто запрещено. Это навредит всем. Даже тебе, читатель. Если ты не понимаешь, о чем я, – радуйся. Пусть вернуться и есть куда. Надо быть взрослее. Уметь отпускать. Недавно только получилось. Но появился Бэккер. Доказал, жизнь возможна после смерти. Есть куда идти. Прямо. Туда, где еще не ступала нога. Так что иду. Может быть, есть шанс на новую жизнь. Поправка. На остаток жизни. Вряд ли она будет долгой. Да и смысл. Если даже момент, то пусть счастливый. Длина между началом и концом не важна. Слишком хорошо знаю обман перспектив. Для одного день, для другого век. В конце оба будут одинаковы. Вспоминать лучшее. Так что иду. Чуть-чуть загляну за кулисы. Остановки даются с трудом. Этот путь железных линий неровен. Очень холодно. Но холод радует. Доказывает время. Время всегда было против меня. Аномалия для времени. Время – аномалия для меня. Читатель, не смей жалеть меня. Мое положение – заслуга моей жизни. Праведные последствия. Само Наставление этому учит: «Наказание свершается не только руками судьбы, но и мыслью виновного». Важные строки этого писания. Если ты не знаешь, что это, то радуйся. Книга – ложь. Но ее части верны. Время и Судьба – вот истинные боги, а мать и отец – лишь инструмент их воли. Я знаю много. Слишком много. Например, названия планет. Ты знал, что планеты ИМБа названы не просто так. Все это пришло из музыки. Музыка, которую познали еще до Наставления. Опус и Кома находятся друг напротив дру-

га, делимые солнцем. Опус – самая маленькая планета ИМ-Ба, это термин, обозначается нумерацией композиции музыканта. Кома, самая большая планета ИМБа, – музыкальный интервал. Насколько я помню, тут есть ошибка в слове. Но какая – не скажу. Давно было. Было принято так. Но этот символизм имеет корни истории. Лучше их умолчать. Может порушить пролог и эпилог. Так вот. Дальше идет газовая планета Глиссандо. Это означает штрих, который дает плавный переход музыки. Странное название, как и все. Потом идет стеклянная планета. Удивительно. Называется Лад. Что-то связано с гармонией нот. Музыка – не мое. Знания мои могут быть неточными. Но хочется поделиться. Возможно, это уже утеряно. Или еще не открыто тобой. Потом идут две близкие планеты – Кантата и Аптома. Две планеты с большим набором ресурсов. Жаль, далеко. Там нет воздуха и воды. Вот такой наш маленький мир. Названия придуманы давно. Помни. Придуманы со смыслом. Все здесь имеет смысл. Семь планет вокруг звезды ИМБ. Я знаю смысл этого ИМБ, хочется поделиться. Такое знаю я и еще, может быть, кто-то. Редкое знание. Пришло неожиданно. Лучше останется со мной. Прости. Так будет безопасней.

После шокирующей правды о смерти Морица Рода почти потеряла сознание. Реальность выскользнула из ее рук, пробудив последний, оттого и бескомпромиссный защитный механизм – агрессию. Сначала она начала все громить, будто бы от этого зависела ее стойкость перед враждебным натиском, но с каждой минутой вместе с энергией иссякала и цель защиты. А дальше она не помнит, лишь слова Катарины о ее обезвреживании электрошоком раскрывают пелену тумана прошлого.

Сейчас Рода в сознании, но не спешит, размеренно осмысляет происходящее сейчас – никак не прошлое. Что-то внутри так и просится повременить с выводами или действиями, проталкивая вперед остальных нужду отделиться от окружения, чтобы фокусировка на чем-то маленьком и безопасном возымела восстановительный эффект. Вот Рода и сидит в кресле, поджав ноги и руки, словно комочек, разглядывая небольшой кабинет Катарины: обычный стол с мониторами слева в углу, чтобы был видно помещение, где справа стоит во всю стену стеллаж с ящиками разных размеров. Катарина вытащила стул из-за стола и поставила ближе к Роде, заполнив пустоту в центре.

– Извини. Ты была в жутком состоянии, ну я и решила, что

хватит тебе травм... на какое-то время как минимум. Это было правильно с моей точки зрения. В данном случае я надеюсь, ты поверишь мне не только как специалисту, но и как заинтересованному в твоём благополучии человеку.

– Ненавижу, когда мне лгут, Катарина, – Рода говорила аккуратно и вдумчиво.

– Считай это заботой.

– Не буду. Ваша забота мне вредит больше.

– Директор...

– Я не про него. – Катарина поняла, что Рода говорит не только о последних событиях, взгляд ее пронзал в самое сердце, чему невозможно было не удивиться от такого человека. С минуту они молчали, потом Рода, аккуратно выводя на чистую воду лжеца, заговорила: – Мои настоящие родители погибли на Опусе. Андрей взял меня к себе и воспитал как свою дочь. Катарина, ты знала об этом?

– Да, – неожиданно спокойно ответила она, словно вопрос был о чем-то незначительном. – Совет, о котором ты не просила: он тебя воспитал, это стоит очень многого и не дано тому, кому плевать на ребенка.

– Это окупает ложь?

– Ничего, потерпишь. И пока в твоей голове не начали происходить предсказуемые мыслительные процессы, я успею закинуть еще кое-что – оставь это на потом.

– Звучит так, будто бы у меня есть мотивация заниматься чем-то иным.

– Ну, если ты приняла смерть человека, который тебя воспитал, и наличие хищников тебя не особо волнует, то да, можешь смело сидеть и утопать в жалости к себе. Знаешь, я даже тебе камеру выделю, там безделье входит в норматив дня.

– Зачем кому-то врать о его смерти? Официально...

– Рода, а ну, соберись! Я стою достаточно высоко, чтобы знать, как понятие «официально» мало пересекается с правдой. Без Андрея у нас может быть очень много проблем. Он был приближен к Козыреву и прикрывал каждого из нас...

– Ну или дело в том, что отец просто знал о ваших делишках в Тиши, сам их одобрял и, насколько мне известно, но тут не ручаюсь, держал всех на коротком поводке. И теперь вы боитесь, что все эти тесты на людях, которые незаконны, бесчеловечны и, что самое главное, секретны, могут всплыть наружу. Не знаю, как хорошо осведомлен тот же Козырев, но что-то мне подсказывает, что люди, те самые, которые только вчера бунт устроили, вряд ли обрадуются тому, как вопреки нравственности и морали Техгруппа продолжает эксперименты над людьми. Ну так что, Катарина, эту ложь мы перетерпим?

С минуту они молчали, испытывая друг друга в молчаливой борьбе, где молодость смогла выстоять лишь за счет упрямости, подтолкнув старшую на нечто столь откровенное, сколь простое и точное:

– Ответь мне на вопрос, только честно: ты не хочешь допустить даже шанс того, что он жив из-за его лжи? Неужели

твоя злость столь сильна? – Рода с трудом скрывала нахлынувшие чувства, допуская лишь блеск в глазах от подступающих слез. – Потому что если это личное, то ты тупая дура, Рода. Я не хочу даже допускать идею, что я и остальные переживаем его смерть тяжелее, чем ты – не родная, да, но та, кого он считал дочерью.

– Да ничего ты не переживаешь! – Привычный нрав девушки проявил признаки жизни. – Вся ваша работа и жизнь построены на лжи, даже это место! И сейчас ты снова лжешь сама себе, ищешь способ выкрутиться, чтобы снять с себя вину и ответственность за его смерть, ведь именно твой муж, Катарина, устроил катастрофу, которая привела к смерти моего отца. Но знаешь, это я еще могу от тебя и вас всех принять, но то, что ты пользуешься моей болью ради своего эго... Может, и хорошо, что ты так и не стала матерью.

– Закрой свой рот! – прорычала сквозь зубы Катарина, вскочив на ноги. Рода никогда не то что не видела ее такой, даже представить не могла этот вспыхнувший образ. – Наглая, надменная мразь! Как ты смеешь такое говорить? Что вообще с тобой не так?

Рода быстро сознала свою излишнюю своевольность, столкнувшись с закономерной реакцией, попытка исправления которой вот уже почти слетела с ее языка, но Катарина пресекла извинительную инициативу:

– Молчи. Хватит. Так мы ни к чему не придем.

Вернувшееся самообладание вновь удивило Роду, зародив

в ней еще и некоторое восхищение Катариной как примером сильной женщины. Катарина сделала несколько шагов в свободном пространстве, подумала, собралась с силами и, не скрывая разочарования, решила подвести неприятный итог:

– Я пыталась заботиться о тебе, пыталась говорить на равных. Все это я делала из благих намерений. Возможно, когда-то ты созрешь для этого. Возможно, когда-то ты повзрослеешь. До тех пор тебе не понять ни меня, ни нашу с твоим отцом работу.

Откровенный, кажущийся и вовсе судьбоносным разговор оказал на обеих влияние большее, чем они могли осознать в той непродолжительной, но невероятно важной тишине.

В кабинет Катарины ворвался сам Директор. Переполненные страхом глаза скакали с Катарины на Роду и обратно, встречая лишь удивление. Под влиянием нужды сохранить авторитет Директор обуздал эмоции, даже поправил волосы и подтянул рубашку, прежде чем с напускным лидерским нравом произнести действительно пугающее известие:

– К границе тюрьмы пришел один из хищников.

Катарина с Родой переглянулись единым страхом, после чего Директор закрыл за собой дверь кабинета, оказавшись внутри вместе с ними. Он внимательно осмотрел каждую, после чего, долго подбирая слова, все время отвлекаясь на какую-то чуждую остальным мысль, использовал напульсник, чтобы вывести на виртуальный экран слева от двери,

рядом со столом, изображение камеры наблюдения.

– Сейчас об этом знаем лишь мы трое.

Если Катарина восприняла вид противника вполне стойко, проявляя победу разума над инстинктами, то вот у Роды случилось все наоборот – вновь, как этой ночью и утром, первобытный страх прокладывал путь к дикой ярости. Все ее тело, каждая мышца и чувство готовы были отдаться животной воле, если бы не внезапное оцепенение. Прodelав большой путь за эти полдня, Рода постепенно свыкалась с безопасностью до момента, когда узнала о шалости ее разума насчет Морица, что стало, как ей тогда казалось, финальным пунктом ее личной трагедии. Сейчас она видит не просто особь, а ту самую, ныне живущую с одной лапой. Ту самую, которую, как ей казалось, они с Морицем убили в пещерах... где, скорей всего, Мориц и остался навсегда, пожертвовав собой ради нее. Эта особь забрала всех, кроме нее, и, лишившись лапы, получила личное оскорбление – тут Рода ни капли не сомневается, подобное вообще сродни закону природы, который при всем желании она не сможет нарушить. Процессы внутри нее столь неопиcуемы в своем естестве, сколь легко и быстро она одобряет их. Возможно из-за этого она и не могла сотрудничать с Катариной и Тишью, как и думать об отце, потому что ничего еще не закончено. Пожалуй, она так и осталась бы перед монитором, поглощенная изучением повадок врага, ныне изучавшего высокие стены Тиши, если бы не разговор Катарины и Директора.

– Пока она одна, я решительно настроен не вмешиваться. Пусть посмотрит, подумает, а потом она просто уйдет.

– Чего? – Катарина была изумлена глупым, явно испуганным легкомыслием Директора. – Очень сомневаюсь, что особь «простой уйдет».

– Но тут ничего нет. Мы сидим тихо, никого не трогаем. Я вижу лишь раненое создание. Оно одиноко, ищет либо укрытие, либо сородичей. Как мы знаем, они хорошо адаптируются и хорошо общаются друг с другом. Нужно лишь подождать, пока оно убедится, что тут никого и ничего нет, а потом спокойно уйдет. Это наш единственный шанс выжить.

– А теперь послушай меня. Оно одно и покалечено, значит, слабее остальных, что дает нам единственную возможность поймать его и изучить.

– Я не представляю, как это сделать. Даже если мы захотим, что уже маловероятно, то, во-первых, мы не военные, армии тут нет. Во-вторых, если у нас не получится, то оно приведет своих друзей – и тогда уже противостоять им будет нечем. Слишком большой риск, Катарина, я не готов его принять. Я понимаю, тобою движет желание помочь Монолиту, но вряд ли они оценят эту жертву и тот риск...

– Там люди гибнут! Если Козырев проиграет и Монолит падет, то, ища себе новую еду, они рано или поздно придут сюда.

– Не придут, если будут знать, что здесь нет ничего интересного. Более того, я смею полагать, что сейчас у нас есть

лишь один шанс выжить на этой планете – сидеть тихо и ждать. Но также, – поспешил он дополнить, – наша безысходность открывает Опусу более точную картину нашего безысходного положения под руководством Козырева. Я думаю, мы с этим согласны. Да и, Катарина, пытаюсь заполнить этого зверя, ты ведь не только рискуешь моей жизнью, но и жизнью заключенных. Подумай, стоит ли твое особое, личное достижение, к которому ты очень долго шла, – здесь он сделал очень непонятное Роде уточнение, – такой цены.

Потерявшись в аргументах, Катарина так ничего и не ответила, лишь одарила Роду и Директора печальным кивком в знак согласия.

Чем больше Настя пытается вспомнить последний день, тем сильнее туман окутывает все те ужасные события, кажущиеся ныне единственными основами ее характера. Настя даже не узнает себя в зеркале: следы от побоев на лице все еще ярки, некогда золотистые волосы теперь отдают тусклой гаммой следов грязи, крови и пота. Она хочет помыться, целиком отдаться сильнейшему потоку горячей воды, чтобы смыть с себя следы последнего дня, чуть ли не соскрести кожу, если потребуется. Но в то же время, в целом имея такую возможность, Настя боится потерять эту броню, напрямую связанную с тем, каким она должна быть человеком, чтобы пережить еще один день. Так что она просто зачесала волосы назад мокрыми руками, что дало ее переклеенному пластырями лицу больше внимания. Ну а потом смело вышла к остальным, ждущим ее для важнейшей связи с Козыревым, дабы тот одобрил придуманный план действий.

Оскар и Томас поглощали принесенные Менардом обеды в контейнерах, которые стали жестом доброй воли после драки. Сам же провокатор беспокойства сидел чуть в стороне, полный концентрации на своих мыслях. И даже он, увидев Настю, несколько удивился, ведь та обрела второе дыхание и всем своим волевым видом вновь была примером силы, ко-

тору лучше не провоцировать.

Она осмотрела всех в полные глаза, будто бы ища повод для критики, а потом произнесла:

– Спасибо, что вы со мной. – Краткая улыбка на мгновение вернула ту самую, некогда добрую, полную наивности девушку, которая, с грустью признали Томас и Оскар, осталась в истории.

Оскар стоял слева от нее, всецело выступая большей ролью, чем подчиненный. Томас и Менард, по-мужски выпустившие пар и пришедшие к некоему перемирию, стояли по стойке смирно справа.

– Сэр, мы изучили присланные записи с Топи. И у нас есть единственное разумное решение проблемы предателя, а именно Петра.

Мрачное состояние Козырева делилось на экране с, как признал каждый, вновь непонятым лицом Любы, выражавшим нечто состоящее из хмурого смятения и невинного восхищения.

– Мотивы Юста и Бэккера нам не ясны. Влияние Опуса также остается под вопросом, ответ на который вряд ли будет получен. Мы исходим из расчета лишь на собственные силы. Также неясно, чем мы можем ответить этим двоим. У них здесь ни родственников, ни любых иных связей с людьми Монолита или кем-то на Коме. Но они не представляют той угрозы, которую несет в себе Петр. Мы можем с уверенностью судить, что его броня была модифицирована

за тот отрезок времени, когда он был с Бэккером и Юстом. Возможно, они нашли еще один Осколок, возможно, все еще ищут. Но даже одного хватило на уничтожение Стока-1. Наша последняя встреча лишней раз подтвердила его сильное эмоциональное переживание, которое естественно для него и было не раз проявлено за последние годы, особенно после трагедии год назад.

– Такие подробности мне сейчас не нужны, – Козырев произнес быстро и строго. Люба в этот момент с особым интересом разглядывала Настю.

– Это важно, – убедительно сказал Оскар.

– Сэр, нам нужно сделать все, чтобы спасти Ингрид – жену Петра. – Козырев смутился от этих слов, даже переглянулся с Любой, после чего уже собрался что-то сказать, но Настя не отпускала инициативу. – Она – наш единственный шанс выйти с Петром на диалог. Еще при нашей с ним последней встрече, когда все эти твари пробудились, Петр просил меня передать ей, чтобы она не считала его монстром. Вам отлично известно, как он любит ее.

– Это звучит не очень убедительно, – заговор Оскар в поддержку Насти, – но Петр всегда был человеком семейным, эмоциональным. Физически остановить его мы не можем. Он сильнее всех. Тратить военный ресурс нецелесообразно. Остается надежда, что Ингрид сможет достучаться до него.

– Либо отвлечь для меткого выстрела, – сказал громко Менард.

– Как ни посмотри, – Настя от слов Менарда и бровью не повела, держа взгляд на Козыреве, – остановка особой – лишь половина победы. Петр сейчас в Топи, цели его не ясны, но даже по видео со Стоком-1 мы делаем вывод о его человечности, иначе он не предоставил бы им шанс спастись. Сэр, там четко видно, как он перед ними извинялся.

– Есть еще кое-что. – Оскар преодолевал сомнения, что лишь усилило его слова. – Это будет звучать странно, но как-то все вышло... слишком вовремя. Эти монстры появились сейчас, когда большинство людей были на изоляции из-за бунта, а военное положение уже контролировало все системы. А еще... – в глазах Насти он читал приятную поддержку, – я провел с Бэккером достаточно времени и не могу слепо верить в его желание просто все уничтожить. Да и Петр не убийца. Вспомните, как он переживал из-за смерти женщин и детей и винил себя до самого конца.

– Зачем было уничтожать Сток-1?

– Чтобы мы в долгу не могли сопротивляться. Он просил эвакуировать Монолит. Теперь, если мы не победим врага и наши ресурсы иссякнут, то это будет единственным способом спасти людей. Настя и Томас четко слышали эту странную просьбу.

– Сэр, я скажу простыми словами – одно с другим не клеится. Такое же излучение, которым Петр уничтожил Сток-1 и вокзал, было применено в пустыне, после чего проснулись звери. Что если он пытался их остановить, а не пробудить?

С минуту Козырев молчал, лицо его было привычно неприступным.

– Сейчас вы дали мне повод отстранить вас всех. Искать оправдание...

– Мы не можем его победить! Сэр! Единственный способ остановить его – достучаться до его эмоций! Это факт. Силой его не взять. Победа над особями встанет в большую цену, мы все это знаем. Но что же будет потом, когда Петр вернется сюда?

– Отец, я знаю, как это звучит. Но, возможно, это буквально единственный шанс устранить опасность без жертв. Шанс ускользает с каждой минутой. Я прошу довериться нам. Это решение было принято всеми, хорошо обдуманно и взвешено.

Глядя на сына, видя его уверенность и то, как быстро он повзрослел за эти дни, отец раскрыл на своем лице что-то человеческое, почти неуловимое отрешенному глазу. Они безмолвно разговаривали, лишь глазами передавая больше, чем могут позволить слова. Этот момент оказался столь же ярким и необычным, сколь и скоротечным.

– Дальнейшие действия после ее привлечения?

Все понимали, что мнение Ингрид уже мало кого интересует, свободами стоит пренебречь.

– Отправимся в Топи, найдем предателей и устраним угрозу. Это наша ответственность. Мы должны это людям, – сказал Оскар крайне решительно, закрепив отсутствие и капли сомнения у остальной команды.

Минут двадцать назад, сразу после утверждения плана бездействия Директором Тиши, Катарина погрузилась в столь сложные и важные размышления, что стоило Роде обозначить свое презрение кратким «ничтожество», как с ее уст соскочило злое: «Заткнись, просто молчи!»

– Если вы решили так все и оставить, то тебе лучше и правда посадить меня в камеру. – Ультиматум читался слишком отчетливо, все состояние Роды вновь вернулось к упрямому и бесстрашному зверю, каким она была еще утром.

– Слушай сюда, я не собираюсь оправдывать свои решения, особенно перед тобой. Оставайся пока тут, а мне нужно кое-что сделать.

– Но этот твой Директор сказал...

– Спорить с этим человеком себе дороже. Как ты думаешь, почему именно он занимает эту должность? Потому что это нужно нам. Кроме власти, которой он обладает мало, его ничего не волнует. Такими легко манипулировать. Но сейчас у него есть мотивация показать характер – Монолит. Уж тут сама догадайся.

Только Катарина спешно закончила, параллельно забрав из закрытого на замок ящика стола какую-то прямоугольную пластину, легко уместяющуюся в ладонь, и уже собралась

выйти за дверь, кратко бросив: «Сиди тут, сейчас приду!», как Рода заговорила уверенно:

– Эй! Их можно победить. Он сам отгрыз себе лапу, чтобы выбраться. Не заметила с этим больших проблем. Думаю, раз их зубы способны шкуру пробить, то, может, и когти тоже.

– Та лапа, которую ты...

– Да, надо изъять когти и сделать, как это ни символично, первобытное орудие.

Катарина спешно покинула кабинет. И вот Рода отчетливо понимает и ощущает каждой клеткой своего тела естество происходящего – она для этого и выжила, чтобы закончить противостояние с тварью, которая убила ее команду. Полная кипящей энергии, она начинает разминать тело как способ вернуть себе лучшую форму и отразить на физическом уровне воинственный нрав. Рода отжимается от пола, немного даже ругая себя за слабость мышц, – они словно ватные, как следствие ее расслабления последние несколько часов. Все тело начинает вновь болеть, питая ее упрямость преодолением с последующим наслаждением от физического испытания. Отжимания чередуются гимнастическими разминками, зарекомендовавшими себя именно в тех тесных пещерах, где грубой силы массивного создания оказалось недостаточно, что оно наверняка усвоило, следовательно, нужно быть умней. Рода уже не просто приводит себя в форму – она готовится к войне, возможно, к битве своей жизни, проиграть которую ей непозволительно. Причем что этой ночью,

что сейчас, она не одна, и если ранее Мориц бы рядом и придавал ей сил и мотивации, то теперь рядом с ней Катарина, человек, который никогда не был ей близок, не говоря уже о том, чтобы уважаем. Как профессионал – да, Рода ценила ее образование и знание, но как человек... нет, тут она видела в ней противника, что особо символично из-за схожести их характеров. Вчерашний день кажется слишком далеким, покрытым темными пробелами и чуждыми ценностями, позволяя сейчас раскрыться чему-то новому, отрешенному от прошлой жизни. Отсюда и вытекает ключевой вывод – Рода не знает, зачем ей жить. Мотив искать убийцу Андрея? Ей хватает ума понять, что месть не принесет ей мира. Да и слишком уж напрашивается вариант случайности, где любой на месте ее отца в тот момент встретил бы свою смерть от рук неразборчивой толпы. Ну а если Катарина вдруг права и Андрей все же жив? Рода не хочет думать об это по единственной причине – страх. Но не тот, что будоражит любопытство перед неизведанным или встречей с монстром, а тот, который оголит ее до самых основ, разрушив выстроенную за годы броню. Он был бы рад ее взрослению и самостоятельности, так что если и окажется так, что смерть его лишь обман, то Рода хочет предстать перед ним уже другим человеком, позволяя ему гордиться ее взрослением вне его опеки. Но только встает новая проблема – после окончательной победы над заклятым врагом каким человеком станет Рода?

И здесь Рода окончательно принимает более высокую для

себя роль Катарина – человек этот знает ее, потому что они похожи. Одинокие, упрямые, слишком честные с миром, существующие не в том месте и не в том времени, но ничего не способные с этим поделать. Это открытие позволяет честно принять наличие опоры, способствующее приглушению одиночества. Катарина рядом, разделяет с ней слишком многое, что придает дополнительных сил и странного чувства безопасности. Как же сильно этот день изменил ее жизнь, удивляется Рода, пробуя бить кулаком по стене сквозь жуткую боль в суставах, – то ли еще будет.

Время вновь ускользнуло – стоило Роде убедиться в собственных силах и дойти до пикового состояния, как оказалось, что прошел почти час времени. Подвергнувшись худшим подозрениям, она уже собралась выйти за пределы кабинета в поисках Катарина, как внезапно столкнулась в дверях с высоким и крепким мужчиной в черной форме и с оружием. Лысая голова с массивной огненной бородой свисала на Роду с двухметровой высоты, выступая нешуточной угрозой пусть и крепкой, но все же девушке. Та смотрела в его серьезный взгляд и почему-то не ощущала и капли угрозы, а он, в свою очередь, произнес кратко своим низким голосом:

– Ты Рода? – Она сверлила его любопытством, пока позади мужчины не послышался голос Катарина, вынудивший его отойти в сторону и дать ей место.

– Идем. – Возбужденность Катарина уже возымела реакцию от Роды.

– Только не говори, что эта тварь пробралась....

– Пока это не случилось, нам надо взять все в свои руки!

Катарина уже начала пугать Роду, но не успела она и слова вставить, как они бодро ступали по коридору до лифта, а там под высочайшим напряжением добрались до кабинета Директора. У дверей их встретили еще двое охранников, ожидавших прихода Надзирателя, который явно был главным. Только двери открылись и она ворвались в кабинет Директора, как Рода уже поняла грядущее.

– Что вы себе позволяете! – заверещал испуганно Директор, резко вскочив из-за стола. Катарина была перед ним, Надзиратель рядом, а двое охранников прямо позади Директора.

– Ты доказал свою недееспособность и отстраняешься от должности! Игнорируя угрозу тюрьме, ты нарушил закон! Но с этим разберется суд. Игорь Козырев информирован и уже принял мое командование. – Катарина была строга и властна. – Увести его в камеру этого корпуса, лишить всех контактов, ждать моего указания!

– Да как ты смеешь! А ты чего стоишь? Ты же Надзиратель, почему позволяешь ей это делать? – Катарина и Надзиратель стояли непреклонно. – Вот, значит, как – решили все взять в свои руки, а меня выкинуть за неудобство? Ну смотрите, я ведь многое знаю, могу тебя, Катарина, с потрохами отдать Игорю, расскажу ему о том, что вы тут творили с ее отцом! – Он посмотрел на Роду и, пока охранники снимали

с его руки напульсник и выводили за двери, крикнул ей: – Не будет никакого суда, они просто хотят защитить Опус и Объем! Спроси их, за что погиб твой отец, и теперь это ждет и меня, ведь мы...

Дальше Рода уже не услышала, оставшись с очень неоднозначным осадком, сразу же взятым в оборот Катариной:

– Не слушай его. Это скользкий засранец, который скажет любую чушь, чтобы сохранить остатки достоинства. Ты сама видела, он готов был...

– Что такое «Объем»?!

Надзиратель подозрительно спокойно спросил у Катарини:

– Так она не знает? – Потом повернулся к Роде и вновь, чуть ли не с шуткой, сказал: – Тебя ждет сюрприз.

После этого он убедился, что двери закрыты, передал по внутренней связи новые команды, куда входит режим чрезвычайной ситуации, следовательно, все изолировать и охране быть в боевой готовности. В это время Катарина села в кресло Директора и открыла на мониторах видео с камеры наблюдения людей из Второго корпуса.

– Прямо сейчас мои люди, здесь, уровнем ниже, пытаются достать из лапы когти и применить к вооружению. Для того чтобы не промахнуться, нужен отвлекающий маневр. То, ради чего особь приблизится к ловушке. Эти люди, которых ты видишь, не жители Монолита. Было бы странно проводить эксперименты на тех, кто рано или поздно вернется в обще-

ство. Нам нужны те, кого не волнует физическое тело. Они, те, кого мы держим во Втором корпусе, прилетели с Опуса. Особо опасные, жесткие осужденные. – Рода вглядывалась в экраны и видела очень худых, немощных, почти при смерти, людей. – Ты кое-чего... не помнишь про Опус. Эти люди готовы будут пожертвовать собой ради того, чтобы вернуться домой. Дом в их случае уже не Опус в привычном понимании – Объем. Виртуальная среда жизнедеятельности. Объему не нужна ни рука, ни нога, ни легкие или даже сердце, лишь мозг, подключить который к Объему не составит труда. Реальный мир стал им мукой – то и наказание за виртуальное преступление. Их ссылают, судя для общего блага. Перевоспитание реальностью.

Их вооружили, снарядили экзоскелетами и шлемами для усиления физических способностей, выдали медпакеты, пак и, самое главное, обозначили точку на карте, где они найдут Ингрид. Сейчас она занималась медицинской помощью пострадавшим почти в очаге битвы – между западным блоком и фермой, где на площади в два километра расположились Безликие в первых рядах и следующие за ними солдаты в военных экзоскостюмах. Исполняя задачу отеснить противника глубже в лес, где тот сам начал обосновывать берлогу с явно долгосрочными планами, солдатам приходилось оказывать медицинскую помощь прямо на месте. Ей было приказано ждать прилета Техгруппы, которая, впервые увидев своими глазами Монолит с высоты птичьего полета, познала нечто большее, чем они могли понять. Закрывшие все небо темные тучи позволяли разглядеть слишком отчетливо: все здания были изрезаны когтями, желавшими найти вход вовнутрь, окна и двери отличались особенным уродством, внизу было много следов крови погибших, больше всего которых было в области больницы, откуда пытались бежать люди... Жуткое зловонье пробивало насквозь, раскрытый вид всего города шокировал чуждостью – это уже было другое место. Никто не хотел это обсуждать, все было яснее некуда.

С одной стороны вертолета сидели Оскар и Настя, с другой же, также свисая ногами вниз, были Менард и Томас.

– Эй, – обратился Менард к Томасу, глядя прямо в глаза, – мне нужен честный ответ – ты будешь помогать жене брата и его ребенку после того, как все это закончится?

– Им будет лучше без меня, – строго ответил Томас.

– Ты про живых или мертвых? – Вопрос удивил, привлекая все внимание к Менарду. – Есть лишь мы и они, люди и монстры. Выбрать можно только одну сторону. Если тебе плевать на родственников, твою кровь, то для меня ты будешь монстром, потому что...

– Не строй из себя героя.

– Даже и не думаю. Я самый обычный человек. Оттого и хочу знать, рядом со мной человек или монстр? – Почему-то Томас потерял дар речи от этого вопроса. – Видно, все же человек, раз сомневаешься. Смотри, видишь этих мразей – они не сомневаются. Когда закончим, я тебя с родней познакомлю, считай это будущим доказательством твоей человечности, которую надо заслужить. – Менард встретил от Томаса одобрительный взгляд. – Не забывай там, рожу тебе смогу еще начистить, если слово не сдержишь.

– Я не давал слова.

– Я даю, – нагло сказал Менард, ударив кулаком в плечо Томаса по-дружески. После чего умолк, лишь вглядываясь в строения Монолита, начиная злиться на собственную слабость перед простым звонком любимой жене. Больше всего

ему хочется сейчас быть с семьей, что непозволительно мужу, пока не будет устранена угроза жизни его семье. Такого он себе не разрешит, так же как и его отец не разрешал видеть смысл иной, нежели существования в своей роли опоры и защиты кровных детей и любимой жены. Но все же Менард думает о них чаще, чем должно, не только из-за угрозы монстров, но и по причине гибели всей его команды – ему все еще стыдно быть живым, таким живым позором, так что надо доказать это право. Да и ему будет проще оставаться «голодным», стремясь заслужить право вернуться к жене и детям путем победы над врагом вопреки всей гамме трудностей и воле противников.

Томас же в это время боялся принимать какие-либо решения о будущем по одной, ключевой, ведущей его сквозь этот день причине – Осколок. Если эта штука будет использована Бэккером вновь, размышлял он снова и снова, то все это изменится, причем не факт, что они будут помнить стертые дни. Возможно, если уйти в дебри размышлений, то будет лучше всем и каждому, ибо горя слишком много. Отсюда и возможно, что Настя и Оскар согласятся свершить этот акт перезаписи дней. Вновь – возможно, они ради этого и хотят на самом деле добраться до Бэккера. Томас думает об этом слишком часто, и ведь мог бы просто поговорить с ним, но куда разумней просто быть рядом, подыгрывать и исполнять простую роль, дабы, когда они доберутся до Оскола, он своевольно сделает так, чтобы никто не мог использовать

истинную силу этого артефакта. Незаметно доверие к Насте и Оскару потеряно. Принять это ему проще всего, потому что, как показала практика, ни в чем нельзя быть уверенным. Все изменилось слишком быстро и сильно, координата сбита, ошибиться стало слишком просто. Так что он стремится лишь к одному – отнять у человечества силу Осколка, дабы пресечь еще большую катастрофу. Он готов взять это бремя на себя. Довериться в этом деле лучше только самому себе, ибо терять больше нечего. Прошрое менять он не собирается из-за отсутствия законного права, которого нет ни у кого в этом мире.

Настя и Оскар почти весь путь сидели молча вместе, держась руками друг за друга, поддаваясь чему-то простому и наивному, давая отпор нахлынувшему первобытному страху от колоссального вида захватнических действий в городе.

– Мой отец еще утром хотел видеть меня рядом, – Оскар говорил с трудом, впечатления от увиденного были сильны, – чтобы учился и перенимал опыт. Сейчас он легко одобрил наш полет за Ингрид, а потом в сами Топи. Теперь я его понимаю. Отец не хочет, чтобы его сын был частью этого безумия.

Настя ничего не ответила, лишь еще больше обняла его руку и прижалась к плечу. Они видели своими глазами, как тщетны попытки противостоять угрозе в прямом столкновении. Пусть со стороны они кажутся отдавшимися легкой романтике – на самом деле друг в друге черпали силы при-

нять творящееся бедствие, держась руками скорее из страха встречи с ужасом один на один. А ведь именно это их и ждет.

Поле боя напоминало мясорубку. Скрывалось неровными, порой пульсирующими густыми дымовыми облаками зеленого и красного оттенка, внутри которых взрывались яркие вспышки, снова и снова, преимущественно в стороне фермы, там же и были видны вспышки от многочисленных выстрелов. К счастью, подавление слуха и зрения ярчайшими сигналами с голов Безликих и большой ассортимент едких газовых гранат делали этих роботов незаменимыми, все-речь дезориентируя любого приближающегося противника. Тактика была проста: Безликие служат обороной, солдаты в защитных шлемах с фильтрами от дыма и внутренней, изолирующей слух связью постепенно «прессуют» врага. Но враг этот достаточно нагл и зол для сдачи позиции, что порой помогает преодолеть Безликих и в свирепом состоянии убивать раздражителей. Оказавшись в эпицентре, наглец все же получает отпор уже вполне преследуемой тактикой отвлечения, раздражения и поэтапного лишения подвижности посредством прострела или взрыва конечностей, моментально заставляя раненого сбежать с поля боя. Пока еще ни одного не получилось убить. Слишком свирепый нрав, слишком прочная шкура, слишком мало людей. Ингрид была со стороны блока, заботясь о раненых, сменяемых во время перевооружения и ради медпомощи. Там же были поставлены металлические контейнеры, крепкие и большие, обычно при-

меняемые для хранения ископаемых ресурсов, а ныне служащие медицинскими центрами, способными в любой момент спрятать людей от врага. По небу кружили три вертолета: один был над фермой – собирал сведения, но по неясной причине атаку не производил; другие два помогали огнем и также контролировали стратегию. Все происходило быстро и жестко, территория в два километра вдаль и вширь была перемолота с отсутствующими цельными кусками почвы. Раньше тут были парк и детские площадки, в праздники проводили фестивали и мероприятия, скрепляя общество едиными моментами, теперь – война, крики, вонь и немислимый ураган бойни на удержание.

Вертолет быстро приземлился, Техгруппа высадилась, и транспорт отлетел в сторону, за Западный блок, где безопаснее, дабы сохранить функциональность. Несмотря на бурлящую борьбу жизни и смерти на линии снабжения, невозможно было не взглянуть в сторону битвы. Вспышки вычерчивали в дыму страшные тени сражения, а вопли людей и рев хищников заражали разум первобытным кошмаром. Все виденное и слышанное смешивалось в однородный пульсирующий водоворот истинного, разрушающего психику безумия. Рассудительность мысли практически невозможна под давлением этого чудовищного буйства.

Среди десятков докторов, раненых и военной поддержки Настя смогла найти Ингрид лишь благодаря предоставленной точке на карте от ее напульсника. Оскар, Томас и Менард

были рядом, следили, чтобы никто не мешал Насте, ведь вокруг творился хаос не меньший, чем на поле боя. Ингрид в это время зашивала ранение живота у одного из солдат на передвижной каталке. Невысокая, худая, но довольно крепкая девушка с белыми короткими волосами и лицом более взрослым, чем кажется на первый взгляд. Она была из тех, кто телом напоминал подростка, а лицом взрослую, мудрую женщину. Ничем не примечательная внешность – на Монолите таких много, из-за чего она не раз удивлялась раньше Петинуому выбору.

Только Ингрид заметила Настю, как оглядела остальных и хотела уже позвать кого-то, но не успела.

– Ты нужна нам прямо сейчас. Нужно лететь в Топи, немедленно! – Разрываясь между удивлением от услышанного и срочной нуждой закончить операцию, Ингрид не нашла слов. Всем приходилось кричать, живой шум войны заражал пространство гулом, а тухлый воздух лишь усиливал эффект присутствия самой смерти.

– Ингрид! Соберись, мы прилетели за тобой, Козырев должен был сообщить!

– Я никуда не пойду! Я нужна здесь!

– Ты нужна, чтобы остановить Петра, твоего мужа! Это приказ Козырева! – Настя теряла терпение, лицо Ингрид же выразило презрение.

– Я не хочу иметь с Петей ничего общего! Отстань от меня.

– Мы должны остановить его, и ты – наш шанс сделать это без кровопролития!

– Не смей меня втягивать. Уходи. – Ингрид была холодна и непреклонна, справляясь с напряжением из последних сил. – Людей не хватает, лучше бы помогла нам здесь! А вы трое лучше бы встали в один ряд с солдатами, которые отдают жизни ради нас всех! Я не собираюсь работать с Техгруппой, ты должна это понимать!

И без того уставшая за последние сутки от бесконечных проблем и трудностей Настя сорвалась:

– Менард, Томас, забирайте ее!

Все были под невыносимым напряжением, время уходило, каждая минута стоила жизни, так что Техгруппа более не видела ни одной причины сдерживать свои методы работы. Менард и Томас буквально арестовали Ингрид, заложив ей руки за спину, и под ее же крики повели к вертолету, прервав спасительную медицинскую операцию. Окружение отреагировало сразу же, но Оскар кричал во все горло всему недовольному медицинскому персоналу и раненым солдатам о прямом приказе Козырева и запрете какого-либо вмешательства в их работу. Пришлось даже оружие применить, кое-кого ударить прикладом, кое-кого столкнуть с угрозой смерти от выстрела в голову. Адреналин смешивался со страхом в едкую смесь необдуманных решений, что почти вылилось в новую бойню среди людей, похожую по составу на то, что вчера с трудом пережили Настя и Оскар. Они

отлично ощутили знакомую остроту инстинкта самосохранения, когда их крики о причинах задержания уже не доходили до людей, готовящихся забрать силой ценнейший персонал. Оскар держал Ингрид, Томас и Менард шли по сторонам, спинами к центру, где Настя вела всех вперед. Они были окружены людьми, должныими воевать с природным врагом, – не с ними, окончательно поднимая ставки этой вылазки. Ингрид перестала кричать, лишь проговаривая Насте бессмысленность ее ареста и ценность помощи их общим согражданам, всерьез желая достучаться до разума главы Техгруппы. Но та уже не слушала ее. Все эти разговоры, да еще в таком стрессовом конфликте, порядком стали утомлять своей бесконечностью мотивов и оправданий. Настя вообще с трудом держала себя в руках от злобы на глупость этих людей, совершенно не понимающих общей картины, где, мешая им, они лишь усугубляют свое будущее. Она держала пистолет на вытянутой руке обеими руками, вглядываясь в разные, расступающиеся перед ними лица. Да, теперь она не даст себя в обиду, как было в Южном блоке вчера, когда бунтующие почти убили ее и Оскара.

Менард и Оскар повторяли о нежелании конфликта – их интересует лишь эвакуация Ингрид, никому не нужно проливать кровь, у них есть задание, которое надо выполнить, нельзя уподобляться панике, никто не хочет кровопролития! На что, разумеется, были крики недовольства, неверия и даже обвинения Техгруппы в нынешнем кошмаре, где они

вновь выступают врагами жителей Монолита. Казалось, что все они в окружении монстров точно так же, как и солдаты на передовой. Прибавить к этому непрекращающиеся боевые действия, чей отглас так и пульсирует вокруг, – и все они вот-вот будут поглощены настоящей кровавой резней, бессмысленной и беспощадной.

В этот момент неясно нахождение командиров, которые могли бы достучаться до взбешенной толпы, вместе с этим аргументы в защиту ареста Ингрид заканчивались, крики превращалась в месиво звуков.

– Если ты не согласишься идти с нами, то наши с тобой трупы точно не помогут победе, дура тупая! – Менард давил на Ингрид всем нравом. Он не мог позволить себе упустить контроль, особенно видя странное поведение Насти и Оскара, которые будто бы сами провоцируют толпу непреклонной дерзостью.

– Ингрид, кому будет польза от этого? Одумайся, хватит перечить, мы бы не пришли за тобой просто так! Все погибли, слышишь, вся моя команда, вся Техгруппа! Мы последние, и лишь мы можем остановить Петра, который и начал все это! Ты нужна нам! – Менард рычал, не боясь быть услышанным толпой. И наконец-то его слова возымели отклик. Они остановились, Оскар, слыша эти слова, увидел отчаянное лицо Ингрид и отпустил ее, расцепив наручники. Она, в свою очередь, стояла с ними и разглядывала каждого, особенно удивившись неестественному для Насти злоб-

ному взгляду, что стало нелишним подтверждением серьезности их намерений. Ингрид с трудом подбирала слова, пока остальные опустили оружие, показывая намерение к переговорам.

– Пожалуйста, хватит. Мы должны быть вместе. Вместе против врага, который там – не здесь. Вы меня знаете... На мне есть вина, и целый год я жила с ней... Жила заслуженно. Вы простили меня, дали шанс возместить ущерб... пусть это и невозможно. Теперь я могу сделать больше, чем раньше. Дайте нам уйти, потому что мы знаем, как остановить этих существ, напавших на нас из-под земли. – Ингрид встрети-лась взглядом с Настей, чье сочувствие пробивалось сквозь слабеющую агрессию. – Мой муж виноват в этом, – продолжила Ингрид в слезах, обращаясь к меняющей настрой толпе. – И я обещаю вам, что мы исправим... Я обещаю, что сделаю все, чтобы наказать виновных! Да. Вы заслуживаете большего. Как бы нам ни было трудно сейчас, если мы проиграем, если уподобимся нашему врагу, то тем людям, кто будет после нас, станет еще трудней! Я могу сколько угодно спасти людей, но что толку, если смерть никуда не денет-ся. Мы тут боремся с симптомами – эти люди, Техгруппа, дают мне шанс излечить саму болезнь! Навсегда! И я гото-ва на любую жертву, потому что мы сражаемся не ради се-бя! Мы сражаемся ради тех, кто будет после нас! И сейчас я и эти люди идем на жертву, чтобы настоящий монстр, кото-рый прячется под человеческой личиной, больше никогда не

вредил нам, людям! И я обещаю вновь, что сделаю все, чтобы мужчина, которого я когда-то любила, который был моим мужем, отцом моего ребенка, – чтобы этот монстр перестал быть угрозой нашему будущему!

С самого детства Юсту было тесно. Монолит давил своими стенами, сдерживая не только волю человека к новому, но и собственное развитие, став заложником чрезмерной практичности. Взять даже последние возмущения по поводу увеличения числа экзоскелетов на интуитивном управлении, следующий этап чего позволяет и вовсе управлять сформированным механизмом со стороны, многократно уменьшая человеческое присутствие в процессе. Вроде и хорошо – меньше несчастных случаев, больше продуктивность, освободившиеся люди смогут открыть себе что-то новое... Так думал Юст и единицы – большинство видело лишь принижение человека в угоду машин. Все это злило его до невозможности, это ограниченная пародия на мышление с пренебрежением собственного потенциала. Как же он восхищался Техгруппой, их влиянием на Монолит, все же решившим открыть новые университеты для просветительской деятельности в ранее чуждых областях науки. Это и стало точкой пересечения молодого энтузиаста Юста и Андрея Дикисяна. А когда Дикисян аккуратно завербовал Юста на работу, дабы тот был невидимыми ушами и глазами внутри примитивной сети Монолита, то в глаза хакера наконец-то отразился горизонт грядущих перемен. Много было ошибок – тут спору

нет, но прогресс чистым не бывает.

Юст и подумать не мог, куда заведет его это тяга к большему. Прямо в Топи, на территорию беспощадной природы дикого нрава, куда Техгруппа отправляла людей по приказу Опуса для разведки и сбора данных. Но Юст знает, что на самом деле туда отправили еще и роботов, тайно, пряча эту инициативу даже от Козырева. Андрей не мог не знать, как и не мог не знать об опытах на людях в Тиши. Юст был рад хотя бы этому, ведь планета не особо добра к чужакам. И как же его раздражало и продолжает раздражать факт не сокрытия тайны от Монолита, а факт ненависти жителей даже к простым роботам. Он хотел увидеть хотя бы одного своими глазами, покопаться в чипе, изучить систему ориентирования и механизм функционирования. Но все было без лишних движений: звездолет привез людей на Тишь, потом закинул роботов в Топи. Никто не мог видеть этого со стороны по причине отличной маскировки самих звездолетов, к тому же все было ночью, да и далеко от Монолита. Казалось, упрямая глупость Монолита приемлема на фоне важных проектов, да и мешать меньше будут, но вместе со страхами Козырева развивался беспорядок Опуса. Проекты сменялись быстрее, чем появления существенного прогресса. Спешка приносила мало плодов.

Только вот если на Опусе процессы суровой эволюционной революции были столь значимые, сколь непостижимые для жителей Монолита даже при донесении сводки, то про-

цессы жизнедеятельности города пожирали сами себя. Карточный домик, тесный, тушащий любое развитие, приносящий бедное богатство ума. Отчасти Юст рад тому ужасу, который вчера сотворил Клот, не только из-за впрыска адреналина в народ, возможно, возжелавший жить, не существовать, – а еще и потому, что те погибшие дети не познают гонимую, пресную и бессмысленную жизнь Монолита. Почти все содержимое можно автоматизировать, тут он не сомневается, уверен достаточно для ставки своей жизни на кон в аргумент правоты. Все эти выводы неправильные, он знает, ругает себя за них – но в разрезе истории оценка обретает иной характер.

Бэккер дал тому шанс проявить себя в долгосрочной перспективе больше, чем Техгруппа. Он наконец-то реализует потенциал, который дала природа, но который был не нужен. Любопытство и страсть к раскрытию, обузданию и направлению безграничного потенциала чуть ли не впервые ощущаются им нечужеродными. Идя через Топи, ему даже хочется снять скафандр и лично прикоснуться к запретному, притягательному своей чуждостью. Ему плевать на жителей Монолита, пусть смерти он и не рад, но смерть была и будет, а вот жизнь ценна в процессе, неуважение к которому противоречит самой природе. Так что ни один момент с момента знакомства с Бэккером не проходит зря, тут Юст позволяет себе жить как следует. Ну а сам план Бэккера интригует не меньше, чем причина этих по-настоящему чудовищных, но

оттого и уникальных решений.

Юст ждет уже не дождется, когда заберут второй Осколок, подготовят Петю с его офигенным костюмом, аналог которого Юст мечтает себе заполучить, доведут замысел до логичного свершения, а там уже он спокойно, заслуженно и гордо улетит на Опус. Величественный мир технократов, достойный восхищения в глазах жаждущего знаний и развития потенциала творца. И он, Юст, после окончания этого похода добудет не просто билет в лучший мир, но и создаст свое наследие, принеся Опусу великие перемены за счет грядущих трофеев.

Монолит и эта Кома... планета – еще ладно, самая большая в ИМБе, тут еще копать и копать, жизни не факт что хватит, но копать-то надо не руками или лопатой – чем-то основательным. Вот Опус и даст ему необходимое за заслуги перед человечеством. Хотя, честно признается он себе, должность студента будет не менее приятна за счет нового старта на жизненном пути в окружении лучших людей. Вновь он повторяет себе, как здесь ему тесно, прогресс тормозится, там и интеллект иссыхается за ненужностью. Страшнее наказания он и не ведает – отупеть под натиском стандартов. Отсюда и всецелая преданность Бэккеру, его незаменимым знаниям для уникальной задачи, которая ранее никому не поддалась. Жаль, разделить этот азарт, трепет перед необъятным ему не с кем. Бэккера тревожить не хочется, голова у того тяжела от мыслей, тут все понятно. Петя же... м-да,

Юст вроде бы и сочувствует этому парнише, чьи руки буквально начали войну с защитниками Топи, спящими все эти столетия за ненадобностью.

Хотя участь Пети не сильно отличается от этой Техгруппы, что уже двенадцать лет на Монолите разбивает колени на пути к никому здесь не нужным достижениям. Остаться в живых в их случае – уже достижение. Маленькое утешение для Юста за роль изгоя в этой... тусовке. Почти вся их работа умещается в две графы: гибель персонала и жертвы среди гражданских. Не удивительно, что Опусу стало уже почти плевать на Кому. Про Осколок ему думать не стоит, Бэккер имеет к этой штуке особые чувства, так что свою значимость надо доказать делом, чем они и заняты: идут вглубь Топи, эти джунгли с кучей смертоносной мелкой живности – что-то ползает по земле и траве, что-то летает в воздухе, надоедая наглостью, нечто совсем странное сидит на деревьях. Спасибо за скафандры, думает Юст, совершенно не боясь смерти, веруя в исполнение их плана не меньше, чем Бэккер. Все-таки они зашли слишком далеко, чтобы идти назад. Петр идет первым, протаптывает путь непризнанным целителям человечества. Юст иногда поглядывает на показатель кислородного баллона этого здоровяка, без шуток переживая, что тот может не заметить отсутствие подачи и начнет задыхаться, что приведет к излишним волнениям. Бэккер идет позади, словно их тень. Жаль, что тут не берет спутник... хотя Юст даже рад этому отчасти – так их не найдут, а

это важно. Маршрут построен Бэккером, остается лишь идти, следуя гениальному плану.

Еще никогда в жизни он не приходил к такому особенно-му, уникальному в своем существовании моменту, многими именуемому как «точка невозврата». Разумеется, подобный ярлык цепляется ко многим решениям и случайностям, как, например, одобрение прилета Бэккера, – запрети он его посещение Монолита, и все было бы иначе... возможно. Позволять себе такие рассуждения слишком безответственно по отношению к настоящему и способствует потере концентрации, пусть и необходимо как точка ориентира. Истинное же для него познание безвозвратности характеризуется за счет полного отсеечения всех иных вариантов, способных хоть как-то изменить вектор развития начавшегося инцидента.

Если и повезет с поддержкой Опуса, то время не позволит им продержаться те три месяца, что разделяют две планеты друг от друга. К тому же он все еще не верит в их чистоту перед этим кризисом. Но вопрос этот не имеет ни опровержения, ни подтверждения – пусть висит в воздухе. А обыски квартир Бэккера и остальных предателей не дали никаких улик в понимании мотивов и целей. Тут же напрашивается интересный вариант – изучить те странные, именуемые Настей и Оскаром «комнаты», слишком близко расположен-

ные к месту пробуждения особей, чтобы считаться непричастными. Но путь к ним и обратно равносителен гибели столь же наверняка, сколь и отсутствие стратегической и информационной важности за счет отсутствия там, как показали спутники, особей. Их смекалка, ум и коммуникация друг с другом доказывают наличие простого, подходящего под их нужды мышления. Вряд ли такие создания оставили бы без присмотра нечто, созданное не природой, но очень важное для их существа, обладай оно опасностью для них самих. Защищать стоит лишь самое ценное, чего тут не наблюдается. Или же это приказ строителей тех комнат, как умелая манипуляция ожиданиями и теми выводами, к которым Козырев и пришел, решив оставить комнаты без внимания. Особенно эта версия подкрепляется удивительным наплевательством особей на взлетную площадку, где помимо главного звездолета и транспорта Бэккера находятся три больших грузовых перевозчика. Здесь и выступает очередная странность – предатели требовали эвакуации Монолита, что было бы невозможно в любые другие два дня месяца. Именно в эти выходные, когда прибыл Бэккер и через сутки началась война, грузовой транспорт, должный отвезти ископаемые ресурсы на Опус, проходил плановый технический осмотр.

Очередные совпадения, которые не могут не раздражать из-за отсутствия маневра без утраты результативности. А значит, никакой воли Козырева не хватит переломить ход событий. Вновь он наталкивается на наличие конкретной лич-

ности и с конкретным планом. Страшнейшая безысходность провоцирует его мыслить нестандартно, искать варианты выбраться победителем вопреки всему, что требует принять правила ведения игры, ключевое из которых – жертвы. Их уже слишком много, уже пятая часть населения Монолита погибла – и это лишь по скромным подсчетам, куда входит катастрофа в больнице вчера, еще большая сегодня и поле боя у ферм. Готов ли он биться до конца? Упрямство сразу же дает положительный ответ, даже надсмехается над сомнениями в этом вопросе. Но готов ли он править мертвым городом? Даже иначе: хочет ли он этого? Победить! А ради чего, если праздновать победу будет некому...

Сейчас армия кое-как справляется со сдерживанием основного очага особей, решивших создать в ферме и лесах свою базу, пользуясь благами искусственной природы, возведенной в пустыне. Два вертолета умело помогают в дезориентации, кружа достаточно высоко, чтобы без опаски применять звуковую систему с определенными, чудом найденными для подавления воли противника волнами. Заодно разведке помогают, но в бой не вступают: слишком ценная техника. И тут, пока у них получается держать натиск и даже отнимать метры территории, уже вот-вот, зайдя в сами фермы, и состоит переломный момент. Если сейчас враг начнет усиленное наступление, то остается лишь вариант эвакуации. Потому что в ближайший час должна быть готова к применению крайне экспериментальная энергетическая ракета даль-

него действия, построенная на основе технологии, которой на Монолите нет. Андрей Дикисян приложил свою руку к этому проекту, обязанному стать настоящей системой космической обороны Комы. Проект «Стрела», стены вокруг и Безликая армия создавались не для этой войны. Сейчас он видит тщетность этих усилий. Вновь случайность... или же план? Ведь совершенно внезапно Козыреву доложили из Тиши о возможном биологическом оружии, которое взявшая контроль над тюрьмой Катарина сможет теоретически создать, если получится поймать раненую особь, вскрыть и найти слабое место. План у Козырева слишком простой, оттого и подозрительный: ракета прилетает на ферму, уничтожая подавляющее количество противников, а там применяется первое химическое оружие в истории Монолита и добьет оставшихся. Создать его не должно составить проблем – тут он мало сомневается, ведь к Тиши Опус относился с особым вниманием, снабжая всем необходимым для генетических экспериментов, о которых, как они думали, он не знал. Вновь сомнения в свободе воли, будто бы все и правда спланировано. Так вот, может ли он придумать что-то еще, а не просто складывать внезапно подоспевшие к нужному времени инструменты? Ибо если даже и отсесть события нынешние, то, раз есть кукловод, следует предполагать распространение его воли и власти вне этой войны. Все копаясь в дебрях причин и следствий, мотивов, идеологий и принадлежностей всех фигур на доске к событиям последних дней, Ко-

зырев, благодаря всей воле характера и силе упрямства, смог разглядеть ту, кто слишком выделяется и в то же время прячется в тени.

Она здесь чужая – Любовь, женщина с уникальным влиянием благодаря недоказуемым, но и не опровергаемым кем-либо или чем-либо знаниям, уступающим лишь ее властному, лишенному ограничений мировоззрению и воле характера. Ее уникальные для этого места красота, грация и харизма завораживают не меньше, чем пугают необъятной волей и бескомпромиссностью. При этом чем больше с ней находишься, тем больше понимаешь – она неплохой человек. Таинственный, ненормальный в какой-то степени, но лишенный дурных настроений. Как минимум прецедентов пока не было. Лишь ее умение влиять на людей одним взглядом, что послужило Козыреву для усмирения бунта во время ее самоназначения в лидеры противоборствующей власти людей. Вчера, как и остальные события в череде совпадений, ее внезапное появление в Монолите разделило город на до и после. Казалось, ее воля пропитает все и вся новым взглядом, но случилось восстание особей, что заставило показаться Козыреву обычным, способным бояться, человеком. Андрей Дикиян способствовал ее принятию в личный круг Козырева, что стало еще одним гарантом небезосновательности ее присутствия. Осталось только понять, может ли быть так, что этот человек и есть тот кукловод? Но данная теория уж слишком проста, как минимум из-за ее какого-либо потока-

ния глупости или препятствия мудрости в период кризиса. Скорее кажется, что она больше отвлекающий фактор, должный внести новый пучок сомнений в его правление, пока истинный враг пускает корни своего влияния.

– Ты ничего не знаешь ни о «комнатах», ни о Топи, ни об особях. Тебя не интересует этот пробел в знаниях?

Люба пропустила это мимо ушей. Ее внезапно змеиный взгляд рассматривал Козырева с какой-то пугающей стороны любопытства.

– Меня интересует отцовское отношение к сыну, чью жизнь тот может спасти безотлагательным отлетом с планеты, но позволил шагнуть на передовую войны с последующим направлением в самое опасное место на Коме.

Слова эти явно были проверкой, Козырев даже оскорбился такой прямоотой.

– У тебя нет детей. Не смей меня судить. Мой сын – моя кровь, мое наследие. Он не слабый, он – моя порода. И моя упрямость пробудила в нем потомственную силу. Мой сын возмужал и стал ближе ко мне, чем когда-либо. Сейчас я горжусь им, как никогда. Я готов умереть, зная, что мой сын не струсил, а погиб за правое дело, как герой, преданный людям и нашим общим идеалам. Если он выживет – то я спокоен за Монолит и будущее человечества. Слабого я бы не уважал.

– Это красиво. Отец доверит сыну силу, неподвластную себе, веря в продолжение его воли.

– Не вера – знание. Оскар найдет правильное применение

силы Осколка. Этот камень привел тебя сюда – в наше время. Жаль, от этого нет пользы. Я знаю, что мой сын, когда сможет переместиться в другое время, – сделает все правильно.

– Создается у меня впечатление о твоём нежелании в моём обретении Осколка.

– Не смей ставить себя выше моего сына. Эта сила в его руках будет полезней для нас, чем в твоих. Не согласна? У нас война! А ты ничем не можешь помочь.

– И это не моя вина! – Люба ощутила личную скорбь, интуитивно утрируя эмоцию во внешнем проявлении. – Все это чуждо мне, и такова не моя воля! Если бы я могла, помогла бы всем возможным, но даже этот город и эта Аврора мне неизвестны.

Козырев приблизился, выискивая в ее ярких глазах уже не просто правду – солидарность с его решениями. Его же взгляд был тяжелым, уставшим и граничащим с мрачной злобой, что для нее, как ему казалось, вполне приемлемо и располагает к откровенности.

– Послушай, Игорь, я более чем поддерживаю твою позицию и разделяю любовь, которая мне, к сожалению, была неизвестна. Мой отец... был сложным до момента сравнения с матерью. Не считай меня врагом, тебе и остальным это не поможет.

– Я не считаю.

– Тогда откуда это все?

Он не ответил. Глубина мысли была недостижима для Лю-

бы, что таило в себе самое неожиданное отношение его к ней и к тому, какие у него на нее планы. Кое-что он придумал, нечто нелогичное для отца, особенно в адрес его сына. Это нельзя произносить! Но не только потому, как мало он верит в шанс исполнения задуманного в условиях неподвластных причин и следствий, но и по мотиву более серьезному – она не должна знать. Данное решение сработает либо при естественном зарождении в ней, либо в самый личный момент времени, когда не будет поля для маневра, отчего это самое решение не будет затуманено сомнениями.

– Я бы хотела помочь с вывозом людей на Опус. – Козырев тяжело переносил этот вариант из-за конфликта интересов с целью его сына и, разумеется, как удар по его правлению. – Игорь, – Люба проявляла слишком внушительный напор, – как минимум я смогу быть гарантом. Велик шанс возыметь аудиенцию Опуса со стороны больше, нежели простой колонии. Мы оба это знаем.

На самом деле он уже распорядился оставить часть людей у взлетной площадки, которую, как это ни странно, монстры игнорируют. Говорить про это он ей пока не собирается. Все же бездействие – тоже действие, которое, возможно, поможет ему переиграть врага. Но тут случилось неожиданное, похожее скорее на ответную реакцию его немой стратегии. Доклад о наступлении особей из лесов сопровождался четким комментарием о развившемся иммунитете к звуковым сигналам и световым раздражителям. Времени не хва-

тило. Больше вариантов не было. Надо эвакуировать людей... оставшихся людей. Меньшинство будет спасено жертвой большинства. Остатки послужат памятью прошлого и зачатком нового.

Вертолеты поддержки были сбиты – особи научились прыгать выше. Не прошло и минуты, как еще одно подтверждение этому поступило с транспорта Техгруппы, пролетавшей в этот момент над больницей, внутри которой тихо и мирно прятались особи. Устроив бойню, они выжидали, но неизвестно, по воле приказа или некоего инстинкта. Вертолет с его сыном потерял связь и упал недалеко от больницы. Связи нет, статус Техгруппы неизвестен.

ПИСЬМО 3

Это письмо не для тебя. Но ты будешь свидетелем. Символично. Если тебе известно Наставление – поздравляю, мое слово свидетеля станет твоим. Буквально. Мне нужно обратиться с мыслями. Нельзя было это видеть. Теперь все изменилось. А может быть, в этом суть? Испытание. Нет. Хватит придумывать. Простое желание позавтракать найденной едой в лучах восхода. Вот и все. Подгадать было невозможно. Не судьба. Не судьба. Не судьба. Случайность. Должна быть случайность. Ненавижу судьбу. Нити поводиря. Почему это возвышение? Потому что было рядом. Уклон доступный. Почему сейчас? Потому что голод пересекся с восходом. Захотелось человеческого. Это нормально. Но почему сейчас? Сначала Бэккер, теперь ЭТО. Если бы не Бэккер, то смерть. Его присутствие отсрочило ее. Желание обрести привело сюда. Голод был и раньше. Холод был и раньше. Лишь моя воля дала этому действию выход. Моя ли это воля? Подкралось незаметно. Или же судьба? Ненавижу! Хватит! Пожалуйста! Прости, читатель. Тебе не понять. Ты свободен. А я – не знаю. Ты решишь, свобода или нет. Сначала прочти. Начну. Путь до Тиши был простым. Помогал думать. Взвешивать сложные причины и простые следствия. Ночь медленно засыпала. Была еда. Хотелось позавтракать, как рань-

ше, под лучами. Когда получилось занять высоту, сначала была радость. Отличный вид на окрестности. Ничего особенного. Пустыня, камни, высоты. Все равномерно, изредка перемешано. Солнце ждало меня. Но не получило внимание. Вдалеке, где камень стал одеялом почвы, стоял робот. Большой, массивный, крепкий. Урод. Лицо спрятано. Казался статуей из железа. Ошибка. Он живой. Подвижный, пусть и медленный. Но он был не один. Вокруг были монстры. Десятки больших животных. Хищники с шерстью и когтями. Глаза таких не видели, но ум подобных знал. Есть название – Медведи. Не спрашивай, откуда оно, – не скажу. Забудь источник, просто прими. Сейчас важно другое. Эти Медведи пресмыкались перед роботом. Мотивы его не ясны. Лишь власть и покой. Он стоял в центре. Они были перед ним. Сидели, ждали команды. Где-то пятьдесят. Ровным квадратом. Идеальное построение. Ничего не происходило. Он смотрел на них, они ждали. Было далеко. Они меня не видели. Наверное. Что если видели? В любом случае надо спешить. Все это можно было бы списать на время и место. Природа странная. Мир непредсказуем. Либо конец истории лабиринта, либо его начало. Но, скорей всего, одно и другое. Позади робота была большая комната. Внутри стены из металла. Четыре столба между потолком и полом. Равномерные. Он развернулся, Медведи стерегут. Десяток образовал круг, защищая хозяина со всех сторон. Он что-то делал со столбами. Внутри них что-то было. Мне не видно. Не хочу знать. От стен за-

бирал пластины, применял для себя и форм. Менял свои детали. Казалось, ремонт. Любопытство стало сменяться страхом. Предполагалась смена ролей. Бэккер не уничтожил город, создав лабиринт. Это сделал робот. Ошибка возможна. Но и это может быть ошибка. Можно не придавать этому значения вовсе. Так и делалось. Этакий фрагмент чуждого сценария. Искать завязку нецелесообразно. Вычленив пользу опасно. Был сделан шаг обратно на маршрут. Нечего лезть в чужую историю. Ненавижу судьбу. Против игр, случайностей. Все у меня в голове. Не верить. Пусть все идет своим чередом. Меня тут нет. Хватит. Ты бы знал, как это надоедо. Целая жизнь причин и следствий. У обычных людей сначала действие, потом следствие. Мечтаю о таком. Слишком часто было наоборот. И вот пора отказаться от природы. Но из скрытой за комнатой пещеры появился человек. То была женщина. Уверенная. Сильная. Она была не просто другом. Казалась главной. Или же на одном уровне. Он уважал ее. Возможно, любил. Отношение особенное. Что-то странное в ней привлекло. Не поведение, пусть и было вызывающе смелым. Разделяла свою власть с роботом над Медведями. А потом получилось ее разглядеть. Но не это стало причиной спешки. Она указала Медведям цель. Не я. Тишь. Прямо туда. Здесь не может быть ошибки. Робот был занят своими делами в комнате. Стоит ли теперь спешить в Тишь? Да, теперь точно. Я знаю эту женщину.

Особь не просто не могла запрыгнуть на крышу Тиши из-за отсутствия конечности – сама возможность совершать прыжки также потерялась в тех пещерах, откуда спасшаяся Рода смогла принести оружие победы. Случайность или некий дефект наградили заднюю лапу визуально заметным смещением, отчего даже смертоносные у иных особей прыжки этой были недоступны. Так что, не найдя в самом строении тюрьмы чего-либо приглядного, она решила поддаться непонятым инстинктам и, слегка ковыляя, добраться до возвышенностей именно в той стороне, откуда пришла по следам Роды. К сожалению, совершенное существо все еще осталось неуловимым для любых прямых манипуляций в его адрес. Расстояние между пещерами у подножья невысоких гор и самой Тиши насчитывалось в километр равнины, как раз сторона корпуса выходила ровно в эту сторону. Когда пришло время самой настоящей охоты, Рода была в бешенстве из-за отсутствия приглашения к столь значимому ей свершению. Катарина заявила твердо и ясно высокую степень глупости ее рвения быть один на один с этим существом. Чтобы выманить его к ним, нужно лишь десять смельчаков, готовых ради шанса сбежать из реальности на любую жертву. Катарина уже говорила ей, что преступникам с Опу-

са не нужны ни конечности, ни иные не способные возыметь синтетическую замену органы. Оттого и было объявлено по общей системе связи внутри корпуса о вызове добровольцев для самой простой работы – выйти на улицу через открытые двери и пройти подальше, дабы во время обнаружения врага тот побежал за ними и угодил внутрь Тиши. Там уже будет готова система дезориентации звуком и светом для провокации к выявлению удачного ранения прямо в шею. Роде план показался безумным, особенно с учетом скоротечного сокращения жителей Монолита. Но стоило Катарине потребовать альтернативный вариант, да еще и в кратчайшие сроки, как ничего толкового у Роды не родилось.

– Эти люди не просто преступники – они особо опасные преступники. Сам Опус сослал их сюда, потому что там им быть опасно. Эти люди не ценят наш материальный мир, они все принадлежат Объему. И я никого не заставляю, все это их выбор.

Рода хотела бы уже согласиться, но отлично понимала тщетность ее мнения в этом вопросе – Катарина сделает так, как считает верным, вопреки любым доводам. Но истина крылась в другом – Рода хотела быть там, как острое клинка, дабы отомстить за друзей и доказать свое право на жизнь. Стоять тут, на верхушке, смотреть через мониторы на происходящее – в этом было что-то неправильное, мучающее ее изнутри хуже физической боли.

Камеры были строго одиночные, с мягкой обшивкой ради

невозможности одного нанести вред самому себе, что оказалось частым явлением для чужеземцев с Опуса. Многим было почти невыносимо в реальном мире из-за атрофирования всех органов чувств и крайне слабого физического состояния. Так что, когда Катарина обозначила условия и их выгоду по окончании исполнения, из открывшихся двухсот решеток вышли двадцать четыре человека. Что интересно, почти все они провели здесь меньше года. Остальные, видимо, сумели кое-как да адаптироваться, пусть медицинские осмотры не были так категорично согласны с этим. Рода изумилась этим... людям ли? Верхушки их голов были плоскими, но не из-за дефекта черепа: то стало результатом операции по внедрению пластины с выпирающими квадратными контактами, что служили подключением к Обьему. Худые руки свисали за счет гравитации, причем головы их держались на слабых шеях, отчего взгляду открывался в основном пол. Глаза впалые, лица же искажены от отсутствия мимики, челюсть и вовсе с трудом слушается, чаще она открыта. Они скорее переступали с ноги на ногу, чем ходили ровным шагом, отражая своим существованием само понимание предсмертного состояния. Рода уже хотела возразить Катарине по причине неспособности этой «приманки» найти особь, как та, будто бы читая мысли, молча указала на монитор слева. Там было два джипа с тремя охранниками в каждом. Они колесили по той области, где нашли Роду. Создавая шум выстрелами и криком, напрашивались на конфликт, дабы уже

потом особь забежала вовнутрь Тиши, следуя за доступной едой, нежели продолжила гонку за транспортом, который в этот раз сможет составить конкуренцию. И вновь, только Рода задумалась о причинах согласия охраны с таким риском для жизни, как Катарина одним своим видом закрыла этот вопрос. Она не просто отдавала приказы с маневром на погрешность – именно непоколебимая власть сочилась из каждого ее слова, взгляда и позы. Катарина скорее не преобразилась, а раскрылась, потакая некоему мудрецу, ранее спящему под тенью иных руководителей. Расчетливость и спокойствие Катаринины впечатлили Роду достаточно, чтобы немного осадить злость от невозможности быть на передовой.

Обнаружение противника не заставило себя ждать. Безлапая особь вылезла из ниоткуда вблизи возвышенностей. Она накинулась на джип, и последнее, что передала камера наблюдения, – огромную и злобную пасть.

– Там погиб Мориц. Там я переродилась. – Рода произнесла это столь жутко, совершенно непонятно для кого, что Катарина многозначительно переглянулась с Надзирателем. – Зачем оно пыталось туда вернуться? – Рода задавала вопросы себе, посматривала с экрана на экран, забывая о других так же, как и о предсмертных криках охраны. – Почему здесь нет второго поколения?

Как только второй джип стал подъезжать к точке конфликта, особь без скромности кинулась им навстречу, запустив процесс поимки. Катарина отдала приказ открыть цен-

тральные ворота корпуса: одни были снаружи, вторые внутри, соединяя переходной шлюз, по которому еще вначале провозили груз для хранения. Большие двери сдвинулись впервые за много лет, заключенные медленно зашагали наружу, заслоня костлявыми руками лица от солнечного света и трясясь из-за ветра. Уже не люди, но еще живые, скелеты со странными головами шагали вперед медленно, вызывая даже в Роде странное презрение и отвращение не только к ним, но и к самой причине их отречения от реальности. Не все выдержали условия исполнения мотивации: двое запаниковали и поддались бегству обратно, трое потеряли силы и, забившись в позу зародыша, остались на месте.

– Приемлемо, – проронила Катарина.

– Как ты убедила Опус на такие жертвы?

Ни одна мышца на лице Катарини не дрогнула, лишь холодный взгляд дал четкое отрицание каких-либо переговоров на этот счет. Рода уже хотела спросить, почему тогда эти люди были выбраны, но Катарина вновь опередила желание:

– Их легче мотивировать.

– Опус вообще знает, что здесь происходит сейчас?

– Ему не нужно знать.

– Но они потребуют...

– Будет уже не важно! – Катарина не хотела продолжать этот разговор, что, как и сама она поняла, посеяло в Роде семя сомнения. Обе понимали ту образовавшуюся пустоту, заполнение которой либо запустит новую цепь событий, ли-

бо усугубит отношения между ними. Но время ускользало.

Особь добежала до корпуса и, не имея шанса догнать джип, переключилась на доступную еду. Добровольцы не успели и среагировать, как были не просто съедены – поглощены с особой жадностью, будто бы им мстили за что-то. Расправившись в кровавом урагане с самыми смелыми, особь переключилась на беглецов, так удачно добравшихся до переходного шлюза между дверьми. Угрожающий топот и торжественный рев сопровождали новую бойню уже внутри Тиши, как раз между внутренними и внешними дверьми, чье закрытие поначалу тварь и не заметила. Как-только оба выхода были перекрыты, внутри сразу же сработали яркие вспышки и звуковые волны, причем их источник был Роде непонятен, но и времени на изучение также не было. Разъяренное, впервые встретившееся с такими раздражителями, создание билось о стены, рычало и пыталось выбраться из импровизированного изолятора. Время ускользало быстрее ожидаемого – если они что-то не предпримут, то вскоре двери окажутся подмяты натиском ярости.

Катарина что-то нажала на пульснике, после чего на экранах Рода увидела нечто вроде бы предсказуемое в их задаче, но чем-то настораживающее. Появился человек, одетый в обычную броню охраны, но без шлема. Его голова была лысой, сам был среднего телосложения. Он бесстрашно преодолел хаотичные движения разъяренного зверя, пригибаясь и совершая кувырки, дабы, варьируя, добраться до шеи и на-

нести режущий слева направо удар. Коготь разрезал монстру горло, после чего была попытка воткнуть его поглубже, но отчаянный хищник успел вцепиться зубами во все тело этого человека и раскусить его пополам. Предсмертное состояние особи придало чудовищных сил, и двери наружу были почти выломаны, пока потеря крови не оказалась критической. Медленная смерть сопровождалась неестественной для наблюдателей слабостью этого создания: всхлипы и рычания и вовсе напоминали попытку осмысленного то ли прощания, то ли жажды возмездия. Существо не соглашалось на мирную гибель, до последнего доказывая упрямость характера. Оглушающий рев сменился не менее пугающей тишиной. Катарина и Надзиратель были парализованы успехом, боясь что-то сказать и даже двигаться. Все-таки первая убитая особь, как минимум не в порыве отчаянного огня из всех орудий. А вот Рода, вопреки молчаливому ликованию остальных, не могла выкинуть из головы те фрагменты раскусывания настоящего героя, самоотверженно пустившегося в прямое столкновение.

Катарина отдала приказы на изъятие особи, распил столь удобными когтями и срочный поиск любой уязвимости, причем попросила начать с легких и сердца. От приказа Надзирателя проконтролировать порядок в корпусе ее отделил особый взгляд Роды, пронзающий нешуточным обвинением.

А все потому, что Рода не могла выкинуть это событие из головы, не на почве зависти или восхищения, нет – ее му-

чило уже понятное, но неприятное открытие: то был не человек, то был робот. Его запчасти, металлический скелет и отсутствие какой-либо органики во время гибели проявились слишком ярко. Катарина украдкой взглянула на остатки искусственного тела близ монстра.

– Надо рассказать Козыреву, что мы смогли убить одного из них. – Рода говорила со змеиной хитростью, подбираясь к вскрытию спрятанной от нее истины.

– Расскажем.

Ощущалась напряженность столь высоко, сколь любое слово казалось раздражительным началом конфликта. Рода увидела в Надзирателе подтверждение его осведомленности в вопросе наличия тут идеально замаскированного под человеческий образ кибернетического механизма. Рода неплохо знала эту тематику за счет оставшихся еще с Опуса воспоминаний с последующими обсуждениями этих созданий с отцом. Да и литература у нее была эксклюзивная, на правах Техгруппы и дочери Андрея. Все они знали чуть больше, чем желалось жителям Монолита. Но наличие волновало ее меньше, чем сокрытие факта присутствия.

– О чем еще ты лгала мне?! – Рода сама не заметила, как ощутила себя загнанным зверем под стать некогда убитой особи.

– Это сейчас не важно! Время играет против нас. Мне нужно помочь в создании оружия, остальное может подождать, и ты это знаешь. Рода, сконцентрируйся, сейчас мы

на пороге...

– Ты никуда не пойдешь, пока не ответишь на все мои вопросы! – Состояние Роды уже выходило из отчетности ее самой, что возымело оперативное вмешательство Надзирателя. Он подошел как раз в момент, как Рода приблизилась к Катарине, и, применив шокер, парализовал девушку.

– Это было лишним!

– При всем уважении, разбираться с безумием этой дефки будешь потом. Ты сама знаешь, ей надо остыть, а нам – работать. К тому же Сводный погиб, починить его мы не сможем, только если Ковак не поможет....

– Стоп! Она еще в сознании, если что. – Катарина заботливо осмотрела Роду, сев на колени, после чего произнесла так искренне, как смогла: – Рода, прости, пожалуйста, но сейчас не время. Я обещаю все тебе рассказать, но пока будет лучше, если мы сделаем дело без тебя. Просто верь, что я хочу только лучшего, но... ты не хуже меня знаешь, как порой надо брать ситуацию в свои руки. Он отнесет тебя в камеру, там ты отдохнешь, придешь в себя, и потом мы поговорим. Я обещаю, что не брошу тебя.

После этого Надзиратель отнес обездвиженное тело Роды в камеру заключения этого корпуса и запер ее внутри. В таких же содержались остальные заключенные.

Восточная часть Монолита была пугающим отражением западной: вместо бурлящего столкновения жизни и смерти здесь были лишь следы недавних, относительно некрупных, сражений. Все от восточного блока и до границы Монолита пустовало, лишь скелет прошлого в виде зданий и остальной инфраструктуры. Совокупность лишенной жизни района с доносившимся отгласами войны со стороны ферм образовывала ядовитое послесловие. Впору ожидать чудовищного откровения: они не выжили, оставленные для ориентирования декорации скорее служат надгробием цивилизации, оставленным в мире мертвых для напоминания об ошибках прошлого. Если не прислушиваться, то и вовсе кажется, что обитает лишь звон с затхлым воздухом. Но это предположение рассыпается на сотню отдельных звуков, объединенных танцем жесткого сражения людей и чудовищ. Все это окутывает здешние декорации, вынуждая верить в крик самих надгробий, жаждущих напомнить мертвым о мире живых. Ориентируясь строго по звуку и некоему предчувствию, рука тянется помочь невидимому глазам товарищу, спасая его от смертельной атаки зубов и когтей, потакая нраву вмешаться в неравнозначную битву двух сторон. Поток сражения кружит вокруг него, обволакивая памятники страдания-

ми войны, оставляя его за кулисами ключевых событий. Доказательство его никчемности и слабости из-за невозможности принять участие и встать на стороне людей вынуждает кричать в страдании мук собственной бесполезности. Он даже не замечает раненого, рядом с которым сидит Ингрид и пытается изо всех сил оказать первую помощь, приводя его в чувство параллельно с тем, как накладывает жгут на левую ногу, откуда торчит кусок железа. Он не замечает Настю, пытающуюся привести его в сознание, держа лицо в руках и что-то говоря, выискивая зрительный контакт. Оскар уже собирается оттолкнуть ее и убежать навстречу бою, желая разделить с остальными единую участь, какой бы она ни была. Безумный взгляд и яростные вопли становятся Насте слишком знакомы – еще вчера она была в подобном состоянии, во время бунта внутри государственного блока. Оскар тогда не просто спас ее жизнь – он спас ее разум простым разговорами и человеческой заботой. Ингрид перекрикивала Оскара и Настю, требуя помощи в спасении Томаса. Все закручивалось в бесконечный хаос отчаяния, выбраться из которого не представлялось возможным.

Потакая заботе, Настя прижала его к себе, все повторяя, как скоро вновь будет хорошо, стоит лишь чуть-чуть подождать. Настя держала его крепко, становясь защитным коконом от страшного мира, разрешая ему собрать свои разрозненные мысли и обуздать приступ паники. Глубокие, тяжелые вздохи становились все равномернее, остужая горячий

поток ужасных образов. Настя сообщила ему о необходимости спасти Томаса и медленно отпустила Оскара. Тот остался сидеть на коленях посередине дороги, медленно приходя в себя после падения вертолета, откуда выпал и пропал из поля зрения Менард, перед тем как сам транспорт миновал восточный блок и упал прямо на эту самую дорогу. Сейчас горящий вертолет с мертвым пилотом был за его спиной, метрах в двадцати. Впереди, стоило ему поднять глаза, виднелся пустой город. Война еще не дошла сюда, но скоро будет. Справа от него спасали Томаса. Оскар поднялся во весь рост и немного прошел вперед, выискивая на инстинктах угол для зрительного контакта с верхушкой государственного блока. Он был больше трупом, чем живым человеком. Экзокостюм поврежден, шагать трудно, шлем потерян, из-за чего ссадины на голове окропили лицо кровью.

Стоявший все так же в центре дороги, но дальше остальных выживших, Оскар смотрел на верхушку государственного блока и ждал ответа на звонок.

– Техгруппа сбита. Мы недалеко от восточного блока. – Оскар не видел смысла называть улицу или точное место, не говоря уже о количестве выживших. Ему все было ясно: либо они сами по себе, либо им скажут идти в блок. Но случилось иное.

– Враг совершил прорыв, наша линия обороны пала! Мы готовим эвакуацию Монолита.

Оскар смотрел на государственный блок вдалеке, прямо

на верхний этаж, который отсюда словно подпирал черные тучи. Полный пробуждающихся эмоций, он хотел поговорить с отцом, сказать что-то личное, как ребенок, еще не знающий, но уже предчувствующий что-то плохое... но не смог. В этот скоротечный момент они смогли молчанием быть более откровенны, чем когда-либо, выражая ценность друг в друге столь оголенно, сколь не передать словами. И все это на фоне яростных криков Насти во время спасения Томаса из лап смерти.

– Вы должны немедленно отправиться на восточный вокзал! – Отцовский напор лишь подтвердил сыну истинное положение дел. – Там до Тиши. Катарина сообщила о поимке и устранении одной особи. Сейчас они проводят вскрытие. Наш шанс создать биологическое оружие против них. Техгруппа должна прибыть туда и помочь! Это приказ!

– Оттуда мы сможем и в Топи легче попасть. – С трудом Оскар подыграл логике отца, прекрасно понимая, что тот просто хочет уберечь его смерти. Жуткая, пробирающая до костей безысходность стала чем-то родным.

– Мне придает сил твое будущее, сын. Будущее, где ты поступишь правильно, потому что ты – мое наследие, моя кровь и моя гордость. – Этот момент врезался в сердца обоих, придав всему происходящему и еще грядущему невыносимой ценности. – Выполняй приказ!

Козырев закончил против воли, отдаваясь долгу, зная, что сын понимает его лучше, чем кто-либо и когда-либо. Эта пи-

ковая связь не требовала слов любви или благодарности – тем и ценна была для вытирающего слезы шокированного Оскара, не способного отнять глаз от блока. Он лишь сказал вслух «спасибо», устремляя это отцу, который где-то там на-верняка смотрит на него и прощается.

Настя медленно подошла со спины, специально дав Оскару заметить себя. И когда тот обернулся и увидел ее, то, полный чувств, крепко обнял, разделяя с ней этот столь же жуткий, сколь и ценный момент. Они ничего не говорили друг другу, слова были уже лишними, чувство единства обрело новый слой доверия, ранее невиданный ни для кого из них. Только они обернулись к пришедшему в сознание Томасу, чья рана на ноге была зашита степлером, а сам он пытался встать при поддержке Ингрид, как позади всех удивил дерзкий, но знакомый голос Менарда.

– Что, думали, я вас брошу так? – Менард подошел к лежащему Томасу и помог тому встать.

– Ты как? – Ингрид хотела осмотреть Менарда.

– Нормально. Мне повезло, клубочком упал, экзокостюм и шлем спасли от переломов. Не первый раз, знаешь ли.

Настя увидела удручающее состояние Оскара и помогла немного вытереть лицо от крови и грязи, чуть-чуть приведя того в порядок, заодно осмотрела голову и, убедившись в несерьезности ссадин, поддавалась на его убеждения не драматизировать. Она толкнула его, потом взяла за руку, успокоилась и лишний раз порадовалась, что они живы. Сам Ос-

кар разделил с ней этот маленький момент, что позволило ему открыть в себе новые силы. Но несмотря на добрый момент, Оскар, вдоволь пропитанный жертвенностью, заговорил с особой смесью злобы и скорби, донося мысль без шанса на иное интерпретирование, впервые ощущая себя продолжением дела своего отца:

– Монолит эвакуируют. Враг пробил линию обороны. Нам приказано отправиться в Тишь. Катарина готовит биологическое оружие. Техгруппа должна проконтролировать.

Никто не мог и слова сказать. Все переглядывались друг с другом, заключая единую точку невозврата.

– Что будет после того, как мы заберем это оружие? – Настя взяла первое слово, но уже не как лидер Техгруппы – все ее внимание было обращено на Оскара, в чьем лидерстве она видела спасение.

– Добьем остатки. А потом начнем восстанавливать наш город.

Сквозь непростые размышления, сопровождающиеся внимательным осмотром окружающей территории и выживших, Менард обратился к Томасу:

– Воевать можешь? – Тот кивнул. – Отлично. Тогда мы с тобой отвлечем врага, пока эти доберутся до поезда. Что? Есть возражения?! Окей! Мы с Томасом самые опытные, сильные и здоровые – лучшее мясо для охоты. Две бабы и пацан с поврежденным экзоскелетом – каковы шансы наперегонки с тварями?! Вот именно! У нас разные работы, да,

Томас! – Менард быстро оглядел Настю, Ингрид и Оскара и сказал им со всей силой характера: – Вы должны добраться до Тиши, забрать оружие и принести нам победу! – Потом посмотрел на смирившегося с самоотверженным планом Томаса: – А мы с тобой сделаем то, что умеем лучше всего.

Все молчали, сам шум Монолита будто бы куда-то пропал. Оскар оглянулся и увидел особей, занявших дальние здания, прыгающих по крышам и уже направляющихся в сторону Южного блока.

– Он прав. Вместе не успеть, нужен отвлекающий маневр.

– Я все равно не согласна! – Отчаянно закричала Настя.

– Хватит уже смертей, – с трудом сказала Ингрид.

– Ну это не тебе решать. Твоя задача – не дать нам умереть зря! Настя, ты же не подведешь нас? Умница. Оскар... – Менард смотрел на него и, ничего не сказав, лишь протянул руку, которую тот со всем уважением пожал, принимая это смелое решение. Менард подбежал к вертолету, собрал все, что валялось из снаряжения. В этот краткий момент Томас на более личной ноте обратился к Насте и Оскару:

– Обещайте уничтожить Осколок. – Томас смотрел на них взглядом человека, познавшего и принявшего свою участь, желавшего оставить напоследок нечто важное. – Я серьезно. Мы с вами знаем, что случилось, когда его применили. Целый день бегали по кругу, и вот к чему это привело. – Томас разочарованно осмотрелся вокруг. – Он не должен быть использован. Нельзя менять прошлое, нам дано лишь буду-

щее. Пожалуйста, ради меня и тех, кто погиб, не надо нового витка путешествий во времени. Не берите эту ответственность. – Томас очень по-особенному посмотрел на Оскара, подталкивая того вспомнить их вчерашний разговор про ценность выбора. – У тебя есть выбор. Вчера его не было. Теперь ты главный. Не подведи.

Оскар в этот момент поддался и обнял Томаса, всецело относясь к нему как брату, благодаря за поддержку и жертву. Оскар не мог позволить себе слабость, не мог позволить оскорбиться Томасу и Козыреву из-за его неспособности принять происходящее и дать слово сдержать обещание. С трудом расцепившись, они были и ощущали себя настоящими братьями, готовыми на жертву ради друг друга.

– Спасибо... – Настя ощущала настоящую вину.

– Все, идем! – Менард подошел, отдал Томасу гранаты и, еще раз оглядев всех, уже собрался что-то сказать, но промолчал.

Борясь с панической атакой, Настя пыталась подойти к Томасу и обнять его, но тот лишь посмотрел на нее искренне, по-дружески улыбнулся и произнес:

– Ты хорошо справилась, Настя. Но хватит уже мстить. Андрей взял тебя за другие качества. И я рад, что он выбрал именно тебя.

Эти слова коснулись ее куда сильнее ожидаемого, объединив в немыслимую форму боль и благодарность.

– Менард, – Оскар заговорил твердо, – что передать твоей

сем...

– Ничего! – сорвался Менард и, чуть подумав, сказала смиреннее: – Они и так все знают.

– Все не должно быть так!

– Да, Настюха, не должно.

– Доберитесь до Тиши, сделайте дело. – Томас закончил разговор кратко и ясно, открывшись им с самой человеческой и дружеской стороны, последний раз взглянув на Настю и Оскара, вдохновляя их на успех.

После Менард и Томас надели шлемы и пошли вглубь Монолита – туда, где идет последняя битва с хищниками самой планеты. Оскар все хотел их отозвать, что-то придумать, ведь не может и не должно быть так! Но никаких вариантов или альтернатив не находилось – как раз наоборот, глядя им вслед, Оскар осваивал эту вынужденную жертву как необходимую цену победы. Раз эти двое пошли на такое без особых раздумий, твердо следуя долгу и чести, значит, он сам может, и когда придет время, их пример станет для него доказательством верного выбора.

Почему-то никто не верил, что они выживут, – и эта боль объединяла всех троих мучениями с каждой секундой расставания все больше и больше. Как только слышались выстрелы и крики, сразу же возымевшие отклик от особей, Оскар повел остатки Техгруппы вперед, прямо к вокзалу.

С трудом борясь со слезами и болью, Настя, Оскар и Ингрид двигались по прямой, ненавидя звуки стрельбы, нена-

видя яростные воинственные крики их друзей, пытающихся быть громче врага; ненавидя удаляющиеся доказательства борьбы; ненавидя себя за их смелость... Все это стало жизненно важным в момент оглушительной тишины после очередного взрыва гранаты. Ни криков, ни стрельбы – лишь победоносный рев существ. Утрата оставила слишком яркий шрам на сердце, вынудив скорбеть столь сильно, сколь истерика почти брала власть над Ингрид и Настей. Первая всецело винила себя, ведь именно ради нее они оказались тут. А вторая теряла все координаты, ожидая собственной смерти из-за того, что они умерли, а она жива. Хотелось отдаться боли и закричать во все горло от невозможности принять это доблестное, но несправедливое самопожертвование. Кое-как Оскар смог заглушить свои эмоции, все повторяя внушительно и даже злобно: «Мы должны идти». Вновь и вновь он говорил это вслух, негромко, но сильно, приказывая исполнять эту простую функцию:

– Если мы сдадимся, то они погибли зря!

Козырев видел фигуру рядом с упавшим вертолетом, безошибочно определив в ней своего сына, пока они вели важнейший в их жизни разговор. Он столько сказал ему без слов, открыв сам для себя истинное отцовство лишь сейчас, искренне видя и чувствуя то будущее, разделить которое у него с ним не получится. Такова роль родителя – отпустить ребенка в свободное плавание, веруя в непреклонность перед трудностями и честность в стремлениях, насыщаясь силами для больших свершений за счет пропитанной любовью памяти о прошлом. Все плохое за эти дни выковало лучшее в каждом из них, дабы отпустить старые роли и принять новые. Козырев не боится за сына – наоборот, этот разговор насытил его самого новыми силами. Каждую секунду он видит будущее Оскара и радуется за него, потому что настоящее позволит ему обеспечить крепкую основу для новой надежды.

Ранее Козырев искал лазейку, дабы обмануть невидимого противника, играющего с ними по несправедливым правилам. Теперь он знает, что сделать и как. Его сын – вот главная победа, этакий козырь в рукаве, но время для розыгрыша еще не наступило. Это долгий маневр, тем и победоносный. Эти два дня – лишь подготовка к более сложным и важным

битвам, где наследие отца не даст сыну сбиться с пути. Сегодняшний день уже стал прошлым – пусть враг ликует, это даст пораженным закалку, опыт и знание. Проигрывая сегодня, они куют победу завтра. Особенно в этот план хорошо вписывается та, чье появление пусть и аномально, но ныне бессмысленно. Все играло на руку врагу – все, кроме нее.

– Тебя отведут к служебному лифту. Внизу ждет поезд, прямо до вокзала, где ты пересядешь в сторону Тиши. Там ты встретишь моего сына и проследишь, чтобы он и те, кто выживут, исполнили приказ. – Люба выражала искреннее изумление. – Здесь тебе делать нечего. В случае нашего общего поражения вы улетите на Опус, где твои связи и власть помогут моему сыну.

– Я давно не была там.

– Мне плевать! Это лучшее, что я могу дать Оскару. Это лучшее, что ты можешь дать мне. Я доверяю тебе, Любовь, не подведи меня. – Она уже все поняла, чувственная скорбь стала для него лучшей наградой, ибо эта искренность стала подтверждением верности его ключевого хода в этой игре. – Мое место здесь. Этой мой город – моя ответственность. Я довершу дело, несмотря ни на что.

– Как же Оскар?

– Он уже готов. Ему не хватает твоих знаний и мудрости. Ты рассказала мне, что Дикисян был твоей координатой. Теперь таковым будет Оскар. Я верю, что так мы сможем победить. Впереди еще много битв. Впервые я орудую не стра-

тегией – верой. И я верю, вижу и почти могу осязать ту картину будущего, где ты рядом с моим сыном, помогаешь ему продолжить наше дело. – Потом он добавил с особым акцентом, намекая на особый от него подарок, который должен остаться в тайне как можно дольше: – У тебя все для этого есть.

Люба не хотела верить в это, но человек перед ней изменился достаточно сильно, дабы поддаться его влиянию. Возможно, кратко думает она, он сам себя в этом убеждает на исходе этого дня, но в то же время почему-то ей искренне хочется перенять эту веру от него. Отец, столь сильно любящий своего ребенка... ей это не знакомо. Еще одна причина согласиться с ним, как уважение столь редкого явления. К тому же в его плане нет ничего противоречащего ее личным замыслам – даже больше, все складывается лучше, чем она хотела.

– Спасибо, – сказал Козырев даже с улыбкой, полный сил, как человек, взявший инициативу на поле игры.

В этот момент пришло сообщение о прорыве в государственный блок. Причем случилось это через то отверстие в стене, образовавшееся еще вчера взрывом в лаборатории, которое кое-как успели прикрыть во время организации ремонта. Первый выводок почему-то не полез под надстройку, что дало время усилить внутренние двери, видимо, лишь отсрочив внимание особей. Похоже на целенаправленную организованную атаку жизненно важных структур. Враг уже бежит по этажам, утоляет голод и рыщет. Козырев обратился

ко всем на пике воли к победе:

– Пока мы здесь – битва не окончена! Готовьте ракету, ударим по западному блоку! Он накроет половину города вместе с врагом. Это даст время на эвакуацию, даст время для нового оружия, даст время на новую битву! Если мы отступимся – то проиграем! Жертвы наших братьев будут напрасны! Победа будет недоступна! Координация эвакуации в приоритете. Будущее нашего народа, наших людей зависит от нашей с вами жертвы! Лишь мы стоим между врагом и людьми – так что сделаем так, чтобы история Монолита не закончилась сегодня! Враг берет числом, а мы возьмем его волей! Мы отстоим нашу землю, отстоим наше право быть людьми! Мы не проиграем, потому что нам есть за что умирать! Мы покажем врагу, что такое человек! Мы будем жить после смерти, потому что нас будут помнить! Они живут одним лишь голодом, мы же живем единым человечеством! Покажем им нашу силу! Мы будем кричать, мы будем сражаться, и мы встретим смерть как победу, потому что наша жертва спасет жизнь нашего народа!

Козырев рвал горло, выбивая своим нравом любое сомнение, заряжая всех вокруг на самую праведную битву. Одного взгляда на Любу было достаточно, чтобы она повиновалась и села в лифт, восхищаясь доблестью этих людей. Никто не перечил Козыреву – наоборот, все заразились гордостью выстоять эту битву до конца, зная и веруя, что их жертвы не будут напрасны.

Не просто удивление – пугающая смесь злости и разочарования в лице Бэккера стала нерушимым доказательством крайне высокой угрозы им лично и их плану от тех, кого они встретили в глубинах Топи. Совершенно спокойно следуя маршруту, Юст уловил какие-то помехи недалеко от намеченной Бэккером тропы. Чуть-чуть подавшись любопытству, даже допустив ошибку маршрута, с позволения Бэккера они отклонились в сторону на добрые три сотни метров. И уже там вместо цели путешествия оказался окруженный высокой растительностью маленький лагерь. Причем не просто лагерь кого-то там, а тот самый одноэтажный проект Техгруппы для долгосрочного пребывания в этих землях, откуда делаются вылазки за сбором материала, дабы уже внутри небольшой базы спокойно проводить исследования. Наперекор ожиданиям это место не просто функционировало по сей день – внутри был человек. Бэккер вышел первым, вновь доказывая всю серьезность этой неожиданной встречи. Навстречу выступил тот самый человек, долго наблюдавший за ними через прорезь в двери. На нем не было защитного костюма, не было даже дыхательной маски. Крепкий мужчина с самым невзрачным лицом, но с полными энергии хитрыми голубоватыми глазами. Небольшая черная борода

и длинные, завязанные в пучок волосы лишь подчеркивали его инородность в этом месте. Он вел себя крайне уверенно, дышал этим воздухом, спокойно изучал глазами Бэккера перед собой и Юста с Петей на границе этой небольшой поляны в двадцать метров.

– Я удивлен. Гостей тут не бывает. Вас ведет нужда пополнить запасы и отдохнуть? Или же вы пришли именно туда, куда и желали?

Небольшая усталость в глазах Бэккера лишь чуть-чуть скрашивала его ожидаемую злость на неожиданную встречу не просто с неизвестным человеком. Факт способности этого чужака дышать здесь своими легкими интриговал даже больше, чем само присутствие.

– Кто ты такой? – Бэккер хотел разделаться с этим как можно быстрее еще и потому, что боялся новых слоев причин и следствий, способных отодвинуть его от свершения плана.

– Прошу простить мои манеры. Мое имя Ковак. Я родом с Опуса. Хотя мы все оттуда.

– Чем вы тут занимаетесь?!

– Прошу сохранять спокойствие.

Звучало как угроза, Петр с Юстом уже поддались плохому предчувствию, ибо знали, что раз тут есть люди, то кто-то опять врал. При этом сам Петя, пряча лицо за непроницаемой снаружи маской, смог хорошо разглядеть этого человека, чтобы зародилось семя сомнения на его счет. Ему

всерьез казалось, что он его где-то видел, причем на лица память пусть и плохая, но, когда что-то проклевывается, он обычно не ошибается. Вот только где он мог его видеть?

– Мы лишь ученые, протягиваем руку к неизведанному, надеясь на...

– Я буду краток. Время иного не позволяет. Ты позволишь мне осмотреть вашу базу, взять все нужное. Потом мы уйдем. Любая выходка – и вот он, – Бэккер указал на Петю, – уничтожит тут все. Если проблем не будет, то мне насрать на вас, делайте то, зачем вы здесь. Главное, Ковак, чтобы это не мешало мне делать то, зачем здесь я. Отказывать не советую. У нас был очень долгий день.

Глубина раздражения Бэккера отражала все его нетерпение перед любой заминкой или проблемой. Тормозов больше нет, Бэккер сам это ощущал, напоминая себе лишний раз об отсутствии обратного пути. Только вперед, не щадя никого. Лицо Ковака понизило яркость, притупив дружеский настрой, показав смиренность перед требованием.

Бэккер и Юст последовали за Коваком внутрь. Бэккер отдал Пете свой рюкзак, доверяя тому, возможно, ценнейшее. Сам Петя получил четкий инструктаж следить в оба и быть готовым к грязной работе. Очистка костюмов прошла успешно, после чего оба оказались в коридоре, где герметичные двери слева и справа изолировали еще четыре комнаты в сумме, прозрачные стены которых открыли четыре области: слева у входа были спальни и зона отдыха, напротив – рабо-

чие столы с разным оборудованием и компьютерами, дальше по правой стороне – непривычного вида пять инкубаторов под размер человека, но содержимое сокрыто за металлическими створками, а уже напротив них были еще инкубаторы, но меньше размером, штук тридцать во всю стену, во внимании манипуляторов для изъятия и дальнейшей работы. Это все, что они успели углядеть в больших помещениях, пока шли по прямой до конца.

Этакая небольшая столовая метров пять на пять, все укомплектовано плотно, как и в лабораториях, дабы места людям было больше. Сам Бэккер ничего особенного не видел, уже желая скорее осмотреть остальную часть здания, но вот Юст выразил неожиданную гамму эмоций:

– Да вы издеваетесь?! – Юст увидел двух мужчин, сидевших плечом к плечу за столом. Они ожидали этой встречи, видимо, слышали разговор Ковака с гостями. Лица их выражали рвение быть понятыми. – Лицемеры! Я так и знал, вот знал, что никому нельзя верить! Бэккер, знакомься, это сраная Техгруппа, отправленная сюда еще пять лет назад! То, что от нее осталось, как я вижу. И то, что считалось пропавшим без вести, чего я не вижу!

Пробудившееся разочарование не удивило Бэккера, как раз наоборот – теперь он спокоен за возможные подводные камни. Бэккер уступил слово Юсту, отойдя чуть назад, приглядывая за этим Коваком, который занял позицию лидера переговоров с торца стола.

– Даже не начинайте! Вы меня, может, и не помните даже, но я вас, Сашка и Лешка, отлично знаю! Вас считают без вести пропавшими, уже похоронили, между прочим, а вы тут тихо сидите и работаете, пока Монолит...

– Все не так...

– ... не так просто! Я знаю, друзья, знаю! Иначе, уроды вы этакие, не бывает! – Юст столкнулся взглядом с заинтригованным Коваком. – Тебя ведь с Опуса прислали, да? Чтобы ты правил вылупившимся птенцами гнезда Техгруппы. Как это просто и предсказуемо, что аж скучно!

– Мы тут уже пять лет! – Алексей поднялся во весь рост, тон его был под стать худобе и немощности, выглядел и вел он себя отчаянно, что не было для остального чем-то новым. – Пять лет! Все, что мы делаем, – это чтобы люди могли тут жить! Не смей судить нас, ты никак не связан с этой работой!

– Андрею это скажи. Он считал себя виновным в ваших смертях вообще-то, потому что был ответственным лидером. Ведь раз вы не вернулись, не подали сигнал или даже костер не развели, чтобы маякнуть о себе, значит, погибли. Да, пять лет – много времени. – Алексей сел, общее настроение принимало претензию Юста. – Знаете, что я только что понял? Вы эгоцентричные уроды, как и Монолит. По лицам вижу, вы знаете про смерть Андрея. Скорбью не обделены, даже ты, Ковак, почему-то загрустил. А раз знаете про него, то вот интересно, почему, имея...

– Это был приказ. – Саша, как и всегда, говорил кратко, умея смотреть куда угодно, но не в глаза.

– Ну разумеется!

– Имеется в виду другое. – Ковак уверенно вносил спокойную рассудительность в распри. – Каждый делает ту работу, которую ему дают. Никакого своеволия, лишь приказы и их исполнение.

Ковак, как и остальные, всерьез считал данный аргумент достаточно сильным для урегулирования конфликта. Но только они не знали, что Юст именно это и ненавидит. Бэккер смотрел на разочарованного от бессилия перед очередными оправданиями хакера и с трудом узнавал его: от дерзкого, полного страсти и любознательности юноши не осталось и следа – сейчас перед ним стоял столь волевой мужчина, сколь принимающий все вокруг слишком близко к сердцу.

– И каков же был приказ? Сидеть тут, работать, скрывая от всех и каждого... результаты, если они вообще есть. Вроде бы ничего ужасного, а почему-то пахнет то ли заговором, то ли сокрытием чего-то отвратного. Помогите мне понять, честно, как вот есть, по-сухому, в лоб, представим, что я тупой! Какой смысл было ныкать тут всю работу? Видно, как хорошо у вас идут дела. – Юст кивнул в сторону Ковака, подчеркивая возможность дышать воздухом. – Так чего же скрывать? Чего такого вы...

– Если ты думаешь, – заговорил Алексей, – что мы тут

хорошо время проводим, то не стоит. Пока вы там жили, мы здесь хоронили друзей. Друзей, которые погибли из-за приказов Андрея. Скажи, кто-то видел или слышал эти приказы, кроме него? – Юст отказывался верить в это. – Я вот нет. Санек – нет. Насколько я помню, мы просто исполняли приказы. Но я не против. Был не против. Правда такова, что мы докладывали Андрею о том, что тут происходит и как. Базу создали, все хорошо было, смогли проводную линию протянуть. Ты не знал? Представь себе, тащили провод, прямо к Стоку-1. Можешь посмотреть, там, где спальни, целый передатчик. Мы работали – год, другой, третий, четвертый!

– Мы знаем. – Саша хотел не просто прервать эмоциональное откровение Алексея, но и дать содержательное объяснение их положения. Он взглянул в глаза Юста, и тот увидел лишнего стремления к жизни человека. – Мы знаем, почему Топи нас убивают. Около половины этой природы – насекомые, растения, даже Кисель... такая форма воды, – не принадлежит этой планете. Около тысячи лет здесь происходит чудовищно сложный, непредсказуемый, но будто бы осмысленный симбиоз. Здесь есть огромное озеро, откуда мы качаем воду, и в нем каким-то образом есть Кисель. Плотная смесь, внутри которой совершенно без вреда для окружения размножаются комары. Мы изучили их. Оказалось, что они собирают образцы всего вокруг, потом переносят это в другие растения. И эти другие растения взяли просто из-под земли. Потому что комары и ранние их виды

перерабатывали эти образцы, которые вместе с мертвым телом этого комара падали в земли, беря это хрупкое тело в основу питательного вещества. Приколно, да? Такого нет на Опусе. Вообще. Здесь несколько сотен видов разной живности, которая интегрировалась в то, чем были Топи тысячи лет назад. Выделяемый кислород изменился именно из-за этого. Мы же были там, а они здесь. Напоминает защитный механизм перед чужеродной жизнью. Хочешь тут жить? Адаптируйся. Адаптируй поколения. Тогда заслужишь право.

Саша с трудом выговаривался, борясь с образами прошлых ошибок перед глазами.

– Ты видел инкубаторы? На пути сюда есть несколько больших и много маленьких. Наша работа предполагает опыты. Попытка ускорить процесс переработки генома, так сказать, поторопить эволюцию. Мы начали с малого. Брали здешних животных, вскрывали, отделяли оригинал от модификации, пересаживали другим и так далее. Здесь ведь уникальное явление столкновения двух природ, где самая молодая напоминает разумное существо. Потому что оно не уничтожает, а очень тонко налаживает взаимовыгодное сотрудничество. А то, что не поддается, удивительно, но просто живет дальше. Оттуда и вода, которую фильтровать проще некуда, потому что в воде, которую мы тащим, нет чужеродного. Простая вода у этой жизни не интересна, она создала свою – Кисель.

– Мы были против опыта на людях, – Алексей говорил строже, желая закончить это откровение. – Но Опус требовал. Точнее, как оказалось, Андрей требовал. Но не это было главной ошибкой. Ты помнишь Алену? Дерзкая блондинка с бесконечно тупыми анекдотами. Она допустила ошибку.

– Первая успешно привитая мышь смогла дышать здесь. – Саша хотел выговориться больше, чем быть услышанным. – Мы выпустили, организм после тяжелейшего состояния... выжил. Тогда она решилась сделать еще опыт, потом еще, еще. Все шло очень хорошо. А потом оказалось, что она беременна. Был тут один, любовь строили.

– На тот момент мы уже тут три года. Обычно контрацепция работает, да и не до этого зачастую, но любовь – штука сложная.

– Крайне глупая и слепая! Потому что она не хотела терять ребенка. Были опыты на беременных особях. Потомство отлично усваивало наши инъекции. Адаптировалось с пугающей успешностью. Она решилась. А потом все было... хорошо, даже очень. Она так хотела здесь родить, что... в общем Андрей одобрил. Не все были согласны, но...

– Мы узнали слишком поздно. Она умерла так, как не должны умирать люди.

Сам Бэккер подошел ближе.

– Но было поздно... – Саша заплакал так ярко, что страх перед его следующими словами оказался не менее сильным, чем шок от услышанного. – Техгруппа уже ввела наши инъ-

екции тем женщинам... И чтобы... чтобы они не превратились в то... если бы они остались живы, то весь Монолит был бы заразен. Сложные организмы не выживают... становятся пищей для бактерий и вирусов... – Саша смотрел безумными глазами. – Их пришлось убить! Невинные женщины и нерожденные дети!

– Когда все случилось, – Леша поднял тяжелый взгляд, – Андрей замял трагедию. А к нам прилетел он. Ты его не знаешь, ты здешний. Но именно этот человек курировал Техгруппу. Этот человек поведал нам, что половину от того, чем занимались, Опус не приказывал.

– Не должно столько людей погибать. Уже год мы лишь даем знать, что живы. Все ведет Ковак, Андрей остался в стороне. Ковак не просто здесь, на передовой, в отличие от Андрея. Он дал лучшее оборудование, даже роботов прислал, они уже давно нам время экономят.

Мысли и чувства Бэккера и Юста, каким бы тяжелыми, даже невыносимыми они ни были в данный момент, при всей их власти не имели важности. С самого начала весь этот разговор слышал Петя. Он так и стоял во дворе базы, слушая каждое слово с присущим человеческим сочувствием не только из-за истории, но и потому, что лично знал этих ребят, как и знал Алену, отлично помня ее анекдоты. И то, как честно он разделял их скорбь, одиночество и сожаления о работе и даже жизни, смогло скрасить неожиданную сторону работы Андрея. Но потом они поведали правду о его лич-

ной трагедии, ставшей переломным моментом всей жизни. Все это время он яростно ненавидел себя, винил за неизвестную, приведшую к смертям ошибку. Целый год Петя существовал с грузом чудовищной вины и ответственности за деяния, в которых он оказывается не виноват. Подкрепляется это шокирующее открытие болью от предательства Андрея, лгавшего ему целый год... а может, и больше, ведь, как оказалось, не все было продиктовано Опусом. Доказательством чему служит Ковак. Петя вспомнил его: он действительно был тем, кто курировал Техгруппу на отлет с Опуса двенадцать лет назад.

– Решайте сами. – Мрачные слова Бэккера были ясны лишь Пете и Юсту.

Выйдя наружу, Бэккер аккуратно взял рюкзак, повесил его за спину. Закрытое шлемом лицо Пети искажалось в неконтролируемой гримасе страданий, отнимающих последние ориентиры в этой жизни, превращая любую попытку адаптироваться к новым данным в страшнейшую пытку.

– Я не знал.

Петя никак не среагировал. Внутренние метаморфозы были достаточно сильными, чтобы Бэккер и Юст ощущали их на расстоянии. Когда Юст вышел наружу и столкнулся со все еще обездвиженным Петей, то неестественным для себя эмоциональным порывом произнес сквозь дрожь в горле:

– Мне очень жаль. Правда. Так не должно быть. – Юст, как и Бэккер ранее, пронзал шлем Пети взглядом личного

сочувствия.

Ковак, Алексей и Саша лишь успели подбежать ко входу, то ли желая дополнить чудовищную правду, то ли ощущая надвигающееся наказание. Петя поднял руку, активировал Осколок и создал выплеск энергии, столь сильный, что центральный коридор и часть стен были расщеплены в горячем ярком свете за мгновение.

Причина же этой казни была не в праведной злобе или стремлении заглушить боль, пусть таковые варианты имели под собой вес и рассматривались Бэккером с Юстом, лишь наблюдающими за всем со стороны. Истина этого преступления крылась в другом: Петя впервые захотел убить. Сам, целенаправленно, не через случайность или вторые руки, нет – строго он и человек. За последний год не просто привычка винить себя за смерть, именно что обвинять само свое существование в гибели людей укоренилась в нем слишком сильно для простого отказа этой ставшей на основе фактов идеологии. Теперь он действительно убийца, тот, кто забирает жизнь по своей воле. Никто уже не отнимет у него эту роль, иной которой он и не знает. Думать об убитых он не собирается – эти люди если и хотели жить, то вряд ли заслужили. Петя не хочет переваривать услышанное и переосмыслять последний год жизни. Сам процесс усвоения новых вводных оказался ему непосильным из-за отсутствия веры в надобность этого процесса, как и в наличие необходимых сил. Больше его ничто не связывает с этим миром.

Путь до вокзала открыл выжившим изменчивость настроения самого времени, мгновенно рокируя бесконечность и скоротечность, создавая благоприятную почву для цветения дезориентации. Они уже не бежали, скорее ковыляли: Оскар придерживал Ингрид, компенсируя ее ушибленную правую ногу, Настя же отдала весь ресурс на концентрацию ради работы на опережение, выискивая врага в окружающей пустоте, передвигаясь хаотично в разные стороны. Никто ничего не говорил, слова Оскара были последними, утонувшими в его усталости. Кое-где встречались остатки недоеденных тел, местами даже экскременты, но почти на каждом строении были следы от когтей и зубов в областях дверей и окон. Все эти квадратные здания в десять этажей имели производственный характер, где-то была строго ручная работа, где-то конвейерная, начиная от ручек, заканчивая запчастями для ремонта транспорта или тех же лифтов. В общем, этот тесный кусок территории имел большое значение, только вот сейчас от ранней гордости за грамотную планировку не осталось и следа. Теперь здесь был страх, ведь нападение врага может случиться откуда угодно, дороги строго для грузового транспорта, расположение сеточное, но слишком много окон, чтобы за всем уследить.

Они останавливались, поражаясь пустым длинным улицам и тишине никогда не спящего места под открытым небом. Иногда были крики людей, иногда монстров, но самое страшное – приступ паники. Один раз пришлось успокоить Ингрид, другой – Оскара, почему-то, по его словам, посчитавшего, что Томас и Менард были ими упущены из вида, следовательно, надо вернуться и найти их. Мгновения, но очень сильные, бьющие по восприятию того самого времени. Особенно сильно влияла путанность, ведь они плохо тут ориентировались из-за редкого посещения этих мест. Вроде бы все ясно: позади доносится шум первой и последней войны Монолита – значит, надо идти строго на восток... Но глубина района ломает звук, усталость мешает мыслить, горе отнимает волю... Долг двигает их вперед. Связанные единым долгом перед мертвыми, трое выживших смогли не попасться на глаза ни одной особи, прыгающей по крышам, рысущей со злобным оскалом. Переждав момент, они вышли из строения, куда не заходили глубоко, и скорее побежали вперед по улице, твердо следуя примеру их друзей столкнуться со смертью в бою, нежели быть застигнутыми врасплох. Да, рискованно, но если им и придется здесь погибнуть, то только на их условиях. Все это неопределенное время они не говорили, научившись понимать жесты и взгляд столь точно, что, когда вокзал показался впереди, никто и слова не сказал в момент вспыхнувшей надежды. Но куда важнее стала их встреча с человеком внутри вокзала, чье состояние

также было окроплено влиянием созданий. Поезд уже стоял на платформе, двери открыты, три вагона устремлены в сторону Тиши. У самых крайних, ближних к вокзалу, дверей стояла Люба, и, пожалуй, все трое поддались бы удивлению и остановились до выяснения подробностей ее присутствия, если бы не внезапный рев особей, сигнализирующий о нужде отъезда. Только они сели на ближайшую скамью в поезде, как Люба, используя напульсник, который просто держала в руках, запустила движение транспорта. Первую минуту все молчали и выжидали возможного столкновения с настигнувшими созданиями, но врага не было, путь их следования ожидался без происшествий.

– Нужно сказать им... сказать, что мы добрались... – Настя проронила это для себя, руки уже потянулись к напульснику, как Оскар остановил ее.

– Если звук включен, мы можем выдать их позицию. – Взгляды Насти и Оскара соединились в смиренную скорбь и благодарность жертвам Томаса и Менарда. – Надо уважать их волю.

Настя с трудом кивнула, ненавидя саму нужду принимать новые и новые жертвы среди ее близких, принимать безысходность, принимать боль в распорядок дня. Она посмотрела на Любу со всем возможным отвращением.

– Ты что здесь делаешь?

Люба отдала им большую сумку, вскрыв которую Оскар обнаружил медицинский пакет, еду и воду. Настя сразу же

взяла медикаменты, подготовила три стимулятора для инъекционного пистолета, после чего кожным тестером проверила их показания, дабы не усугубить состояние организма, и сразу же ввела себе, потом Оскару и закончила на Ингрид дозу питательных и бодрящих витаминов. Все произошло быстро, Настя работала на автомате. Ингрид же ушла в себя, поддаваясь гнету вины от всего происходящего. Оскар сидел смиренно, смотрел на Любу все это время, борясь с подступающей правдой об отце, давая себе легкую надежду на иную участь главнокомандующего. Люба же, вопреки ее неестественному для иного человека одновременно властному и доброму взгляду больших глаз, не спешила, разрешая выжившим освоиться с переменами. Когда Настя закончила, то выпила воды, передала ее Ингрид и приказала пить, причем строго, без колебаний. Оскар и Ингрид чуть приободрились за счет инъекций, а вот Настя совершенно бесстрашно и даже нагло обратилась к Любе:

– Что ты знаешь про Бэккера?

– Мой опыт не позволяет делать выводы раньше прямых ответов на претензию. Твое желание найти его имеет с моей стороны полновесную поддержку. Разделяю веру в людей не меньше приемлемой в доступности точки восприятия. В этом я готова помочь так же, как и с биологическим оружием, ради которого мы все здесь. Но я не совсем понимаю, почему ты спрашиваешь у меня про Бэккера.

– Больше не у кого. – Люба молчала, взгляды их продол-

жали удивлять равнозначностью сил. – Ты единственная чужая после Бэккера. Ты единственная, о ком сам Бэккер ничего не знал. Ты единственная, кого главнокомандующий выслал нам в помощь.

– Я бы задал вопрос иначе: почему мы должны тебе верить?! – Оскар сидел все время посередине, прямо напротив Любы, Настя была справа от него, Ингрид слева, сторонясь этих разговоров под натиском пережитого.

– Ты не это хочешь знать. – Тонкое сочувствие пропитало этот разговор чем-то тяжелым. – Я здесь, потому что эвакуации недостаточно. Оставшихся созданий будет необходимо устранить с сохранением максимальных единиц среди выживших.

– Что ты имеешь в виду? – Настя возглавила всеобщее непонимание. – Как это «оставшихся»?

Люба долго подбирала слова, что придало ответу высочайшую ценность. А потом случилось то, чего она сама искренне надеялась не увидеть вживую. Глаза ее остекленели, испугав каждого достаточно, чтобы, последовав за ее вниманием, лишиться остатков контроля и поддаться чудовищной, ранее невиданной панике. Поезд в это время делал небольшую дугу мимо гор справа, открыв слева вид Монолита. На фоне черных туч летела ракета с ярким хвостом. Выпущена с севера, недалеко от взлетной площадки звездолетов, которые все еще грузили людей. Удар пришелся в основание западного блока. Взрыв сначала ослепил, землетрясение, на-

чавшееся от попадания, продолжалось до момента полного обрушения целого здания вниз, застелив пылью и осколками Монолит. Соседние строения, как и большая часть фермы и леса, сгнули под взрывной волной, огнем и обломками целого блока, чья эвакуация не была завершена. Десятки тысяч людей разделили участь противника, отдав свои жизни ради спасения меньшинства. Когда все закончилось, образ и детали были столь сильны в памяти, что хотелось вырезать их дочиста. Шокирующий гул страданий разнесся по планете, словно болезнь, отнимающая последнее хорошее, что осталось в людях к этому моменту.

Поезд продолжил путь без заминок. Все вернулись на свои места уже другими людьми. Ингрид трясло в ужасе, Настя не могла найти места и стала ходить по вагону, крича и ударяя все, что попадалось на глаза в панические истерики. Оскар же сдерживал в себе слишком много, отчего искренне пораженная событием Люба с сочувствием и неестественной осторожностью заговорила с ним:

– Он был единственным, кто мог принять это решение. Его жертва сейчас – твоя победа потом. Ты – тот, кто давал ему сил, потому что ты – его будущее и наследие. Отец и сын – едины в своей судьбе. Ты знаешь это лучше любого.

– Что?! – Настя подошла ближе, готовая вцепиться в Любу со всей своей злобой, но Оскар взял ее за предплечье, чтобы остановить на полушаге.

– В государственный блок проникли особи. В лаборато-

рии вчера был взрыв, большой кусок временной стены на момент ремонта был упущен особями в первый раз. А может быть, в этом была их стратегия. Я не знаю. Маленькая ошибка. Но важная. Доказывает, что мы не монстры. Люди совершают ошибки. Но твой отец не ошибся насчет тебя. Твой отец не бросил своих людей. Не бросил Монолит. Он выиграл нам время. Теперь нам нужно достать оружие и убить остатки.

Оскар отдавался всем тем неподвластным его контролю изменениям, начатым еще в момент прощания с отцом во время их последнего разговора. Он еще не осознал даже и половины того, кем теперь ему предстоит стать... продолжением его отца, отдавшего свою жизнь ради человечества чудовищным способом. Люба и Оскар молча сидели и смотрели друг другу в глаза без движения или реакции на гневающуюся Настю и панику Ингрид. Оскар осваивал факт гибели его отца столь же болезненно, сколь и отчаянный акт перелома войны в пользу людей. Отныне он не просто предоставлен сам себе: бремя, которое он не может не нести в память об отце, обязывает к большей ответственности, чем он может пока осознать. Столь сильная вера отца в сына сформировала спасительную веру в самом сыне. Люба видела зарождение этой веры и изменение под ее влиянием Оскара, только-только ступившего на свой истинный путь. Ей нравилось это наблюдать – этакое проявление удивительной гибкости самой жизни, формирующей внутри живых существ новые

элементы для взаимодействия с изменяющимся миром.

Ее заперли в клетке, словно животное. Вместо простого разговора Катарина плюнула в их зародившуюся дружбу и разрушила и без того хрупкий союз, чтобы сохранить свою власть. Вот так просто: стоило задать один лишний вопрос, как фальшь слетела с лиц, оказав услугу правдорубцу. Рода кричит, бьется о стены, превращаясь в сгусток праведной ярости, жаждущей отстоять свое право на жизнь посредством доказательства силы. Она разбивает кулаки в кровь, бьется головой о стены, еще больше травмируя и без того еле живое тело. Волосы уже закрыли все ее лицо, свисая черными грязными прядями до подбородка. Она ненавидит себя за слабость, ибо сдалась даже без боя. Она ненавидит себя за доверие к Катарине, все это время пользующейся ею ради чуждых целей. Она ненавидит Настю, что та бросила ее, как и всех из Техгруппы, потому что одиночество делает сейчас больней всего. Она все бьет стены, плачет и кричит в истерике столь невыносимой, сколь пугающей и ее саму, словно она стала ураганом безграничных метаморфоз из пугающих мыслей. Растерянная, одинокая Рода вынуждена отдаться злобе, услужливо послабляющей всю ту боль от потерянной, самой обычной жизни.

Ориентиры разрушены, координаты отсутствуют. Она не

знает, кому доверять и стоит ли вообще что-то делать, ведь добиться какой-либо цели в одиночку не получится, к тому же у нее попросту отсутствует понимание добра и зла. Куда же все растерялось? Как она довела себя до такого? Неужели пути к нормальной жизни больше нет? Каждый новый вопрос лишь путал ее в бесконечных вариантах ответов, не подкрепленных ничем, кроме домыслов. Ей тяжело дышать, слабость роняет на пол, при этом сердце стучит наперегонки с потоком разрозненных мыслей. Рода лежит на бетонному полу, но не может ни расслабиться, ни отдохнуть. Все тело пульсирует болью, из-за чего невозможно быть статичной, – приходится постоянно переворачиваться, двигая конечностями в хаотичном порядке, борясь с невозможным раздражением. Единственный выход нашелся в превращении себя в единый сгусток – она села в углу, прижала ноги, спрятала голову в коленях и обхватила ее руками. Кулаки почти не разжимаются, каждая мышца затвердела, воздуха все еще не хватает. Сквозь грязные волосы она видит свою камеру чуть по-другому – как личную обитель, безопасное поле для маневра. В углах между потолком и стенами замечает грязь и повреждения – это результат ее тщетных попыток затемнить это место и растаять в черноте. Впереди стена, все эти камеры одна к другой в недлинном коридоре. Она помнит, что ее притащили в центральную, одну из пяти. Слева кто-то заговорил, очень осторожно – этакое рассудительно повествование... о чем-то недоступном ей даже в распозна-

нии, казавшееся и вовсе лишь вымыслом. Интонация, ритм, да и сам голос были приятными, убаюкивали, словно приятные звуки природы, отчего она стала немного расслабляться. Но, когда слева прозвенел другой голос, дерзкий, язвительный, с издевкой, но и веселый, Рода все же осознала, что она тут не одна.

– Не слушай этого фанатика. Суть его глупа, да манеры фальшивы. О, завернул как. Лучше ты скажи что-нибудь. Например, за что Катарина тебя сюда сослала?

Рода молчала.

– Давай подумаем вместе, а то мне скучно немного, уж точно не бредни Наставления слушать. С ними вообще сойти с ума можно.

– Твой низкий ум и слабая вера показали твои заблуждения низвергнув до роли тех, чьи жизни ты считал ниже своих. Очень скоро ты...

– Ой, да заткнись. Сам сидишь рядом со мной, великий Наставник, а на деле признанный преступник.

Чуть помолчав, Директор отдался сокрушительному разочарованию:

– Я знал, вот знал, что рано или поздно так и будет. Долбаная Катарина! Так что, Рода, ты бы не винила себя почему зря. Она баба хитрая, работала с Опусом, Козыревым, даже составила конкуренцию твоему отцу, между прочим. Жаль его, хороший мужик был. Если бы он был жив... да, спуску он ей не давал, тут уж не отнять.

– Наше с тобой место именно там, где и должны быть. – Наставник неизменно следовал своей вере.

– И как это... а, забей, даже знать не хочу. Мне все эти твои верования – лишь зуб больной, да все вырвать никак.

– Перестройка не бывает тихой. Оставшемуся большинству нужна будет новая координата путей жизни. Но гул перемен слишком силен своей историей. Эхо будет долго отражаться от воли умов. Как в тихой тьме были сформированы нашими прародителями люди, так Наставление было нашей координатой жизни, ведущей оставшихся среди влияния разрушительного шума перемен.

– Только не говори, что ты здесь, чтобы в тишине создать нечто новое, чем поделиться с теми, кто останется после всего этого!

Наставник так ничего и не ответил. Внезапно все ощутили небольшое землетрясение. Неизвестность их подтолкнула к ошибочным выводам.

– Воу! Похоже, у нас пробитие Тиши! Спасибо Катарина! – крикнул он в воздух. – Что муженек твой псих, что ты, лживая мразь! Слышь, церковник, поведай-ка, как твое новое начало связано с тем безумием, что Клот учудил?! А, это другое, это во благо, я понял, точно, как же такое не понять! Ты умело шансом воспользовался, отличная работа!

Тишина долго не продлилась.

– Рода, если хочешь знать, кто реально виноват в смерти Андрея, то это Клот и Катарина! Андрей и эта мелкая его,

Настька, точно не допустили бы его самовольства, если бы, правильно, не помощь со стороны. Например, родная жена помочь может, которую Андрей сослал сюда после Немого крика. Как говорят стены, официально, по слухам, она была еще той занозой в его жопе. О, еще вспомнил, она же так и не развелась с Клотом! Держала паренька на привязи, а тот и рад был, ибо баба хороша собой, что для дурака смерть в любви. Он шпионил за Андреем, она строила планы завоевания. Выждала момент и пошатнула власть Козырева, да и еще устранила твоего отца. А теперь создаст оружие против врага, возымев крутой статус спасительницы, чего, как ты уже догадалась, Козырев обеспечить людям не смог. Поджигатель и пожарный в одном лице. Bravo, Катарина!

– Зная все это, можешь ли ты и дальше отрицать слово свидетеля?

– И минуты не прошло. Дак а толку, нам все равно конец. Если у них получилось поймать тварь, то теперь у Катарины вся власть, а если нет, то скоро придут остальные и нас сожрут.

– Ты так и не понял. Цивилизация достигла предела.

– Пф, какой неожиданный вывод.

– Мы сейчас в самом безопасном месте. Перестройка мира идет своим чередом. Всегда есть естественный враг. Сейчас он очищает верных от неверных. Слово свидетеля оказалось правдой, хорошее доказательство состоятельности Наставления.

– Ага, супер. Вот бы нас тут еще не забыли. Хотя, может, так и лучше, не будем сожраны с потрохами. Эй, Рода, ты если вдруг попадешь ко мне в кабинет, то там есть секретная контрольная панель, специально установил, когда Катарину сюда приткнули. С ее помощью все двери тут откроешь. Если электричество будет. Считали меня глупым и наивным, типа, держим для прослойки и отвлечения – ага, счас! Она находится под стулом, там снизу стульчака встроена пластина, пароль по порядку цифр от одного до девяти, все просто.

– В стуле?

– Так, молчать там, священник толстожопый. Моя хитрость нас и спасет, в отличие от твоего Наставления.

– Ты лишь подтверждаешь мою правоту.

– Хочешь еще одну «правоту» – ну и словечки у тебя – с нами уже давно сотрудничает третья сторона. Прямо там, в Топи, есть кое-кто, но я с ним не общался, меня не подпускали к делам больших дядь и тетя. Вот с ним Катарина и строила козни, чтобы отомстить за смерть. Ты не знала? Катарина же ребенка потеряла. Еще до родов, здесь, на Коме. Вот и пыталась с Петром в мать-природу играть, ставя опыты. Так если подумать, то даже жаль ее.

Недолгая пауза как-то успокоила настрой Директора.

– Знаешь, священник, я согласен с тобой. Пусть ураган перемен все сотрет, очистит говно от цветов. А то вот я думаю... и... все хотят одного и того же ведь: долго жить и плодить жизнь. Созидательные мотивы. Но почему-то эта

по праву хорошая цель не объединяет нас... Столько сторон конфликта гоняются за одним и тем же, ради одного и того же. Даже с особями, которым плевать, кого жрать, мы все равно грызем друг друга. Раз не способны объединиться перед глобальной угрозой... забыть распри и простить обиды... М-да, мы явно свернули где-то не там.

Несколько минут тишины были самыми трудными по причине горького разочарования в бессмысленном разобщении. А потом открылась дверь в этот недлинный коридор. Мимо камеры Директора прошел Надзиратель, даже не остановившись на восклицания заключенного. Встав перед камерой Роды, Надзиратель произнес кратко и строго:

– Катарина тебя ждет.

Ему не нравилось тут быть, не нравилось все это делать, весь его вид кричал о вынужденной злобе в адрес всех и вся, дабы сделать ту работу, которую он делать должен. Рода же была податлива, стояла, словно безвольное существо, ожидая указа хозяина. Голова опущена, волосы скрывают лицо, колеблющиеся в треморе руки и слабая осанка поддаются гравитации. Камера открылась, Рода вышла, Надзиратель приказал идти вперед, она пошла. Когда миновала камеру Директора, тот еще раз окликнул Надзирателя, гневаясь за его покорность той, кто предаст его так же, как и всех. Реакция была получена.

– Слушай сюда! – рычал Надзиратель, глядя в бесстрашные глаза Директора. – Если бы все было просто, то и ты

бы справился. Один из блоков пал, Монолит, считай, разрушен! Я ненавижу то, что приходится делать. Но я знаю общую картину, и лучше я сейчас сделаю необходимое, пусть и ужасное, чем потом не смогу найти ответа на вопрос: «Почему ты ничего сделал, когда мог?»

Раз уж Роду поместили в камеру, словно зверя, чьи пределы возможностей пугают своим естеством, то она будет этим зверем. Цивилизация достигла предела – теперь, в очищающем огне, возродится новая основа, развитие которой начинается с признания своего естества. Ускользающий момент был ею пойман и обуздан. Рода накинулась со спины на Надзирателя. Вцепилась зубами в его шею со всей возможной силой загнанного в угол монстра, сжимая свои челюсти все сильнее и сильнее, прокусывая плоть все глубже и глубже. Лишь с третьего удара по ее голове кулаком он смог оглушить и откинуть ее назад, но было уже поздно. Обильная потеря крови победила силу характера. Надзиратель лишь успел взглянуть в глаза Директора, захлебываясь в своей крови, падая на пол, пытаясь сказать одним последним взглядом: «Мне очень жаль». Жизненная сила иссякла, тело так и осталось лежать на полу. Шокированный Директор постарался взять себя в руки, Наставник в это время молчал. Пробирающая до мурашек тишина усилилась в момент появления Роды. Она встала над телом, осмотрела его, потом села, взяла пистолет, уверенно и осмысленно проверила его карманы на содержимое и нашла карту доступа. Не успел

Директор попросить открыть камеры, как Рода уже скрылась из виду.

Юст остался на полуразрушенной базе, чья центральная треть почти стерта в порошок вместе с содержимым. Даже от Саши, Леши и Ковака ничего толком не осталось. В мгновение их жизни оборвались, став символом смерти Петинной жизни на Коме. Этот ранее ранимый добрый здоровяк более не подавал признаков человечности, лишь молча следовал указанию Бэккера, скрывая лицо под маской. Путь он и не говорил, но Юст и Бэккер чувствовали, как его решение убить людей и забыть с этим прошлое жизненно необходимо, иначе даже самая малая попытка пересмотреть настоящее от открывшегося прошлого может либо свести его с ума, либо забрать последнюю волю к жизни. Вдруг то была не вся правда? Или же они специально лгали? А есть ли вообще шанс узнать все стороны той ужасной, сформировавшей в нем другого человека трагедии? Петя устал, ценность потеряна из-за непонимания конечной цели этих переосмыслений. Даже если он все узнает и найдет доказательства, то... Все эти размышления будто бы слышал Бэккер, смотря на него с осторожным любопытством. Новые данные разрешают моральную дилемму Осколка: стоит ли прыгать в прошлое и менять его? Вновь. Менять его вновь. В моменте Петя обдумывает напрашивающийся сценарий. Бэк-

кер и присоединившийся после осмотра развалин базы Юст ждут решения на вполне легкую по замыслу задумку переписать чудовищно несправедливую историю годовалой давности. Петя все стоит и стоит, позволяя неожиданной пустоте освоиться в нем и изгнать любые сомнения за ненадобностью. Петина голова повернулась к Юсту, потом к Бэккеру. Скрытое лицо вдруг стало им недоступно в понимании состояния.

– Куда идти? – Голос его был опустошенным, смирившимся и равномерным. Совсем другой человек, без привычного мягкого сочувствия в тоне. Но это было не подавление или меньшее зло, нет. Как раз наоборот, он ощущал себя свободным от всего и вся. Все так запуталось, что для понятия и принятия новых вводных ему потребуется слишком много сил и времени, но за неимением конечной цели этого неблагодарного труда Петя просто отпускает эту историю. Все уже свершилось. Изменения лишь усугубят и без того невыносимый в понимании причинно-следственных событий человеческий фактор. Он устал от этого. Хватит с него. Он убийца и разрушитель, а такому человеку думать не обязательно. Надумался уже. Поход Бэккера ему прост и понятен, как и его роль в нем.

Никто не жалел о содеянном. Вся работа этих людей и им подобных, как и жизни, – часть замкнутой системы, пожирающей саму себя из-за отсутствия цельного видения будущего. Прошое не должно мешать, особенно такое, особенно

на финишной прямой. Можно было бы устроить Коваку допрос со всеми вытекающими последствиями его допустимой лжи, но обременять себя новыми вводными попросту нет ни смысла, ни желания. Что бы ни происходило на Опусе, после окончания похода Бэккера все они предстанут героями.

Примерно половина базы уцелела, так что Юст остался изучать остатки. Не успели Бэккер и Петя толком уйти, как первая находка уже принесла пользу – роботы. Две штуки, потрепанные корпуса, понятное программное обеспечение с удаленным управлением. Юст даже удивился, как мало отличается система от той, которую ему годы назад предоставил Андрей. Раз уж Бэккер осведомлен о необходимости погрузиться на дно огромного озера, то применить двух роботов будет кстати. Они небольшие, размером со среднего человека, причем у одного лицо более-менее сохранилось, самое непримечательное и скучное, даже без бровей, лишь потертости на лбу и щеках. Второй же был как есть, с плоским металлическим лицом без глаз и губ.

– Думаю, они выдержат воду, иначе бы и в этой глуши развалились. Как минимум хорошая разведка. Вот пульт, тут можно следить за их статусом и простые команды давать, если голосовые не услышат.

– Будем на связи.

– Надеюсь, они тут действительно были лишь втроем.

Без лишних слов они покинули Юста. Путь до озера оказался не таким и длинным, тропа уже была сформирована

ныне почившими остатками Техгруппы. Роботы шли первыми, как оказалось, в пульте управления были прописаны точки координат для повторного посещения – озеро было одним из них. Уже через полчаса перед ними предстал совершенно непривычный, заморозивший вопреки всему пережитому вид.

Водное полотно до горизонта, где лишь чуть-чуть видны границы почвы, как и по бокам. Теплый ветер и девственные звуки, влажность чистого воздуха, покой воды и сам масштаб – все это казалось инородным, обескураживавшим своей красотой и естественностью, портить которую личным присутствием совсем не хочется. Пораженные такими природными проявлениями, они ощутили прикосновение чего-то столь прекрасного и невинного. Петя зашел в воду до колена, прекрасно зная о герметичности костюма, на чем при модификации настоял сам Бэккер. Он выглядел и ощущал себя неестественно расслабленным, этакий одинокий воин, повергнутый лишь тишиной мира. Этот собранный из разных кусков, кривой и страшный грязный робот в два с половиной метра выглядел странным дополнением к красивому виду под безоблачным небом. Легкие волны привлекли Петю, и тот медленно опустил голову, только ее, оставив тело недвижимым ни на сантиметр. Ему хочется снять эту броню, упасть туда и исчезнуть в объятиях чего-то нового, противоположного грязному Монолиту с Авророй и тому грубому песку и тяжелому воздуху. В такой момент ни о чем не

хочется думать или переживать. Если бы ему предоставили выбор, то он хотел бы умереть прямо здесь, замороженный моментом истинной красоты жизни. Умереть в гармонии с самой природой, Вселенной и собой. Тихо и мирно встретить объятия смерти в одиночестве, наконец-то прощаясь с несправедливым поломанным миром.

– Вот бы увидеть здесь восход солнца... – произнес Петя вслух наивным тоном, представляя соприкосновение первых лучей на горизонте с водной гладью, предшествующее приходу звезды, чье тепло он бы хотел ощутить перед падением в воду. Если все получится, то здесь он и умрет. Хорошее место. Осколок может ему в этом помочь, когда дело будет сделано. Он переместится сюда и закончит свою историю.

Бэккер стоял на берегу, метрах в десяти от Пети, не вмешиваясь в его покой. Он и сам поддался умиротворению, забывая войну и все из нее проистекающее. Здесь все кажется таким простым... Но только в отличие от Пети Бэккер не мог наивно лицезреть это место. К сожалению. Хотя, скорей всего к счастью, он знал: вся эта идиллия лишь поверхностна, лишь прикрытие. Там внизу лежит Осколок. Разрешая Пете отдыхать перед самым трудным, Бэккер отправил роботов, чьи тела медленно вошли в воду и погрузились на километровую глубину. С самого погружения на пульт передавалось изображения с их глаз и подсветкой из макушки головы во все стороны. Когда же они добрались до дна, Бэккер запустил сканирование для создания полной сетки поверхности.

План простой: сначала найти Осколок и забрать его, ну а после этого уничтожить все вокруг. Казалось, все проще некуда: инструменты есть, времени полно, осталось лишь немного терпения – и череда неудач в этом клубке причинно-следственных событий последних двух дней наконец-то придет к концу... Слишком много сил было потрачено на преодоление человеческого фактора, непредвиденных событий и того хаоса, который стал забегом всей жизни.

ПИСЬМО 4

Все кончено. Теперь понимаю. Было испытание. Если нет судьбы. То лишь эпилог. Прощание. Надеюсь, кто-то прочтет. Теперь это важно. Если же судьба? Нет. Ненавижу. Отказываюсь от этого. Хватит с меня. Пусть кто-то другой. Пожалуйста. Если поверю в судьбу, значит, надо идти вперед. Принять решение во благо. Разделить боль. Взять ответственность за чужую жизнь. Нести бремя чужой смерти. Пожалуйста. Я не хочу. Хватит. Почему я? Лучше тебе не знать. Но я отказываюсь. О чем я пишу? Сейчас узнаешь. Пишу для доказательства. Потому что не хочу обвинений. Шансы малы. Но вдруг. Порой одно слово хуже бактерии. Но сейчас лишь докажу свою силу. Надо идти против. Иначе страх станет судьбой. Итак. Вот она, причина. Но помни, я лишь эпилог. Запишу, и все. Мое влияние дальше не идет. Мой выбор. Ненавижу судьбу. Извини. Легко отвлечься. Злость сильна. Страх еще сильнее. Ее имя Катарина. Женщина не из пустыни. Женщина на путях. Она бежала из Тиши. Медведи успели первыми. Что хорошо. Минус моя вина. Никто не обязал меня спасать. Лишь пишу. Сводки. Не более. Так вот. Мой путь пусть и был быстрым, но недостаточным. Голова гудела от мыслей. Эта женщина с роботом. Все неправильно. Должна быть ошибка. Все должно было быть не так.

Или так? Стоп. Никакой судьбы. Лишь события. Так вот. Извини. Буду отвлекаться. Имею право. Эта женщина виновата во всем. Просто знай. Я вне подозрений. Есть провокатор. Бэккер ничто. Слаб. Есть сильнее. Может, в этом суть. Все мертвы. Эпилог наших ошибок. Фрагмент вне времени. Так вот. Катарина. Она была рядом с путями. Вдалеке виднелась Тишь. Здание с тремя сторонами. Большое. За ним горы. Красивые. Катарина ехала на джипе. Не ехала – сбегала. Джип был перевернут Медведем. Сначала он догнал, потом ударил. Переворот. Потом Медведь сбежал. Был не голод. Исполнение команды. Все перед моими глазами. Мне повезло не встретить его. Тогда хотелось еще дойти. Ведь та женщина должна была быть там. У нее все ответы. У нее вся вина. У нее вся власть! Мое наказание. Видеть ее – мое наказание. Знать, что она жива, – мое наказание. Или урок? Этот вопрос пришел после Катарины. Та долго молчала. Думала, повезет выжить. Повезло. Она двигалась медленно. Была сумка в машине. Пыталась достать. Там и я. Ее испугало мое появление. Доверия не было. Но и выбора тоже. Мы были в небольшой низине. Легко прятаться за подъемами. Она многое рассказала.

Медведи напали на Тишь. Там у людей был последний дом. Крепость. Как и ожидалось. Защита внешнего от внутреннего и наоборот. Взаимная безопасность. Они устроили порядок. Ей помогали. Был провиант. Начались проблемы. Пришлось сократить людей. Сократить с возмещением.

Такое не должно быть среди людей. Люди людей не едят. Неправильно. Смерть на пороге все меняет. Они смогли продержаться несколько месяцев. Раньше не она была главной. Не совсем она. Был другой. Катарина сказала, что он улетел. Улетел на Опус. Корабль был один. Он забрал его и спас себя. Поговорить больше не получилось. Они выживали. Привыкли жить так. Катарина говорила, что ненавидит это время. Но и любит одновременно. Поняла ценность жизни. Ценила каждый момент. Ненавидела целиком. Любила мелочами. А потом пришли Медведи. Они напали стаей. Жестко, грубо, бесстрашно. Катарину успели спасти. Она удивилась. Пожертвовали собой. Некоторые пожертвовали собой. Не все желали ей мира. Но она успела уехать. Хотела переждать. Потом к горам. Там уже все было готово. Но она знала, в лоб нельзя. Могут последовать. Могут найти. Месть не знает усталости. Ей обязаны были отомстить. Вопрос времени. Она спасла им жизни. Но ценой других жизней. Потребление не всем было понятно. Жуткие решения ради завтра. Так вот. Катарина сказала, Медведи стали делать себе дом. Берлога. Около того. Они больше были внутри, чем снаружи. Словно осваивались. Может быть, спячка. Почему-то ей так показалось. Но она уехала. Уехала недалеко. Вопрос про женщину был закрыт. Женщина прибыла, осмотрелась, дождалась робота. Потом они исчезли. Катарина толком не поняла. События кусками. Время оставило шрамы. Много шрамов. Не только время. Но ребенок был цел. Раньше. Она

многое рассказала. Потому что умирала. Ранение было в боку. Она была беременна. Заметный живот. Точно половина срока. Может, больше. Уточнять не было смысла. Незачем. Она отошла подальше. Выше. Не без моей помощи. Выбрала место так, чтобы видеть даль. То, куда на самом деле хотела. Горы за Тишью. Там была зелень, воды. Катарина рассказала, что смогла сделать себе там дом. Очистка воды и переработка органики, цельный дом с парниками и крытой поляной. Уютное место, чтобы ребенок рос на природе. Там чистится воздух. Изоляция от всего опасного. В этом ей помог некий Андрей. Он был хорошим другом ей. Не знаю насчет личных связей. Спрашивать уже лишне. Но ребенок был зачат искусственным оплодотворением. Донора не знаю. Но Катарина очень особенно говорила про Андрея. Может быть, он. Может быть, хотела, чтобы был он. Катарина хотела уехать в дом уже скоро. Ей помогли с тем, что она назвала вакциной. Вакциной от опасности в природе. Понимаю ее. Проблема мне известна. Видимо, нашли решение. Но вроде бы временное. Пока что. Некто в Топи делал вакцину. Хотели дать ей. Помогали ей. Потом их предали. Забрали корабль. Бросили умирать. Вакцина пропала. Печально. Но шанс выжить был. Катарина умная, все продумала. Катарина сказала, что ее ребенок может обрести иммунитет. Было бы здорово. Она мечтала о ребенке. Никому не говорила. Ее мать отучила говорить об этом. Таковы матери. Мне ли не знать. Проецируют на ребенка себя. То, чем сами хотели быть. Мать Катарина

ны не хотела ребенка. Но так было нужно для статуса. Вот и создала несбыточное. Катарина стала трудоголиком. Хороший специалист. Мне так показалось. Фальшь видна. Здесь ее не было. Катарина боролась с воспитанием. Всегда хотела семью. Но шанс ускользал. Силы были спрятаны. Работа забрала все. Катарина была откровенна. Пугающе откровенна. Ее мать передала многое. Строгость, цинизм, толстокожесть. Одиночество. Катарина смогла это применить на благо работы. Но боролась с этим. Хотела быть человеком. Хотела быть лучше. Ее мало понимали. Сожалеет о жизни. Много упустила. Много испортила. Была слабой. Слабой внутри. Мало кто знал ее настоящую. Исповедь. Исповедь умирающей матери и умирающего ребенка. Жутко. Ненавижу. Если судьба хотела, то ненавижу не зря. Если случайность, то сейчас объясню, почему все равно ненавижу. Катарина показала фотографию. Показала, когда решилась посмотреть сама. Момент слабости, желание поднять память. Фото Андрея. Я знаю его. Такое лицо не спутать. Вроде бы простое, но знакомому с человеком не спутать. Запоминается. Андрей Дикисян. Катарина рассказала, что он мертв. Ужасная боль. Случилось не сейчас. Но она горюет. Скорбит. Скучает. Она выбрала место не просто так. С этого подъема видны скалы. Виден ее будущий дом. Видно то, чего она желала, но не получила. Почти. Очень больно. Хотела последнее – увидеть горы. Ее горы. Несбыточная жизнь. Упущенная мечта. Ее ребенок. Она хочет умереть там, где дом. Но не может. Если бы была

дома, она бы не боялась. Умерла бы счастливым человеком. Лишь последний миг важен. Знание в этот миг. Знание, что она там, где дом. Не в чужом месте. Не там, где она ничего не значит. А там, где ее будут помнить. Где она станет наследием. Где человек не будет чужим. Это была чудовищная боль. Прости, читатель, за откровение. Но это важно. Это откровение. Потому что Катарина умерла на моих глазах. Медленно, почти мирно. Потеря крови. Ее взгляд впился в скалы — туда, где был ее личный дом. В глазах была любовь, образ жизни, будущее и прошлое, пережитое в мгновение. Если и есть лучшая смерть, то такая. Раньше, в старых письмах было желание умереть. Они еще со мной, там аналогичная нумерация. Если найдешь, сам поймешь. Тогда был аналог решения. Почти. Но потом появился Бэккер. Дал сил, упрямости и воли жить. Превозмочь. Эпилог может быть жизнью. Эпилог показал мне новый путь, потом показал закулистье. Катарина доказала верность изначальной воле. Все было зря. Ну или нет. Если верить в судьбу, то сведения за эти дни должны запустить цепь. Новые причины и следствия. В моих силах придать знаниям волю и раскрутить действия вперегонки со временем. Я могу. Не буду. Теперь уже точно. Этот последний забег. Это последняя точка перемен. Хватит. Либо умереть Катариной, либо жить Бэккером. Выбор очевиден. Это мой выбор. Никакой судьбы. Этот выбор спасет. Спасет даже тебя, читатель. Если повезет, то ты прочтешь еще одно письмо. Последнее. То, где я поведаю доказательство правильно-

сти координат, приведших меня за эти дни именно к конечной точке, где смерть будет встречена с улыбкой.

Сразу после подъема на крышу по вертикальной лестнице внутри корпуса Катарина развернулась и увидела черный дым с распространяющимся пылевым облаком в стороне Монолита. Отсюда можно было разглядеть лишь макушки блоков, сократившихся на одну. Известия об обрушении поступили к ней еще в момент нахождения в кабинете, куда она вернулась с готовым образцом биологического оружия, на создание которого ушли последние три часа, и то, взяв за основу раздражающий монстров газ, чье успешное применение подтверждено Монолитом. Перпендикулярно корпусу вдаль уходила железная дорога между возвышенностями без признаков наличия врага. Шокированная разрушениями и испуганная масштабом угрозы Катарина заставила себя смотреть в другую сторону – ту, откуда когда-то началось строительство этой тюрьмы, изначально имеющей статус временного содержания рабочих и хранения ископаемых ресурсов. Обширное семейство травянистых возвышенностей и возвышенных гор с ручьями образовывало труднодоступную, поильную человеку плодородную землю, пусть небольшую, но идеальную для желающих создать семью людей. Если уйти вглубь, то можно дойти до места, где деревья и горы создают нечто цельное, защищающее обитателей у подножья от

всего мира. Но сначала надо преодолеть остатки раскопок: глубокие шахты и траншеи, изуродованные плотные породы. Этаким экзамен на силу, выносливость и терпение перед областью, где обычный человек не сможет противостоять убивающей его заразе, аналогичной Топи. Катарина слишком близка к решению этой единственной проблемы, чтобы сейчас сдаться или отступить: нужно лишь закончить войну с особями, путь к чему удивительным образом связан с возможностью безопасно жить в этих горах.

– Катарина!

Заглядевшись вдаль на место желанного обитания, подаваясь еще и своеобразному лечебному свойству от приятных мыслей на фоне разваливающейся цивилизации, Катарина не заметила появившейся за ее спиной Роды. Грязные черные волосы почти скрывали лицо, подчеркивая яростный взгляд с окровавленным ртом, а шрамы на лице от царапин лишь усиливали угрожающий эффект. На последних силах, которые поддерживаются животной злобой и слепой верой в свою правоту, Рода была опасней, чем когда-либо, за неимением страха перед смертью. Не на шутку испуганная Катарина уже хотела сказать что-то успокаивающее, даже извиниться за принятые ею решения, но Роду это лишь спровоцировало поднять руку и направить пистолет прямо на нее.

– Если ты здесь... то где же...

Катарина все поняла:

– Стой, пожалуйста, Рода, не надо. Давай поговорим, я же

могу все рассказать. – Катарина сама испугалась того, как страх перед этой девушкой окутал ее своей властью, приземлив ранее спасительный нрав и характер. – Ты злишься, я понимаю, мне не стоило тебя запирать, я приношу за это извинения, слышишь, я виновата. Но сейчас у нас очень важная работа. – Катарина показала кейс. – Здесь то, ради чего ты выжила, ради чего мы шли на ужасные меры. Рода, я правда забочусь...

Рода сделал шаг ближе.

– Убери пистолет. Рода, неужели ты готова убить меня? – Колеблясь, Рода все же опустила руку, но оттого палец бесконтрольно стучал по курку. – Я должна твоему отцу. Он сделал для меня очень многое, дал мне возможность начать новую жизнь. Андрей хороший человек, который любил тебя и заботился о нас. Я в долгу перед ним. И помочь тебе...

– Ты заперла меня.

– В безопасном месте. На тот момент у меня не было времени тебе все рассказать, счет шел на жизни. Тебе нужно было успокоиться, отдохнуть, и я была вынуждена так поступить с тобой. Грубо? Возможно! Но у нас получилось. Посмотрим. – Катарина показала кейс, чтобы та обратила на него внимание. – Здесь результат, Рода. За три часа такой результат – это удача. Государственный блок разрушен, всю инфраструктуру придется восстанавливать! Этот долгий день почти подошел к концу, Рода. Лишь сейчас в шаге от поражения у нас появился шанс на победу. Победу, которая до-

сталась нам благодаря тебе. Монстр последовал за тобой, и это дало нам шанс. Ты, твоя сила воли и умение выживать дали нам шанс.

– Заткнись!

Рода подошла ближе, пространство между ними сократилось до двух метров. Пистолет пугал Катарину, она уже начала оглядываться в поисках какого-либо решения, но тут Рода сказала то, чего она совсем не ожидала:

– Я видела запись. В кабинете была прослушка. Директор установил, чтобы иметь на тебя компромат. Он мне рассказал, как и Наставник. Они открыли мне глаза на всю твою ложь с самого начала! Я уважала тебя, ставила тебя в пример! А ты предала меня!

– Что... О нет... нет-нет-нет! Я даже не знала, что Наставник здесь... Зачем же тебя отвели именно к ним... – Катарина теряла контроль, утопая в панике, цепляясь за веру, что сможет донести до Роды правду, открывшись той с совершенной иной стороны. – Послушай внимательно. Директор просто хочет власти и ненавидит любое помыкание им, вот и все. Его поставили на эту должность для того, чтобы был удобный человек, который не будет задавать вопросов. Сначала он был не против. Но ему стало мало, и... Рода, прошу, не верь им, услышь меня! Они манипуляторы, которых ранее держали в узде Козырев и твой отец. Сейчас...

– Я их выпустила. Я выпустила их всех.

Катарина не знала, что сказать. Они долго смотрели друг

на друга.

– Рода, зачем ты пришла сюда? – Признаки здравомыслия кое-как виднелись, что дало отчаявшейся Катарине надежду на понимание.

– Цивилизация достигла предела. Все гоняются за одним и тем же... но почему-то воюют друг с другом, строят свои планы вразрез другим планам... стремятся к одному результату по одиночке. Твоя работа здесь и твой муж – тому доказательство. Блок пал. Монолит пал. Я освободила всех заключенных... умирать в клетке неправильно. И сейчас ты хочешь лишить нас шанса убить монстров. Хочешь отдать это Коваку. Да, я знаю про него и знаю, что он летит сюда. Лживая, эгоистичная тварь.

Разочарованный во всем, озлобленный на всех, потерявший координаты, одинокий, преисполненный горя и боли человек внушал Катарине неопишуемый страх.

– Ты права. Все так запуталось... Но в этом ужасе есть нечто светлое. – Катарина положила руки на свой живот. – Я беременна. Искусственное оплодотворение сработало. Пока что у меня все хорошо. Уже два месяца. Пожалуйста, услышь это, Рода, прошу тебя...

– Очередная ложь! Ты никогда не хотела детей!

Она не просто устала от водоворота лжи, где ориентиры правды потеряны навсегда: Рода больше не может выносить это все. В порыве неконтролируемого раздражения от очередной лжи Рода выстрелила. Катарина не успела ни возра-

зить, ни извиниться, ни оправдаться... Одиночный выстрел был точен, прямо в сердце. Не успев еще осознать, Рода уже кричала. С трудом она подошла к мертвому телу Катарины, на чьих щеках еще были слезы, а руки ногтями вцепились в живот. Чтобы все закончилось, надо было устранить провокатора, кем и являлась Катарина. Рода не сомневается в своем решении, пусть и ненавидит его. Был ли шанс все прекратить иначе? Рода бы хотела иметь на него силы, в момент ей казалось, что она готова просто уйти. Но когда Катарина выдумала ребенка... Такие люди иначе не умеют, даже если и хотят. Почему все не может быть просто? Почему люди не могут быть честными? Наставник был прав, все должно очиститься в разрушении – единственный шанс навести порядок. Рода садится на колени перед телом Катарины, закрывает той глаза, сжимает ее ладонь в странный знак прощания с некогда уважаемым человеком. Когда встала, наконец-то ощутила приятный ветер по всему телу, дарующий чувство свободы, лишь подкрепляющийся просторным видом впереди, позволяющий забыть весь этот день хотя бы на мгновение.

– Рода! – Знакомый женский голос вернул ее обратно в реальность. То была Настя, ошеломленная от состояния убийцы и тела жертвы. Слева от Насти вышли серьезный, готовый к бою Оскар и осторожная Ингрид, справа же Люба. Все они были без экзоскелетов, оружие было у Оскара, и то лишь пистолет. Они распределились почти равномерно, пробудив в Роде защитный механизм, безошибочно предвещавший скорую битву насмерть. Время словно замерло, сухой воздух показался еще суше, напряжение возрастало до ранее невиданных пределов. Рода ощущала себя не просто загнанной в угол последователями Катарины, появившимися здесь и сейчас явно непросто так: она знала – пришла сама мечь. Все было видно по глазам Насти и Оскара, некогда ее друзей, ныне ею не узнаваемых. Рода решительно готовилась к битве, пистолет в правой руке сжимался крепко, наготове прицельного выстрела, осталось лишь выбрать цель, поднять руку и выстрелить. Люба стояла в стороне, наблюдая с какой-то странной сторонней оценкой, словно ее тут нет и все перед ней не более чем спектакль. С другого угла стояла Ингрид, испуганная, подавленная больше остальных, она не желала проявлять свою волю, лишь поглядывала на Оскара и Настю, словно собирала фигуры на доске и пыталась найти там се-

бе роль. Настя была по центру, медленно подходила с присущей обстановке осторожностью, не только удивляя Роду бесстрашием, но и бросая вызов своим распахнувшим крылья характером и наконец-то расцветшей силой воли. Грязные от пыли, пота и крови, некогда золотистые светлые волосы были зачесаны назад и лежали плотно, открывая ее побитое лицо для зрительного контакта. Во взгляде не было и капли страха, но и не было осуждения, лишь тяжелое смирение с готовностью к любому исходу.

– Мы пришли за этим чемоданом. Нас прислал Козырев. – Настя говорила спокойно, смотря в глаза Роде, стоя ровно и твердо. В ее руках не было оружия, остальные остались позади. Весь мир затих, были лишь две давние подруги, чьи разошедшиеся пути сошлись слишком поздно...

– Утром ты сказала: «не верь Катарине», «ее преданность нашему делу под вопросом». – Лицо Насти исказилось в ужасе от этого забытого момента, а лежащее между ними тело Катаринины лишь усилило эффект этой трагедии.

– Да, я сказала. Этот день унес слишком много жизней.

– Я нуждалась в тебе.

– Я знаю. Этой ночью я была там. Видела, как эти твари вылезли из той пещеры, где твоя команда проводила раскопки. Меня предали, выпустили врага, а я не могла ничего с этим сделать. Эта война случилась по вине одного человека – Бэккера. Я забираю этот чемодан, мы убиваем врага, после чего я иду за Бэккером в Топи.

– Ты хочешь убить врага или спасти цивилизацию?

Они с минуту смотрели друг другу в глаза, принимая факт скорого окончания этой встречи.

– Цивилизация достигла предела. Мы заслужили...

– Может быть. Но мои друзья отдали жизнь, чтобы я тут оказалась. Я выполню перед ними долг. Иного не будет.

– Когда-то и мы были друзьями.

– И поэтому я прошу не мешать мне. Прошу присоединиться, чтобы заставить заплатить тех, кто...

– Кто показал нам всю нашу слабость! Эти монстры, кого ты называешь врагом, очистят этот мир от того бардака, который мы привнесли в него.

Настя с трудом выдержала услышанное, тяжело принимая изменения в Роде.

– Уже очистили... Рода, все кончено. Мы проиграли. Посмотри сама... Ты... Ты права, надо все очистить.... Очистить разрушения, чтобы начать сначала. Похоронить людей, сжечь врага, разобрать завалы и начать новую жизнь. И я хочу, чтобы ты была со мной, рядом. Потому что ты права, мы одиноки. Пора уже объединиться.

– Я убила...

– Вижу. За эти два дня я совершила ошибки, отнявшие куда больше жизней, чем одна. Рода, я не хочу мстить. Не хочу... чтобы и ты мстила. Мы не заслуживаем такой жизни. Ты не заслуживаешь такой жизни.

Сама того не заметив, Рода выпустила оружие из рук, сде-

лала шаг к Насте и почти упала в ее объятия. Охваченная тремором, слезами и подступающим процессом эмоционального раскрытия, она ощутила то удивительное чувство доверия, отдаваясь освобождающей истерике. Настя обнимала ее так крепко, как только могла, впервые за день поверив, что все худшее позади.

Крыша каждого корпуса Тиши была метров в тридцать шириной и два километра длиной, чего хватило для приземления неизвестного звездолета. Встав на путь искреннего примирения, Рода и Настя выпрямились в момент, когда Ингрид крикнула всем, что кто-то летит. Так что когда этот транспорт приземлился в метрах ста от них, Оскар задал Роде лишь один вопрос:

– Сколько у тебя патронов? – Рода лишь успела посмотреть на человека, которого узнавала еще меньше, чем Настю, как тот строгим, похожим на отцовский, мрачным тоном сказал:

– Стой справа и жди команды.

В его глазах Рода увидела праведное стремление к справедливости, отчего ей даже захотелось спросить у Насти насчет него, но увидела солидарность с его нравом. Позади нее была Ингрид, лишь успевшая сказать Роде:

– Спасибо. Я рада, что ты с нами.

А дальше Ингрид потеряла всю связь с ними, ибо увидела, как с опустившегося трапа медленно сошел тот, кого ей обозначили как Петю. Эта двух с половиной метровая массивная броня с закрытым лицом медленно сделала три шага от звездолета и остановилась. Все замерли в ожидании. На-

стя вызывающе стояла в центре, Оскар чуть левее нее, Рода и Ингрид – справа позади. Люба же, приготовившись снять перчатку с левой руки, продолжала аккуратно стоять за Настей, словно родитель, взирающий на работу дочери. Возрастающее напряжение лишь усиливалось в этой тишине, позволяя Роде ощутить блеклое единство с коллективом. А вот Настя и Оскар забыли о существовании всего, полностью отдавшись моменту личной претензии в адрес этого человека и того, кто наверняка ждет внутри звездолета.

Петя медленно поднял голову вверх, наблюдая за покидающим орбиту планеты грузовым звездолетом, спасшим последних людей Монолита. Потом он опустил голову и заговорил близким к безразличию тоном, словно проговаривает заранее заученный, набивший от бесконечного повторения оскомину текст.

– Отдайте то, что может убить хищников. Эвакуация прошла успешно. Спасать людей уже не надо. Я прошу мирно. Но я заберу его в любом случае.

– Вы работаете на Ковака? – Рода чуть выступила вперед, собирая в голове неприятную картину событий.

– Ковак мертв. Твой отец врал нам. От группы в Топи оставались в живых Леша и Саша. Я убил их. Базы больше нет. Мы забрали корабль. Заберем и оружие.

Ингрид медленно сменила Роду, та сразу же отступила назад, переглянувшись лишь с Оскаром, – Настя же вцепилась в Петю глазами животной злобы, слишком хорошо знакомой

ей. Ингрид подошла к Пете ближе всех, но он остановил ее в трех метрах, сказав простое:

– Стой.

– Покажи свое лицо. Я хочу посмотреть в твои глаза, Петр! – Ингрид была охвачена смятением. – Во что ты превратил себя? Зачем ты все это делаешь? Мне сказали, что ты пошел против Техгруппы и лично виноват в появлении этих существ. Я видела своими глазами, что они делают с людьми. Я была там! Прямо там, где упавший блок убил всех, кого я пыталась спасти! Кого я спасала, пока за мной не пришла Настя, чтобы я... Чтобы я попыталась достучаться до тебя! Я не понимала ее, но теперь все вижу... Ты закрылся этой броней... Зачем? Пожалуйста, ответь! Я оставила там своих друзей, свой народ, который погиб! Весь! Менард и Томас отдали свои жизни, чтобы я могла здесь оказаться! И вот я тут, вопреки всему я тут. И я спрашиваю тебя, Петр, мужчина, которого я люблю, которого всегда уважала... Я спрашиваю: зачем ты это делаешь?

Петя молчал. Причем так, как не должен молчать человек. Перед ними возвышалась скульптура, может быть, лишь просто робот, но не человек в привычном понимании.

– Если ты так решил отомстить, то я понимаю. Мы потеряли дочь, все от нас отвернулись. Мы сами отвернулись друг от друга. Но убить сотни тысяч людей... Все эти монстры не различали хороших и плохих, взрослых и детей, слабых и сильных...они лишь жадно ели. И сейчас, когда наконец-то

получилось создать оружие против этих монстров, ты решил отнять его у нас? Петя, послушай внимательно, мы еще не проиграли лишь потому, что живы. Не отнимай остатки...

– Я не отнимаю. Люди спасены, эвакуация закончена. Опус предупрежден. Нам оно нужно, чтобы защитить себя от угрозы.

– Так помоги нам. Хватит распрей. Раз мы хотим одного и того же, то самое время...

– Это не так. Мы хотим не одного и того же.

Ингрид молчала, ожидая новых откровений мужа. Минута за минутой ей казалось, что вот-вот – и этот человек раскроется, покажет свое истинное, знакомое ей, человеческое лицо, но он не двигался. Она безуспешно пыталась увидеть его лицо через непроницаемую цельную маску, что-то придумать, пробиться к его доброте... Но чем больше пыталась, тем трудней становилось разглядеть в этом смысл.

– Я весь этот год думала, почему же наша дочь погибла, а я нет. Почему? Почему тот, кто достоин жить, умирает, а кто заслуживает смерть – продолжает жить? Отвечай! За что ты так со мной? Если ты хотел мне отомстить, то у тебя получилось! Пожалуйста, хватит молчать, скажи что-нибудь! – Ингрид стала бить кулаком руками, тратя последние силы вместе с волей к жизни. Когда истерика закончилась, яростные крики стихли вместе с упрямством, то с каким-то пугающим смирением заговорила иначе:

– Возможно, я выжила ради этого момента. Потому что

все погибли, Петя... все. Так что если это не так, если я выжила случайно и мои слова не имеют смысла, то лучше бы я осталась там и умерла вместе с людьми, которым была важна, которых лечила, которые...

– Да. – Слово это испугало всех до дрожи не просто так. Его тяжесть и глубина оказались не менее искренними, чем удар правой рукой по Ингрид. Неожиданно быстро большая железная рука сделала дугу, в мгновение размолов кости Ингрид, чье уже мертвое тело упало с крыши. Смерть наступила мгновенно, тело упало за стеной. Никто не шевелился, все были в ужасе.

– Чтобы исполнить предначертанное, я должен смотреть поверх жизней людей. Я должен быть готовым к смерти. Мне нельзя отвлекаться ни на что. Мне нельзя верить во второй шанс. Мне нельзя получить прощение. Я убийца. Ее смерть позволит убить другого.

Трепещущий страх перед этим существом подтолкнул саму Любу на вовлечение в это странное противостояние посредством единственного способа нейтрализовать этот механизм по аналогии с тем, как она разобралась с Безликими. Но нужно было подойти поближе, чего сделать не удалось по причине внезапного появления человека за спиной Пети. Он начал выходить неспешно, но не успел и слова сказать, ибо разъяренный Оскар открыл огонь на опережение, успевая уловить траекторию того, кого заведомо заклеил Бэккером. Все произошло быстро, громко и жестоко. Рода уже

хотела сама присоединиться к этой казни, но Оскар успел ладонью пресечь это решение. Уже когда тело упало, все увидели не Бэккера – Юста.

Тот хотел выйти и поговорить, привнести что-то разумное в тупиковый разговор, но сделал все поспешно, не учел переменных. Две пули из шести выпущенных попали в грудь, остальные в руки Юста, успевшего хоть как-то закрыть ее в испуге. Захлебываясь кровью, он умирал так быстро, что лишь успел взглянуть на небо, так и не произнеся ни слова. Петя в это время не двигался, будто бы рядом стоял обезличенный манекен с нулевой функциональностью. Настя не стала бежать к Юсту, не стала кричать или злиться... ее сковало принятие справедливой казни. В тот же момент, стоило Роде подойти к ней, машинально вызываясь помочь, как та очухалась, удивившись своему мимолетному пугающему безразличию к праведному наказанию преступника. Влияние Роды подвигло что-то предпринять, ведь вдруг его еще можно спасти, да и внутренний инстинкт заботы подал признаки жизни. Но было уже поздно: рядом с мертвым телом Юста появился Бэккер. Он посмотрел на Настю, и та потеряла дар речи, потом кинул ей под ноги рюкзак, после чего сел к Юсту и простился с ним, сказав краткое:

– Прощай, друг. Спасибо.

Глаза Юста устремились в небо, позволив запечатлеть последний миг тем видом, что интриговал его и вдохновлял, отчего даже показалось, что на лице его была легкая улыбка.

Оскар целился в Бэккера и нажимал на спусковой крючок с завидной яростью. Но патронов не было, все было израсходовано в Юста. Оскар повернулся к Роде с ожиданием исполнения приказа, но увидел лишь ее увлеченность содержимым рюкзака в руках Насти. То был череп, человеческий, с челюстью, очень хорошо обработанный, видимо, вручную. Чем-то знакомый, но точно настоящий, трещины небольшой паутиной охватили почти половину площади. Странность происходящего действительно парализовала любые выводы или поспешную реакцию. Все знают: Бэккер – человек непростой.

– Я понимаю, почему ты это сделал. – Бэккер обратился к Пете с искренним сочувствием. – Мне жаль. – Потом он посмотрел на Настю, но сказал Пете: – Я расскажу им. Дальше сами решат. Время есть.

Петя лишь опустил голову. Бэккер сделал пару шагов к остальным, взгляд его коснулся лишь Насти. Кое-что их сейчас объединяло: противоречивость чувств и отношения столь сложные, сколь неописуемые, а ведь прошло меньше суток с их последней встречи, пусть и кажется, что целая жизнь.

– Мы летим на Целестин. У нас оба Осколка. Второй был

в Топи. – На груди Пети открылась коробка, внутри которой рядом с уже знакомым Осколком, выглядевшим как спресованные в небольшой брусок острые камни, чьи концы торчали во все стороны, был еще один, но уже цельный, гладкий и чуть больше размером. – На дне озера, откуда Монолит брал воду столетиями, лежал космический корабль. Топи стали непригодны для иных форм жизни из-за внедренной в их систему россыпи бактерий и прочего, чья эволюция происходила посредством симбиоза с уже имеющейся органикой. Они адаптировались, питались, перерождались, меняя целый вид себя, но при этом сохраняя основу. Этот космический корабль привел на Кому новую генетику, новую биологию. Известные нам особи охраняли то, что мы именуем «Топи», от иных форм разумной жизни. Потому что для владельца корабля Топи – научный эксперимент. Все особи были соединены сетью тоннелей прямо вокруг континента. То количество, которое вы видели, – мелочь. Их задача – очистить поле от врага, а если тот решил уйти в бегство, по-нашему – эвакуация, – то они отпускают, так заложено в их воспитании. Потом, когда пройдет немного времени и они убедятся, что никто не угрожает их зоне ответственности... вновь спать. И это будет до тех пор, пока не вернется хозяин.

На последних словах даже Бэккер пропитался особым, граничащим с любопытством, страхом. И пока разумные вопросы не последовали от слушателей, он продолжил:

– Мы уничтожили корабль. Но Топи все еще опасны – и

будут, потому что этот эксперимент по ассимиляции оказался, как мы видим сами, чрезмерно успешен. Иной биологии туда нельзя, чтобы не навредила. Нечто более сложное вызовет реакцию в виде особей. Возможно, проект был не закончен, так что нам еще повезло. Саша и Леша – они были живы. – Бэккер говорил лично Насте и Роде. – Мы их встретили. Они остались там после того, как их работа привела к смертям тех женщин, за которые отвечали Петя, Ингрид и Катарина. Они все рассказали. Как и рассказали, что Андрей приказал убить их, иначе весь Монолит подвергся бы биологическому заражению.

Рода подошла ближе, взглянула на Настю, но та лишь сказала убедительно:

– Я не знала.

Потом Настя уже собралась обратиться к Бэккеру, но тот опередил:

– Доказательств нет. Лишь слова. Но слова убедительные. Я не уверен, что им был смысл лгать. Рода, ты помнишь такого человека по имени Ковак? – Рода безуспешно копалась в обрывках воспоминаний, словно в трясине. – Этот человек заявил себя как руководитель Техгруппы. Он отправил вас сюда с Опуса. Петя его узнал. Возможно, это придаст веса словам Саше и Леше. Но главное – они смогли создать что-то, что позволяет дышать в Топи своими легкими. Я видел, как этот Ковак разгуливает, словно... здесь. И нет, самого лекарства или как оно должно называться, мы не получили.

Уже и не получим. Все они мертвы. Большая часть их работы уничтожена.

В долгую минуту тишины слушатели успели посмотреть на Петю, выстроив цепь реакции и решения, отсеяв любые вопросы о причине смерти тех людей. Настя спросила очень осторожно, поступательно принимая все ранее услышанное.

– Если особи... если они скоро могут уснуть... зачем тогда вам оружие против них?

– Они же изначально проснулись из-за вас. – Рода была резче, что в этот жуткий момент придало Насте крупицу успокоения при виде отгласов старой Роды. – Монолиту сто лет, и все было хорошо!

Бэккер долго думал, стоит ли рассказать им, что на самом деле особи проснулись из-за Роды и Насти. Когда проводились раскопки, столкновение с первой особью должно было закончиться гибелью всей команды, включая Роду. Но та выжила из-за Насти, решившей вопреки просьбе Бэккера все же позвонить подруге, чтобы сообщить о смерти Андрея. Этот звонок отвлек Роду от выбора направления раскопки, уже там, внизу, отчего ее команда выбрала ту сторону, где и оказалась особь, поднявшаяся наверх от любопытства. Один звонок изменил все. Бэккер решил умолчать эту правду, то ли заботясь о Насте, то ли не желая раскручивать новый виток событий.

– Я солгал о том, что Рода ищет Осколок. – Бэккер решил сократить число откровений, уступая более сухой отчетно-

сти. – Мне нужно было время, чтобы подумать. Меня же хотели выпроводить на Опус. Вот я и воспользовался удачным шансом стечения обстоятельств. Когда Настя переслала нам сообщение, где Рода и Мориц спрятались в грузовике, то засветили изображение особи. Тогда я и понял, что надо действовать незамедлительно. Ведь если они уже здесь, то скоро будет и Он.

– Там была одна особь!

– Ты права, Рода. Права. – Бэккер осмотрел всех, потом поддался личному, связывающему его и прародителя этих событий. – Вы не могли не заметить – первая партия лишь оглядела местность. Большинство проснулось потом. И это не наших рук дело. Они умны. Поведенческий сценарий отлажен лучше некуда. Но когда я увидел эту тварь, то понял, что надо ускорять процесс. Что все происходит на самом деле. И пока вы эвакуировали город, мы подготовились к битве с тем, кто владеет этими особями, Топями и даже Осколками. Сейчас он на Целестине. Я называю его Варваром. Это трехметровое, похожее на человека существо с безграничной силой, властью и злобой! Для него мы все – лишь мясо на убой. Опус предупрежден, весь сегодняшний день был не только для того, чтобы у меня и Пети было время подготовиться, но и для того, чтобы Опус поверил в угрозу космического масштаба! Варвара не остановить Опусу, но, возможно, теперь они смогут спасти большинство, потому что Монолит сделать этого не смог! Корабль Варвара уничтожен,

его Осколки у нас. Теперь есть и оружие против особей, которые охраняют его, там, на Целестине! И мы идем за ним, пока он не пришел за нами!

Весь этот рассказ был крайне внушительным, но была одна проблема – ее поведал этот человек. Даже Оскар понял, что если бы все это узнал от отца, то без сомнений поддержал бы столь жуткую авантюру. Но Бэккер... сам человек мало вызывал доверия, больше походил на безумца, особенно на фоне того, во что превратился Петя. Настя смотрела на Оскара и видела в том странное смятение, ведь, вопреки его злобе и жажде справедливости, некая сила рассудительности брала верх слишком уверенно, подталкивая на уточнение деталей этой истории, нежели отрицание. Рода, как показалось Насте, совсем не хотела противиться – ей больше претила мысль принять все как есть и, возможно, согласиться с Бэккером. Люба же... Настя смотрела на нее и видела человека, ожидающего продолжения, которое будто бы сама знает наперед, оттого и не делает выводы. А потом Настя вспомнила, что у нее в руках череп, о чем забыла под натиском очень трудного рассказа.

– Рассказывай. – Настя показательно подняла перед собой этот череп, лицо же Бэккера впервые выразило страх.

Каждое слово приходилось вырывать из памяти, подтверждая всю ненавистную им историю, ошибочно кажущуюся давней. Тусклый взгляд, сдержанные движения сменялись грубыми рывками голоса и ломающей физической болью пугающе плавно – этакое перевоплощение или же метаморфоза разных крайностей одного сложного человека.

– Череп, который ты держишь в руках, принадлежит Бэккеру. – Никто не смел даже думать, повествование завладело каждым, безвозвратно перекраивая восприятие мира. – Когда я выбрался из завала, Клот уже взорвал больницу, я забрал его тело из комнаты, освободил Петю, и мы уехали на Аврору. Там подготовил тело для инсценировки смерти Пети, чтобы он втайне довел эту броню до ума. Та вспышка была настоящей, только Осколок не был уничтожен. Так не работает. Петя успел его забрать и спрятался в шахте до моего приказа. Нужно было время подумать, вот я и солгал про Роду и Осколок. Приходилось импровизировать весь день. Отчаянный план пришлось ускорить. Раз особи здесь, то Варвар тоже существует. Я знал.

– Если знал, почему не сказал моему отцу?

– Я говорил. – Бэккер оживился, что-то внутри него стало пробуждаться, некая звериная ярость, но не в адрес Ос-

кара или кого-либо. – Когда был на Целестине. Варвар убил всех! Когда меня забрал Эфир, я орал ему, что угроза вот-вот настигнет Кому! Но он не слушал. Я не знаю почему. Уже на Коме увидел взлетающий с озера космический корабль. Но не это было главным. Монолит был разрушен до основания. Все погибли! Блоки упали, тела людей были повсюду! Я думал, мне повезло выжить на Целестине... Думал, у меня получится всех предупредить... Думал, мы можем победить... Варвар обладает немыслимой силой. Ему плевать на любое наше оружие. Он убивает и разрушает. Два месяца! Два месяца я закапывал ваши тела! Прямо там, на развалинах Монолита! Я был один! Выживший неудачник, который не мог вернуться на Опус, потому что было уже не на чем. День за днем вновь и вновь я копал и закапывал. Либо это... либо смерть. Но я упрямый. Упрямство спасало меня каждый день. Упрямство дало мне силы съесть остатки... – В этот момент глаза Бэккера отразили нечеловеческое безумие от пережитого. – А потом Варвар вернулся. Он рыскал, словно зверь, не чураясь разрушать разрушенное. Трехметровое создание, похожее на человека, только широкое, массивное. Без лица, плотный, почти гладкий материал металлического оттенка. Непостижимая пониманию природа этого создания интриговала слишком сильно. К тому моменту я уже не боялся смерти. Мне было лишь интересно, почему выжил я. За этим ответом я и вышел к нему напрямую. До этого нашел дневник некоего Петра, изучавшего странный Оско-

лок. Я не придал значения. Какой-то ученый из Техгруппы. Чтение помогало отвлечься, вот я и читал. Берег этот дневник. Толком ничего не понимал, но это было хоть что-то. И вот Варвар шел прямо на меня... я смотрел на него и... он не слышал меня, не видел меня... ему было просто плевать. Я был так удивлен, что даже отступил, начав сомневаться в своем рассудке. Потом он пробился к лаборатории Пети. Большая ее часть была разрушена. Сейчас понимаю, Петя смог активировать Осколок... там же он и погиб. Я хотел лишь одного – внимания того, кто принес смерть, оставив меня одного. А потом я увидел его Осколок... Он достал его из груди. И я понял, что он пришел за Осколком. И тогда, чтобы снискать заслуженное внимание, чтобы он узрел меня, последнего человека на планете, я, воспользовавшись моментом, взял тот Осколок, который был впаян в Петино тело, не пережившее первый эксперимент с броней. Я получил свое внимание. Когда Варвар посмотрел на меня... Тогда я понял, что все это было зря. Это божество смотрело прямо мне в глаза, и я понял свою никчемность. В тот момент я захотел лишь одного – снова ощутить тот момент, когда я поверил, что могу начать новую жизнь. А единственный раз ощутить это... поверить в это и прикоснуться... это было в то утро, когда за мной пришла Настя. Я хорошо помнил, как прилет на Монолит был таким путешествием в новую жизнь. Наконец-то меня не будут осуждать или принимать... Я смогу с нуля построить свое окружение, найти дру-

зей, стать частью коллектива... быть в окружении тех, кто относится ко мне как к равному себе. Я помнил ту ночь перед нашей встречей. Как было здорово знать, что я наконец-то могу раскрыть себя настоящего, без надзора родителей или бремени статуса сына богатенькой семьи. Я хотел самого малого. Самого человеческого... Что-то случилось, и я оказался в прошлом. В той комнате, где начал свой путь.

Бэккер долго молчал.

– Я не верил в это. Не мог поверить. Думал... что это предсмертное... наваждение. Здравомыслие к тому моменту уже покинуло меня, рассудок развалился, оставив извращенные инстинкты выживания. А потом увидел его. – Бэккер указал на череп, который выпал из рук Насти от осознания следующих слов. – Я два месяца был один, ел то, что человек не должен есть, сходил с ума от непонимания и одиночества... Но когда я увидел самого себя... Что-то сломалось во мне. Родившийся двухмесячный безумец взял власть и убил Бэккера. Забил насмерть в состоянии аффекта. Потому что все это было неправильно. Я осквернил собственное существование.

Никто ничего не сказал. Все это было слишком. Бэккер кое-как собирал себя по кускам, прятал лицо в ладонях, ходил и смотрел вдаль, борясь с неким существом внутри себя. Наконец-то раскрыв себя настоящего, он предстал не предателем или безумцем, не уж тем более зазнавшимся эгоистом. Это был сломленный под натиском прошлого человек, отчаянно выживающий вопреки. Его не было смысла бить или ненавидеть. Все худшее он делает с собой сам. Но никто и не думал прощать его, пусть сочувствие и подавало признаки жизни.

– Когда ты пришла, – Бэккер стремился довести рассказ, – то я решился на второй шанс. Даже начал верить, что мне все привиделось или это был бред, кошмар, от которого я смог проснуться. Но я не любитель надежды, научился сам отвечать за свою жизнь. Так что я потребовал Андрея у тебя. Потому что в моем времени он погиб через день из-за тебя, Рода. Ты копала, случился обвал породы, связь потерялась, Андрей пошел искать и... уже потом я узнал, что и его заваляло в попытках раскопать живую могилу.

Бэккер смотрел на Настю и вновь хотел поведать правду, более личную и оттого важную: тогдашняя гибель Андрея слишком сильно повлияла на нее, отчего он хотел ее уберечь

в этот раз. Вновь он промолчал по личным соображениям.

– Надо было добыть Осколок, потому что я не понимал, как и что он делает на самом деле. Нужен был Петя, у меня как раз получилось принести из своего времени его дневник. Но только заполненный на два дня вперед. Это много. В моем времени он успел сделать важное открытие в понимании провокации Осколка. Так я смог открыть ему правду о грядущем. А дальше... я колебался между тем, чтобы подготовиться к грядущему, и тем... чтобы поверить во второй шанс, где не существует Варвара. Но все так быстро закрылось, Клот, второй Я, эта хрень с Безликими и появление этой... – Бэккер впервые взглянул на Любу и увидел на ее лице свежие слезы, привлечшие внимание остальных. Взгляд ее быстро сменился на отстранение, перчатки были вновь на руках, после чего она удивила всех простыми словами:

– Я лечу с тобой. – Она осмотрела каждого. – Монолит разрушен. Если есть угроза Опусу, мы должны ее предотвратить. Иначе те, кто выжил, как и весь Опус, познают смерть.

– У меня другой вопрос. – Оскар подошел вплотную к Бэккеру, сверля злобой, схватил его за грудки и спросил: – Почему ты молчал? Если ты все знал! Если все это правда, то почему...

– Потому что вы все мертвы! – Бэккер оттолкнул его, звериное рычание пробивалось сквозь слова. – Каждый из вас – труп! Я перестал считать тела после пятидесяти! Этими руками я копал могилы день за днем, вновь и вновь! Не смей

осуждать меня. Тебе не понять. Я пытался все исправить, импровизировал весь вчерашний день – я устал! Все эти смерти – кровь не на моих руках. Они бы и так умерли. Я же дал шанс спастись хоть кому-то. Мы пробудили особей, чтобы без лишних слов вы спаслись с Комы. Мы ведь говорили, чтобы вы начали эвакуацию, но никто не слушал. Пришлось уничтожить все водоснабжение, чтобы хоть что-то у вас в башке заработало! Моих слов недостаточно? Моих действий недостаточно? Невежды! Полетели со мной, сами все увидите.

– Из-за тебя мы пережили худший день нашей жизни. Мы видели смерть наших друзей. Гибель цивилизации. – Настя не скрывала своего презрения к Бэккеру, проявляя холодную, пугающую остальных силу характера.

– Вот именно, вы его пережили. Пожалуйста.

Настя ударила его по лицу кулаком, Бэккер с трудом выстоял. Петя не пошевелился, но это и не требовалось – все быстро вспомнили, как тот реагирует на нежеланное.

– Вернись сейчас и исправь все то, что ты натворил. Ты должен все исправить.

Медленный закат отнимал свет, все больше сгущая атмосферу. Бэккер долго смотрел на ее отчаяннее, радуясь тому, что ему не придется вновь убивать ее и видеть ее страдания.

– Меня все устраивает. Вы думаете, что сейчас все плохо? Ошибаетесь. И если считаете, что мы можем все исправить, вернувшись в прошлое, то советую вспомнить, чем мы зани-

мались весь вчерашний день. Вы не видели гибель человечества, а я видел. Пережил его вместе с вашими могилами. Если кто-то считает, что у него есть право мне указывать, то оставайтесь тут.

– Какой план? – Рода говорила с осязательным смирением.

– Я знаю, где он. У нас его оружие и факт внезапности. Приходим, готовим поле боя, убиваем.

– Если мы этого не сделаем...

– Он не будет щадить никого. Через несколько дней он проснется. У нас мало времени.

– Есть когти особи. Они могут пробить их тушу на ура. Думаю, пригодятся, раз они там могут быть. Заберу, и можем лететь.

– Рода!

– Настя, хватит. Ты помогла мне вернуть что-то хорошее. Спасибо тебе. Но здесь для меня ничего не осталось. Я не особо верю ему. Но мне интересно.

– Твой отец...

– Нет. Я хочу, чтобы прошлое осталось в прошлом. Это трудно, но честно. И не смей пытаться вернуть все назад и спасти своего отца. Иначе чем ты будешь лучше Бэккера? По его словам, все эти игры со временем принесли уже... да ты и сама посмотри вокруг, Настя. Если он прав, то мы в такой жопе, что... Настя, да мы друг с другом не можем ужиться. Ты не думаешь, что, может быть, пора двигаться вперед?

– Рода.

– Теперь и ты будешь меня убалтывать. Оскар, серьезно? Я ведь убила не только Катарину, возвращаться к простой жизни не собираюсь. Как минимум, пока не заслужу этого. Признайте, мы все стали другими людьми. Думаю, стоит увидеть своими глазами зачем. Если он свидетель будущего, то я хочу поверить его слову.

Смотря вслед Роде, Настя и Оскар молчали. Все эти знания лишь усложнили их план действий, отчего хочется забыть непрошенные откровения и вернуться к изначальному пути. Но такое не забыть. Вопреки их воле, с этим придется жить, причем даже не имея каких-то внушительных доказательств. Почему-то они верят Бэккеру... А может быть, хотят верить, чтобы спастись от бремени решений этого дня.

– Почему ты зовешь нас с собой сейчас? – Оскар встал между Настей и Бэккером, показательно защищая ее.

– Потому что я ошибся. Еще утром можно было все рассказать, и, возможно, мы бы вместе что-то придумали. Но я запаниковал. Имею право.

– Может, ты ошибаешься сейчас?

– Не надейся.

Оскар уже махнул кулаком, но удержался от избиения полуживого Бэккера.

– Я кое-чего не понимаю. Вчера ты боялся нарушить петлю, боялся убить сам себя, а теперь эти правила не действуют?

– Они и раньше не действовали. Тебе не понять, что зна-

чит убить себя. Голыми руками забить того, кто даже не понял, что произошло и почему. Представь, что тебя убиваешь ты сам, только будущий, при этом не обронив ни слова. – Мрачность Бэккера открывала новые глубины. – Повторять я это не собираюсь.

– Почему сейчас никого нет из будущего? Это ведь так удобно – создать петлю, чтобы уговорить нас...

– Потому что мы победили!

– Или проиграли.

– Есть лишь один способ узнать.

– Какой же ты урод. Все удобно под себя стелешь.

– Можете убить меня! Вперед! Надоело уговаривать, тратить на вас время! Убейте меня, останьтесь здесь и познайте мою правоту. Жаль только, я не смогу сказать вам: «Я же говорил!» Я знаю это будущее. То мое время. А если хотите вернуться в прошлое, то, во-первых, успехов уговорить Петю в этом, а во-вторых, кто дал вам компетенцию для этого? Сами решились?! Удачи с ответственностью за жизни сотен тысяч людей. Радуйтесь, у вас есть я, кто делает то, чего вы не просто не можете, вы вряд ли захотите занять мою роль.

Глядя на закат солнца в стороне разрушенного Монолита, с трудом пробивающийся сквозь затянутое черными тучами небесное полотно, Настя задала Бэккеру самый главный вопрос:

– Ты хочешь спасти людей от Варвара – или ты хочешь ему отомстить? – Молчание было долгим. Солнце скрылось,

закончив их поход тьмой. Настя развернулась и через плечо Оскара увидела мрачное лицо Бэккера, который, как и этим утром, так и не удостоив ее ответа, ушел.

ПИСЬМО 5

Вот и последнее письмо. А может, и первое. Этот вопрос интересен: как будет прочтено? Может быть, и никак. Допускаю, что ты ничего не поймешь, если я не уточню детали. Хотя их так много. Чтобы рассказать все, придется книгу написать. Но моя мама учила сосредоточиться на конкретном вопросе и обрисовать саму суть. Кратко, емко, по существу. Это помогает не только навести порядок в голове, но и оставить воплощение хода мысли на бумаге. Как вмятина в земле от шага ноги или лапы зверя, так бумага фиксирует фрагмент человека. Фрагмент не только прошлого, но и будущего. Этаким разрез середины, вырванный из потока жизни. Но пишу не для красоты. Пишу для памяти. Пишу для истории. Писем уже больше десяти. Все они были важны для контроля мыслей и чувств. Координаты в пространстве и времени. Неизвестно, где ты найдешь их, как и неизвестно когда. Мысль об этом вдохновляет меня. Так и хочется увидеть этот момент, когда ты возьмешь их или лишь одно и узнаешь эпилог. Сам сюжет будет скрыт от тебя. Так надо. Поверь. Потому что прошлое нужно оставить в прошлом. Не желай обратного. Бойся прошлого за этими письмами. Прошлого за моей жизнью. Не просто так нет имени или даже намека на возраст с полом. Я лишь история из мно-

гих. Отличительная черта, не более чем временный эксклюзив на знания. Ненавижу это. Хотя сейчас думаю о том, что мне повезло. Тот же Бэккер или Катарина – эти люди видели лишь один сюжет, одну прямую. Но она принадлежит им. Их история. У них есть дом. Есть отправная точка и финальная. Они знают, что живут мгновением Вселенной. И если ты думаешь, что этого мало, мол, вот бы увидеть жизнь после смерти или же познать закулисы, то могу сказать, что это и дар, и наказание. Много раз приходилось жалеть об этом даре и радоваться наличию наказания. Не все готовы к этому. Поддайся фантазии, выдумай что-то и запиши. Пользы будет больше. Мне ведомы пролог и эпилог твоей истории. Кем бы ты ни был. Поверь, я знаю крайности. Вопреки желанию. Лучше будет, если ты не поймешь эту историю. Имена будут чужими, места – забытыми. Цени мгновение, зная, что есть нечто большее. Но это большее разрушит то малое и прекрасное, чем ты дорожишь. А если у тебя есть дети, то сожги эти письма. Твой ребенок будет твоим будущим. Потому что таков закон природы. Радуйся каждому мгновению его взросления и питайся его будущим. У меня такого не будет никогда. Мне не быть родителем. Детей не будет. Да и я не смогу. Страх слишком силен. Не прощу, если моя жизнь нанесет ему вред. Опять же, мне ведомы пролог и эпилог. Его это не должно касаться. Так что радуйся своей простоте. Она ценна. А если нет такого, то теперь у тебя есть цель. Поверь. Просто поверь. Пожалуйста. Не совершай ошибок. Мне ве-

домы эти ошибки. Знаю имена тех, кто решился вопреки. Там все грустно. Знание несет бремя ответственности. Ненавижу это. Но лучше я, чем ты. Мой стаж достаточен, чтобы нести его гордо. Малая жертва. Так было с самого начала. Мы с тобой разные. Такое было распоряжение. Пролог богат на откровения. Зерен было посажено много. Отгадка хуже загадки. Живи загадкой, радуйся составляющей. Но не ищи отгадку. Бойся ее. Итак. Где же я? Пора подвести итог. Потому что все закончится красивейшим символизмом. Пойму лишь я. Но, надеюсь, ты прочувствуешь мое облегчение. Это финал, конец. Цикл моей жизни закрутился достаточно, чтобы появилась последняя точка. Единственная. Координаты привели сюда не просто так. Таков мой выбор. Можно было что-то предпринять. Но не хочу. Хватит уже. У эпилога не может быть своего эпилога. Таково мое решение. Обратное доказано мной же. И мной же теперь закончено. Так вот. Робот шел в сторону Авроры. По прямой, спокойно и уверенно. Был один. Куда делась женщина, не знаю. Но и знать не хочу. Борюсь с этим желанием. Ее поиск нарушит правило эпилога. Откроет новую координату. Нельзя. Хватит. Пусть живут без меня. Познав конец, невозможно вернуться к началу. Иначе никакого познания не произойдет. Эта женщина слишком вольна. Слишком сильна. Она создала пролог и эпилог. К ней много вопросов. Много претензий. Слишком много связи. Связи, которая может спасти. Но я не хочу. Теперь не хочу. Трудный выбор. Но мой. Оборвать связи с этой

женщиной будет легче простого. Надо лишь принять время. Усвоить пространство между координатами. Ее власть способна на все. Но меня это больше не волнует. Хватит. Пока она есть, всегда будет эпилог. Она создает границы. Может меня спасти. Но за этим спасением будет перестановка фигур. Новые координаты, новые последствия. Ты уже понял. Так вот. Аврора. Старый город. Ныне ненужный. Пережиток ошибок и мечты. Пора оставить прошлое. Довольно символично выходит. Извини, если повторяюсь. Но сейчас уже не до правил. Больше ведут эмоции. Не знаю робота. Разрушить памятник людей? Отомстить или же попроситься? Кто знает. Мне уже не видно. Но цель его была точна. Прямо туда. Откуда пошли корни большого города. Ныне лабиринт. Может быть, робот просто идет в новое место для себя. А может, и не новое. Не знаю. Идти к нему опасно. Ты уже догадался почему. Хватит рисковать жизнями. Свидетелей слишком много. Мое слово – не информация, лишь мысль. Отражение чувств. Подводка к точке. Маленькое наследие. Самое невинное наследие. Хоть сейчас получилось. Ты мой последний друг. Хочется зафиксировать свое наличие. Усталость берет свое. Сентиментальность на повестке дня. Маленький путь. Если бы не Бэккер, то и не было бы встречи с Катариной. Она доказала предсмертную ценность умереть там, где приятней всего жить. Но умереть не просто так. Нужно что-то сделать. Нечто такое, что свяжет прошлое и настоящее. Обычно бывает воспоминание. Семья бы-

вает рядом. Как результат добра и любви. Они будут помнить, оплакивать и любить. У меня таких людей рядом нет. Но они есть. Есть в памяти. Так вот. Итак. Сначала был Бэккер. Он копал могилы, хоронил свой народ. Потом забрал жизнь любимой. Спас ее от мук эпилога. Она ненавидела его. Он принял это смело. Его воля и упрямство дали мне сил шагнуть дальше одного дня. Вдруг есть что-то важное. Этим важным оказалась тюрьма. Как и ожидалось, место то было последним домом для выживших. Странно, что Бэккер не был там. Может быть, не хотел. А может быть, его не пустили. Третий вариант пугает. Можно было бы спросить Катарину. Но та явно выбрала лучшую координату. Если бы сказать про Бэккера, то поменять ход вещей. Вмешаться в судьбу. Или же хуже. Сделать то, что судьба хотела. Важно уточнить. Мы с тобой по-разному понимаем природу судьбы. Моя чуть более физическая. Ненавижу этот закон природы. Это божество. Ненавижу. Мы с ней слишком разные. Катарина умерла с добрыми мыслями о другой жизни. В ее вещах было кое-что важное. Судьба? Ха. Саркастичное Ха. Столько вариантов повлиять на эпилог. Мой выбор прост – взять пример с Катарини. Мой выбор ролей. Бэккер – это я при борьбе с Судьбой или же выжидании ее воли, ее нового указа. Тирания Судьбы равносильна благодетели. У нее нет зла и добра, черного и белого. Она просто правит. Закулисье имеет свое закулисье. У Судьбы там есть своя вторая половина. Наставление трактует ценность матери и от-

да как баланса крайностей. Судьба балансируется Временем. Время и Судьба – вот настоящие боги. Просто радуйся им. Потому что если не мешать им, то они одарят тебя. Малым, но честным. Мне не повезло. Порой кажется, что я либо их незапланированный ребенок, либо же болезнь должна свести их с ума. Вот они и пытаются от меня избавиться. Так что пора поддаться воле богов. Последняя точка координат – мой дом. Моральный и эмоциональный. Не физический. Не буду Бэккером. Теперь это его роль. Боги переключились на него. Но не переживай за него. Он выживет. Потому что не может не выжить. Боги не ошибаются. Еще один символизм. Увидеть свою замену. За такое стоит сказать спасибо. Гарантия, что мой эпилог подходит к концу. А мой эпилог закончится в большом доме. Сюда меня привела Катарина. Ранее глава тюрьмы. Теперь она мертва. Умерла от ран. Ее транспорт мне помог. Получилось применить и приехать сюда. Этот лабиринт содержал важное высокое здание. Раньше было высоким. Кое-как ноги подняли до нужного этажа. Красиво. Открывает вид на Аврору. Она там, вдалеке. Туда идет робот. Справа мне открылся вид на то место, где Бэккер хоронил людей. Почва позволяла. Там был парк. Кажется. Десятки прямоугольных насыпей видны отсюда слишком хорошо. Вокруг же сплошной лабиринт. Сухой воздух. Ветер приятно обволакивает. Часть этого небоскреба разрушена. Мне повезло забраться. Было трудно. Очень. В момент окутал страх. Было бы невероятно трагично умереть в шаге

от квартиры. Квартиры, где я и пишу это письмо. Я улыбаюсь. Счастье. Потому что наконец-то все подходит к концу. Мне слишком много лет. Судьба и Время много раз догоняли меня. У них хорошо получилась роль надзирателя жизни. Но мне порой помогали человеческий фактор, немного везения и несгибаемая упрямость. Столько раз ускользнуть от смерти нельзя. Но каждый раз было интересно. А если?.. Что если сделать вот так? Или так? Кто сказал, что наступил конец? Ха. Обманывать Судьбу и Время стало привычкой. Игрой всей жизни. Игрой, которую нельзя разделить с другими. Другие люди сталкиваются с последствиями твоей игры. Так что ставки высоки. А если думаешь, что получится переиграть, то, значит, ты играешь. Хочешь победить в игре? Не играй. Единственное правило. Остальное же принимай и не ной. Тут все просто. И сейчас я сижу в квартире особенного человека. Сейчас расскажу. Когда-то мне был знаком один мужчина. Он был хорошим и мудрым другом. Такие люди становятся примером образования и воспитания. Слишком хорошие для этой жизни. Но не слабые или наивные. Думаю, ты понял. А если нет, то, когда встретишь такого человека, поймешь мои слова. Так вот. Ранее он жил на Авроре. Мы были друзьями. Очень хорошими. Считаю, семьей. Ему пришлось улететь на Опус. Он должен был вернуться. Может быть, вернулся сразу же. Может, потом. Кстати! Почему не Аврора? Почему здесь, а не там? Потому что таков мой выбор. Все ведет туда. Но я против. Судьба и Время перебыют-

ся. Никаких уступок. Маленькая комната и немыслимое своей редкостью знание. Этого достаточно. Это мой маленький мир. Но честный. Мой. Так вот. Его фамилия была Дикисян. И сейчас я в комнате его дальнего родственника. Андрей Дикисян. То же имя, почти то же лицо. Очень похож. У Катарини была фотография. Она хранила ее. Этот человек был важным для Монолита. Важным для этого времени. Приятно знать. Верю в его ценность. Этот и его дальний предок очень похожи. Сразу же узнаются черты. Мой друг – его дальний родственник, тот, кто когда-то прибыл со мной на Аврору. И сейчас я в комнате его какого-то по счету внука. Это невероятно приятно знать. Счастье за других важнее счастья за себя. Я смотрю на его фото и вспоминаю свое прошлое. Можно было бы делать это на Авроре. Там, возможно, есть послание для меня. Оно может быть. Оно может все изменить. Но таков мой выбор. Пора поставить точку. Иначе. Ну, ты и так уже понял. Да и там сейчас разворачивается другая история. Судьба и Время выбрали Бэккера. Пусть так и будет. Когда-нибудь и он будет на моем месте. А мне пора и меру знать. Так вот. Что я знаю. У Андрея была дочь. Звали Рода. Тут есть ее фото. Красивая. С характером, сразу видно. Жаль, что на ней род Дикисянов и закончился. Но это были чудесные жизни. Чудесные истории. Я живу этим моментом и моментом прошлого. И это невероятное счастье. Этот маленький момент соединения знания и памяти сквозь время вокруг хорошего человека и его семьи – моя маленькая, бес-

ценная награда. Сложно описать чувства. Я словно живу в двух мирах. Хотя мне не привыкать. Но сейчас что-то очень наивное и человеческое. Красота истории позволяет заглушить голод и боль от ранений. Да, представляешь. Поднимаюсь сюда, случилось упасть. Так глупо. Так просто. Упасть и пораниться. Глубоко. Это чудесно. Знаешь почему? Доказывает мою правоту. Боги отпустили меня. Умру, как простой человек. Случайность примитивна. Путь сюда столкнул со смертью. Простой, честной, тихой. Это ли не доказательство верности пути. Я не скажу, как и откуда тут нахожусь. Знания эти опасны. Вновь разозлю Судьбу и Время. Моя смерть их успокоит. В голову бросаются мысли о том, зачем робот может идти на Аврору. Но моя смерть освободит меня от этого. Пусть история будет в чужих руках. Я все время скрывала свое имя. Так учила мама, когда объясняла ценность писем. Но мне хочется, чтобы ты знал его. Напоследок хочу его написать. Потому что это я. Я была жива. Хочу сказать тебе спасибо, что читал их. Надеюсь, ты запомнишь мои советы. Надеюсь, не будешь играть в игры с Судьбой и временем. Так делала я. Делала слишком долго. Живи и цени свою жизнь. Меня зовут Любовь. Можно просто Люба. Рада познакомиться. Спасибо тебе.

Продолжение следует...